

В номере:

Великая Отечественная война

<i>Ирина Леонова. Бог всех нас не так понял...</i>	3
<i>Анатолий Подопрigора. Канувшие в вечность</i>	12
<i>Лариса Стойлова. Последний праздник</i>	14
<i>Галина Аляева. Самосуд</i>	18

О святом и прекрасном

<i>Алла Ступина. Поклон Нерехте</i>	22
-------------------------------------	----

Проза

<i>Наталья Гармс. Сколько нужно мужчин, чтобы...</i>	24
<i>Владимир Шатров. Личное дело сержанта Бессарабова</i>	46
<i>Георгий Каюров. П.П.Ш.</i>	57
<i>Виктор Афоничев. Четыре незатейливых истории</i>	60
<i>Григорий Ермолаев. Грех</i>	65

Очерк

<i>Александр Редьков. «Поручик, а не сержант»</i>	67
<i>Олег Цуркан. Фогим</i>	72

Поэзия

<i>Сергей Зубов</i>	86
<i>Олег Бескровный</i>	88
<i>Сергей Ратмиров</i>	90
<i>Александр Бывшев</i>	92
<i>Андрей Вradiй</i>	94

Дебют

<i>Кирилл Катюшин</i>	96
<i>Александр Неуличный</i>	97

Литература для детей

<i>Роза Абрамян. Был тихий зимний вечер</i>	98
---	----

Пишут читатели

<i>Валентин Короваев. Память</i>	100
----------------------------------	-----

Дневник путешественника

<i>Ирина Коротченкова. Чудо в океане</i>	102
--	-----

Журнал «Наше поколение» основан в 1912 году.
Выпущено было 10 номеров. Выпуск возобновлен в 2009 году.

**Журнал «Наше поколение» готовится при творческом участии:
Союза писателей России
Московской городской организации Союза писателей России**

Учредитель

Козий Александра Петровна

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Министерством юстиции Республики Молдова №229 от 18 февраля 2009 г.

Редколлегия:

Главный редактор

Георгий КАЮРОВ

Редактор интернет-журнала

Виктор ХАНТЯ

Главный бухгалтер

Ольга ДОДУЛ

Редакционный совет номера

Николай Переяслов, Михаил Попов, Владимир Силкин, Дмитрий Нечаенко, Ольга Бедная, Анна Кашина, Юрий Харламов, Сергей Власов, Алексей Дука, Виктор Хантя, Иван Дуб, Матвей Левензон, Максим Замшев, Анна Малдофа, Надежда Дёмина, Маргарита Сосницкая, Виталий Ткачев, Сергей Маслоброд, Валерий Реницэ, Игорь Хомечко.

Литературный редактор

Вера ДИМИТРОВА

Корректор

Светлана БРОНСКИХ

Художник-иллюстратор

Эдуард МАЙДЕНБЕРГ

Фотограф

Валерий КОРЧМАРЬ, Юрий ГЕРАЩЕНКО

Дизайн

Издательский Центр «Наследие», Александр Сава, Ольга Дерезинская, Александр Зингалюк

Вёрстка

Вячеслав ЗАДЗИК

Адрес редакции: Кишинев, ул. Пушкина, 22, оф. 317

E-mail: nashepokolenie@pisem.net

www.nashepokolenie.com

Перепечатка материалов без разрешения редакции «Нашего поколения» запрещена.
Присланные рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переговоры и переписку по их поводу, а только извещает авторов о своём решении.

Ирина ЛЕОНОВА

Бог всех нас не так понял...

Я не ставила перед собой задачу воспроизводить поэтапно исторические даты страны, сначала Российской империи, потом Советского Союза, а впоследствии России, и писать сухим казенным языком. Я хочу рассказать историю о жизни людей, которым довелось любить и страдать в самый трагический период многонациональной страны, обозначенной на картах всего мира – *Союз Советских Социалистических Республик*.

Вы можете представить Санкт-Петербург в начале ноября? Я думаю, что да, поэтому можно передернуть зябко плечами, почувствовать под ногами жидкое месиво из снега и грязи, ощутить на лице колкость пронизывающего ветра и раствориться в очаровании домов прошлых столетий, защищающихся от капризности Невы ажурной белой лепниной на фундаментальных каменных фасадах.

Среди серой неуютности погоды и домов сиял хрусталем люстр и завораживал сиянием витрин с гастрономическими изысками магазин «Братья Елисеевы» на Невском проспекте.

На углу пересечения Невского и улицы (я не помню ее наименования), прислонившись к стене, за которой разместилось великолепие магазина, опираясь на ходунки, стояла худенькая старушка.

Приняв ее за нищенку, хотела подать денег, хотя я не люблю такого рода благотворительность, так как испытываю неловкость за людей, которые отвечают за страну и за тех, кто умудряется довести себя до попрошайничества, но передумала и зашла внутрь «Братьев Елисеевых».

Порадовавшись за рыбную отрасль народного хозяйства в виде черной икры всех сортов, красиво выложенной в хрустальных емкостях на белом льду, вышла на улицу и опять натолкнулась на одинокую фигурку. Я вытащила деньги из сумки как раз в тот момент, когда одновременно со мной, видимо, тоже поддавшись порыву сострадания, подошла молодая девушка. Как это получилось, не знаю, но мы одновременно протянули подаюния.

– Вы что, с ума сошли! Куда шли, туда и идите. Мне от вас ничего не надо, – услышали мы.

– Нет, надо, – девушка была настойчива.

– Нет, не надо, – старушка решительно и с силой, непонятно откуда взявшейся в ее исхудалом теле, оттолкнула наши руки. Во взгляде ее была гордость и надменность, а голос дрожал от ярости.

И тут я заметила, что никакой емкости для собирания денег перед женщиной не стояло. Она просто куда-то направлялась, устала и отдыхала, облокотившись к стене. На лацкане ее старого, по-

тертого и заношенного пальто тусклым пятном из недорогого металла красовались две медали. Одна из них была «За оборону Ленинграда».

Мне стало не то чтобы неловко, а ужасающе стыдно перед бабушкой за нашу демократию, представленную в виде благополучных революционных потомков и гламурной интеллигенции, процветающих на голоде, одиночестве и тоске того старшего поколения, которое своими страданиями позволило всем нам не только наслаждаться красотой мира, а просто родиться.

А теперь представим не Санкт-Петербург, а город Ленинград в начале июня 1941 г.

Мальчик Ваня Седзик (родственники и друзья называют его ласково Ива) сидит на лавочке около дома в Саперном переулке и в нетерпении ожидает маму. Она ушла рано поутру в Смольный за разрешением на посещение Белоруссии. В то время, чтобы выехать из одной республики в другую, требовалось разрешение или пропуск.

Политическое положение молодого государства было сложное. 1 сентября 1939 г. немецкие войска вторглись на территорию Польши, и началась Вторая мировая война, а вновь образованная граница молодого государства только-только начала укрепляться. Ведь только с сентября по октябрь к Белоруссии присоединились западные земли и образовались новые области: Брестская, Барановичская, Гродненская, Вилейская и Пинская. Вот там под Гродно на хуторе, близ деревни Малышевка, и проживает его дядя, Казимир Иванович Седзик, родной брат отца Ивы. У него там свой хутор с лошадьми и коровой. Городской мальчик их видел только на картинках в книгах, так как за все свое детство Ива выезжал из Ленинграда пару раз к отцу на Беломорканал, а тут все лето свежий воздух, парное молоко, а главное, исполнится его давнее желание – познакомиться с двоюродными братьями и сестрами.

Ива посидел еще немного и решил пойти домой.

Жили они в большой коммунальной квартире, состоящей сначала из шести комнат, но нашлись предприимчивые люди, которые ванную переделали на седьмую, а большую кухню разделили на две части, соорудив из второй половины ванну – там, соблюдая очередь, раз в неделю можно было помыться. Квартира, заселенная евреями, русскими, поляками, жила по интернациональному закону, а значит, соседствовали дружно.

Ранее все эти комнаты принадлежали его двоюродному дедушке, Майдановичу, крупному инженеру в судостроении, а потом всех уплотнили. Его

семье оставили одну комнату, в которой теперь и проживал Ива с мамой и бабушкой Эмилией Викентьевной, а дедушка умер, когда Ваня был совсем маленьким.

Наталья Аркадьевна Валуева с сыном Ваней

Поначалу они одни занимали большую, светлую комнату, но потом кто-то, кто отвечал за коммунальное хозяйство в их районе, решил,

что это очень шикарно, и в комнату, визуальное разделив ее на две части, подселили молодого инженера. Мужчина, по-видимому, был трудоголиком, так как уходил на работу очень рано, а возвращался очень поздно. Его практически не видели.

Рядом с домом находилась школа №24, где его принимали в пионеры и где он только перешел в четвертый класс.

Когда шла финская война, их школу отдали под госпиталь раненым красноармейцам. С одной стороны, конечно, плохо, когда страдают люди, а с другой – занятия часто отменялись, и можно было гулять с друзьями сколько угодно.

А еще юный ленинец Иван Седзик с удовольствием ходил в дом пионеров, который располагался в Александровском дворце. Кружков там было видимо-невидимо, а так как Ваня был любознательным мальчиком, то успел побывать во всех, но так пока и не выбрал, какому из них отдать предпочтение.

Класс, в котором учился Ваня Седзик. Он третий слева в нижнем ряду.

Вернулась мама и сказала, что разрешение получено, а потом, устало присев на стул перед бабушкой, произнесла:

– Представляете, тот военный, который мне

пропуск выдавал, сказал: куда это вы едете? Вот-вот война начнется.

– Кто его знает, милая. Сейчас такая обстановка, что, может, оно и правда, а может, и нет. А хуже всего, может, он специально так сказал, для провокации.

Чтобы там ни говорилось, но сборы были закончены, и Ваня с мамой в сопровождении провожающих – бабушки, подруги Тамары и соседа-инженера, отправились на вокзал. Ваня нес сумку с продуктами и прижимал к груди альбом, который подарил ему сосед, дядя Паша. В этом альбоме оставили свои рисунки многие, и теперь Ване предстояло пополнить его своими впечатлениями.

Кто не был в Белоруссии, тот не знает, какой это красивый край, с его удивительными безбрежными лесами и необыкновенными по чистоте и глубине многочисленными озерами и реками. Я не ошиблась – именно безбрежными. Один массив, черно-хвойный, переходит в светлые березовые рощи, сменяющиеся осиновым редколесьем и густым кустарником, а потом опять чащобы, чащобы, чащобы вековых сосен и елей.

И когда дует ветер, то листва начинает шелестеть, и возникает ощущение, что это волны расходятся кругами – зелеными, красными, желтыми, они шумят и, перешептываясь, рассказывают друг другу

о чем-то увлекательном, о тайнах, которые не один век схоронены под корнями могучих деревьев.

А озера! То совсем маленькое, словно лужица, но глубокое и холодное, а то такое, что и противоположный берег еле-еле сможешь разглядеть в солнечную погоду. Реки, речушки, ручейки... Они берут начало от многочисленных озер и несут чистые воды по всей стране, наполняя воздух свежестью и сыростью. И поэтому туманы почти каждое утро, в особенности по осени и весне, покрывают белой тягучей пеленой низины и равнины, принося с болот запахи тины и торфа.

Болота в краю тоже удивительные! Населенные редкими птицами и где на зеленом мхе вызревают ягоды – клюква и голубика, заманивая любителей их собирать в зловещие трясины.

А когда и в лесу, и на болотах начинают цвести фиалки, ландыши, багульник, папоротник и лаванда! Где еще, в каких местах можно встретить такую радость в величии природы?

Ехали с многочисленными пересадками, наконец, после Гродно, поезд прибыл на станцию Дуброва, где их встречал дядя Казимир на двуколке, запряженной парой лошадей, так как хутор, где проживала его семья, находился за городом Дуброва, недалеко от деревни Малышевка.

Еще после восстания 1863 г., когда царь Александр II* указом наделял землей крестьян, семье Седзик выделили надел в 10 га и небольшой луг, тянувшийся вдоль реки Вебра. Водить туда коров было далековато, но зато зимой сена всегда хватало до весны.

Хозяйство считалось зажиточным. Дед Иван Матвеевич не стал делить землю на всех своих детей, а отдал ее во владение младшему Казимиру, с условием, что тот никогда не оставит своих трех сестер и двух братьев в беде. Впоследствии один из братьев умер от тифа, сразу после окончания Первой мировой войны, а Иван (отец Ивы) уехал в 1913 г. в Санкт-Петербург.

Жена дяди умерла год назад, поэтому по хозяйству ему помогали пятеро детей: старший Станислав, ему было пятнадцать лет, и тринадцатилетние девочки-погодки Янка и Мария, а также – Альбина и Тереза.

Общаться поначалу было тяжело, так как в здешних местах в основном разговаривали на польском языке, но на то она и жизнь, чтобы познавать и учиться.

Мама, Наталья Аркадьевна, погостив несколько дней, засобиралась обратно, отпусками тогда не баловали. Было это 15 июня. Прощались легко,

ведь к первому сентября дядя Казимир отвезет его назад в Ленинград, отдохнувшего и окрепшего.

А через семь дней они проснулись от страшного грохота. Дядя Казимир сообщил, что началась война. Они выбежали из дома и поднялись на небольшой пригорок. В небе четкими группами летели самолеты в сторону Минска и на их крыльях чернели немецкие кресты.

Вдали, в небо поднималось зарево от пожаров, полыхал город Липск.

Началась Великая Отечественная война.

Что запомнилось ему, одиннадцатилетнему мальчику, проведенному три года в оккупации? Это то, что в первые дни со стороны границы шло очень много советских солдат, кто поодиночке, кто группами, все спрашивали местных: нет ли где поблизости советского командного пункта. Удивило то, что при них не имелось никакого оружия, а ведь на предвоенных плакатах и в период финской войны бойцы Красной армии рисовались во всей амуниции, наверное, в то время каждый паренек мечтал подержать в руках настоящую винтовку.

Потом поток войск иссяк, и наступила тишина. А через несколько часов из леса появились первые немецкие солдаты. Они шли и шли через Малышевку несколько дней, усталыми, но веселыми пыльными колоннами, держа наперевес автоматы и угощая местную детвору невиданным доселе шоколадом и разноцветными конфетами, правда, при этом не забывали конфисковать у крестьян лошадей для нужд немецкой армии.

Затем опять возникла небольшая пауза и потянулись отряды в черных мундирах, наводя ужас и страх на местное население жестокими порядками и распоряжениями по законам военного времени. Как-то во время прохождения небольшой колонны немцев раздался одиночный выстрел, и командир в чине капитана был убит. В течение дня городок Дубрава с его деревянными домами был полностью сожжен, уцелел лишь каменный костел.

Когда ты приехал погостить на каникулы – это приятно, ты гость, но когда ты остаешься в доме на неопределенное время, а может, и навсегда, то твой статус меняется и приходится наравне с членами семьи начинать пасти гусей, косить траву и учиться выживать от голода и холода. Ведь любая власть любит конфисковать у крестьян все: поначалу для нужд рабочего класса, потом для борьбы с контрреволюцией, ну а затем для нужд армии, не забываясь о жизнях тех, у кого изымается буквально все, до последнего куса хлеба.

Я не буду писать об ужасах оккупации. Расска-

* Во время восстания царь издал закон об отмене в Польше и Литве крепостного права на менее тяжелых условиях, чем в других губерниях Российской империи. В Польше земельные наделы раздавались бесплатно, полностью отменялись все крестьянские повинности.

зывать о том, что видела в кинофильмах и прочитала в книгах. Я думаю, все поколения, рожденные после войны, помнят ту страшную войну на генетическом уровне. Ведь те беды и страдания, которые вынес советский народ, не подлежат никакому разумному объяснению.

Иван Севастьянович рассказывал о том, что они, дети, страдали больше всего оттого, что их тела были покрыты болячками, не поддававшимся никакому лечению, но когда пришла победа, все исчезло моментально. Болячки возникали то ли от недоедания, то ли от бесчисленного количества блох и вшей, а может, оттого, что организм все время находился в состоянии стресса. Каждый день мог для тебя стать последним: ты мог погибнуть от шальной пули, оказаться в заложниках и быть расстрелянным, или отправиться в Германию в качестве раба!

Я думаю, семье Седзик повезло остаться в живых благодаря не только Божьему провидению, но и тому, что граждане, проживающие на территориях, присоединенных перед самой войной к СССР, не вызывали в фашистах того неприятия, которое вызывали восточные земли.

Ведь именно там развернулось полномасштабное партизанское движение, а не здесь, в краю, где в основном велось единоличное хозяйство и где дух хуторянина не был истреблен, в отличие от их сородичей, земли которых прошли через коллективизацию 20-х годов, а мышление – через пропаганду советских агитаторов. В больших промышленных городах, как Минск, Орша, Гомель, действовали подпольные группы, оказывающие сопротивление врагу под руководством коммунистов и комсомольцев, и поэтому местному населению редко удавалось сохранить нейтралитет.

Июль 1944 г., освобождение Белоруссии.

Напрасно Иван ждет маму. От нее никаких вестей.

И тут к ним приходит новость: Белостокская область, созданная 4 декабря 1939 г., чтобы войти в состав СССР, 20 сентября 1944 г. упраздняется и вся возвращается в состав Польши, за исключением нескольких районов.

Иван поступает в начальную школу в третий класс и, быстро ее окончив (после войны дети обучались по ускоренной программе, один год шел за два) поступает в училище, где преподавание ведется под руководством ксендзов.

В 1949 г. Иван Севастьянович Седзик становится гражданином Польши, а в 1951 г. после оконча-

ния училища поступает в медицинскую академию в Варшаве.

Получив в 1955 г. диплом стоматолога, он направляется на работу в приграничный город Августов, но, проработав несколько месяцев, получает приказ за подписью Рокоссовского* (в 1945 г. руководитель Польской объединенной рабочей партии Болеслав Берута обратился с просьбой к Сталину о назначении министром обороны маршала К.К.Рокоссовского, который и возглавлял армию Польши до 1956 г.) о присвоении ему звания старшего лейтенанта и о направлении его в OSM – школу морских специалистов.

По окончании службы уезжает в Поморский край, где и работает 43 года дантистом в маленьком городке на побережье Балтийского моря.

Жена – Иоланте Пыкош, экономист, окончила Гданьский экономический институт, долгие годы работала в рыболовном кооперативе.

Есть сын, есть невестка, есть замечательный внук.

В 1961 г. наконец состоялась долгожданная встреча с матерью, Натальей Аркадьевной, она переехала к нему на постоянное местожительство.

Иван Севастьянович Седзик награжден почетными орденами и знаками отличия Республики Польши.

Ну и что, кажете вы?

С.И.Седзик Первый слева в нижнем ряду

Теперь вернемся в восьмидесятые годы XIX столетия.

Была такая деревенька Яблонье, недалеко от Варшавы (может, она и по сей день радуется цветением своих яблоневых садов), где проживала с семьей Мария Майданович, выпускница Смольного института благородных девиц. Род Майданович занесен в седьмую бархатную книгу русского дворянства, хотя они давно покинули Россию, бежав в Польшу вместе с Василием Шуйским.

И именно под Яблонье разместился 3-й пехотный полк, в который вольнонаемным определен Аркадий Михайлович Валуев.

*К.К. Рокоссовский с 1945-1956 гг. был министром Национальной обороны Польской Народной республики. Маршал Советского Союза. Дважды герой Советского Союза. 30 марта 1945 года награжден высшим орденом СССР – «Победа».

Когда и на каком из приемов молодые люди познакомились, история умалчивает, но любовь между ними вспыхнула нешуточная.

Несмотря на возражения отца юной красавицы, считавшего этот брак мезальянсом, хотя жених Аркадий Михайлович (родился 1 февраля 1861 г. в Санкт-Петербурге, родом из дворян Смоленской губернии. Воспитывался в 5-й Санкт-Петербургской гимназии, окончил курс Варшавского пехотного юнкерского училища по 2-му разряду) происходил из старинного рода Валуевых, из века в век с честью служивших на благо Отечеству*, молодые люди поступили так, как поступают уже многие века влюбленные всего мира.

В одну из ночей Мария тайно покинула отчий дом и обвенчалась с возлюбленным. Мария Майданович разделила вместе с мужем все трудности

Аркадий Валуев.

ван в пехотное Варшавское юнкерское училище в августе 1880 г., по окончании курса откомандирован от училища в августе 1882 г. Зачислен в Николаевскую академию Генерального штаба с октября 1886 г.. За успехи произведен в штабс-капитаны в 1889 г. По окончании курса академии по 1-му разряду причислен к Генеральному штабу с назначением в Кавказский военный округ в апреле 1889 г.

Назначен обер-офицером для поручений при штабе Кавказского военного округа в 1890 г., присвоено звание капитана с апреля 1891 г., назначен командующим 6-м Восточно-Сибирским линейным батальоном в 1898 г., начальником обороны устья Амура 25 июня 1898 г. Произведен в полковники в декабре 1899 г. Назначен командиром Николаевского пехотного батальона с августа 1900 г.

В 1908 г. Российское правительство объявляет Сахалин свободным для вольного заселения. 17 июня 1909 года на территории Северного Сахалина образована Сахалинская область, вошедшая в Приамурский край и разделённая на два участка, в том числе Александровский участок. Центр области – пост Александровский.

Аркадий Михайлович Валуев назначается военным губернатором и начальником войск острова Сахалин, произведен в генерал-майоры в сентябре 1905 г. Высочайшим указом правительствующего Сената и в связи с преобразованием управления островом назначен военным губернатором Сахалинской области с августа 1909 г. Высочайшим указом назначен военным губернатором Амурской области, начальником войск и наказным атаманом Амурского казачьего войска 20 октября 1910 г.

В период его службы 10 апреля 1906 года Российское правительство принимает Закон об упразднении Сахалинской ссылки и каторги, считавшейся самой крупной в России.

Всего за время существования сахалинской каторги сюда было сослано более 30 тысяч различных преступников.

Также он занимается образованием местного населения. Пишет доклад на высочайшее имя «О необходимости строительства школ на полуострове».

2 апреля 1914 г. ему присвоено звание почетного гражданина г. Благовещенска. Высочайшим приказом по Военному ведомству от 9 августа

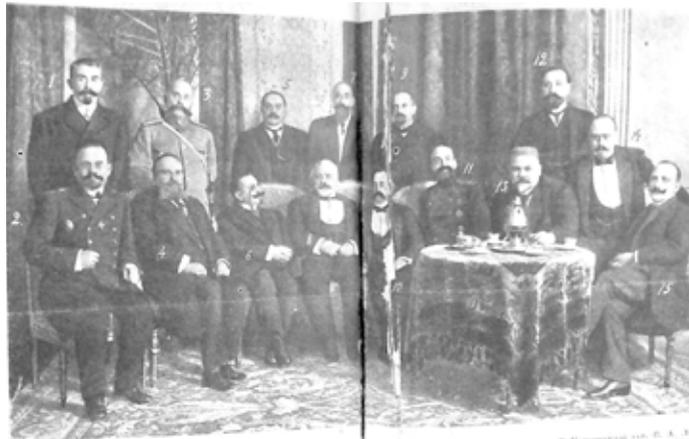
Семья Валуевых в Севастополе военной службы.

В службу Аркадий Михайлович Валуев вступил вольноопределяющимся 3-го разряда в 3-й пехотный Нарвский полк в апреле 1880 г. Командиро-

* Валуев Петр Александрович (1815–1900 г.), граф (с 1880 г.), министр внутренних дел России (1861–1968 гг.), руководил проведением земской и цензурной реформ. В 1872–1879 гг. – министр государственного имущества, в 1879–81 гг. – Председатель Кабинета министров.

1913 г. произведен в генерал-лейтенанты с увольнением от службы.

Кавалер орденов: Св. Владимира 3-й ст.; Св. Анны 1-й, 2-й и 3-й ст., Св. Станислава 1-й, 2-й и 3-й ст.; разрешено ношение японского ордена «Священного сокровища» 2-й ст. Имел медали: серебряную – в память царствования императора

Съезд губернаторов

Александра III, светло-бронзовую – за поход в Китай 1900-1901 гг.; светло-бронзовые – в память войны с Японией 1904-1905 гг. и Отечественной войны 1812 г.)

Семья переезжает в Царское Село, им представляется большая квартира, где, помимо кухарки, с ними постоянно проживают любимая няня Наталья и денщик Аркадия Михайловича.

Мальчики учатся военному делу, а Наталья посещает гимназию.

Начинается Первая мировая война.

Аркадий Михайлович с июня 1915 г. определен на службу в качестве исполняющего обязанности Архангельского генерал-губернатора, позже (с ноября 1915 г.) назначен инспектором запасных войск Северного фронта.

Наступает 1917 год, который застаёт Аркадия Михайловича вместе с сыновьями в Севастополе, он уволен со службы и с 1918 года во время Гражданской войны находится в Добровольческой армии, ВСЮР и Русской армии вплоть до эвакуации Крыма на судне «Инкерман».

Мария Майданович в 1919 году вместе дочерью покидает Царское Село и уезжает в Крым, надеясь воссоединиться с Аркадием Михайловичем и маль-

чиками, но в дороге Мария умирает, и пятнадцатилетней девушке ничего не остается, как вернуться назад.

Она едет в Москву, где живет средний брат Аркадия Михайловича, преподаватель японского языка в Московском университете, но из-за сложных отношений с его женой Наталья Аркадьевна вынуждена покинуть Москву и переехать в Петроград к брату матери – Майдановичу (увы, многие имена уже забыты).

После «революционного» уплотнения одну из комнат в их квартире снимает молодой мужчина, изучающий юридическое право. Он сразу обратил на себя внимание юной Натальи Валуевой своим нескрываемым перед ней восхищением, но ему 31 год, а ей 16, о каком романе может идти речь!

Вскоре она получает известие, что ее отец и все три брата: Борис, Георгий и Михаил, покинули Родину в 1920 году на последних пароходах, уходящих из Крыма, и обосновались во Франции, а два сына и дочь Зоя ее дяди, инженера Майдановича, тайком убежали в Эстонию.

Умирает дядя, и единственным родным человеком здесь, в России, остается Эмилия Викентьевна Майданович, вторая жена дяди, в прошлом сестра милосердия, по вере – униатка, родом из Барановичей. Замечательная женщина, навсегда оставшаяся в памяти Ивана Севастьяновича как самый близкий и родной человек.

Начинается восстание в Кронштадте*, где служит матросом на одном из кораблей брат Эмилии Викентьевны. К ним начинают приходить с обысками и дознаниями, и они узнают, что двоюродные братья гражданки Валуевой, которые обосновались в Эстонии, вступили в ряды террористической группировки и готовят акты насилия в Петрограде с применением бомб.

Наступает 1925 год, в самом разгаре НЭП**, и появляется возможность всем недовольным Советской властью покинуть страну.

Наталья Аркадьевна уезжает в Париж, к отцу и братьям, тем более что в последнее время Аркадий Михайлович в категорической форме требует от нее такого решения.

А вслед за ней летят письма; наверное, если

* 1-18 марта 1921 года. Восстание моряков гарнизона Кронштадта и экипажей некоторых кораблей Балтийского флота. Причинами восстания было недовольство сохранения режима военного коммунизма после разгрома белых. Лидеры восстания выступали за Советскую власть без диктатуры коммунистов – «Власть советам, а не партиям!» Силами 7-й армии под командованием М.Н. Тухачевского восстание было подавлено. В городе был развернут красный террор. Свыше 1 тыс. убито, свыше 2 тыс. ранено, 2,5 тыс. захвачены в плен. Около 8 тыс. участников восстания ушли по льду в Финляндию.

** Новая Экономическая Политика 1921-1929 гг. – в этот период государство временно отошло от тотальных административно-командных методов. Пошло на частичное разгосударствление экономики и допуск мелкой и средней частнокапиталистической деятельности.

бы это было возможно, то Наталья Аркадьевна получала бы белые конверты каждый день.

Так продолжалось два года.

Приведу некоторые цитаты из этих писем с разрешения сына Натальи Аркадьевны – Ивана Севастьяновича.

14 января 1926 года

«Моя дорогая Талечка, любовь моя и надежда!

Сегодня получил Ваше дорогое письмо. Оно такое хорошее. Я несколько раз прочел его и бесконечно целовал этот клочок бумаги, что его держали и писали на нем Ваши золотые ручки.

С каждым письмом мне все становится легче и временная разлука с Вами не так тяжело переносится.

Вы просите, чтобы я писал Вам поскорее, «завтра». На этот счет я более чем аккуратен. Пишу сегодня. Ночью и днем только о Вас и думаю.

Я жажду скорейшего приближения того момента, когда мы будем неразлучны с Вами».

18 марта 1926 года

«Мое родное солнышко, дорогая Талечка!

Любимая моя детка, любовь к тебе настолько пропитала все мое существо, что все остальное в жизни стало второстепенным, отошло на второй план. Наша разлука до боли влияет на мое душевное состояние. Все то, что способно хоть капельку Вашего «Я» отнять у меня, уже способно расстроить меня...»

4 апреля 1926 года

«Моя дорогая Талечка, мое дорогое солнышко!

Когда я читаю Ваши письма и впитываю в себя их аромат, я чувствую, как будто Вы рядом со мной. Я мысленно переносюсь к Вам и вспоминаю Ваши поцелуи, Ваши объятия, Ваши теплые, уютные ножки...

Моя любимая дуся! Какая радость Вы моя, какое счастье, что Вы родились на свет. Без Вас я не испытал бы этого чувства любви».

Сейчас, увы, так не пишут.

Что больше повлияло на решение Натальи Ар-

кадьевны, то ли неустроенность и жизнь в эмигрантской среде, то ли безграничная любовь Севастьяна Ивановича, сказать трудно, но в 1926 г. Наталья Валуева возвращается в Москву.

Ее встречает Севастьян Седзик, чтобы сразу же увести в Ленинград.

Они женятся, и в 1930 г. в счастливой семье появляется любимое существо – сын Ваня.

В Божьем писании сказано, человек может принять страданий столько, сколько он может выдержать. Не знаю, кто отмеряет сию чашу.

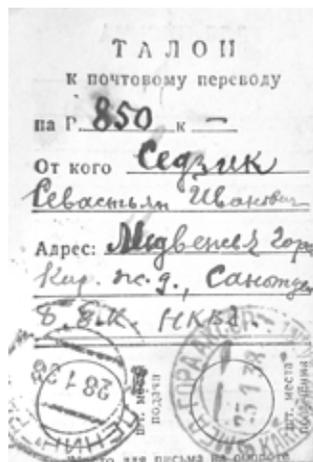
В 1931 г. арестовывают Севастьяна Ивановича Седзика. Родные теряются в догадках – за что? В Гражданскую он не воевал, против Советской власти не высказывался. Может, за то, что играл на бирже и совершил экономическую махинацию? Или скрыл, что дворянин и в графе «национальность» вместо поляка написал – белорус, но за это не дают срок 5 лет и не ссылают на Беломорканал?

Увы, за что он был арестован, стало известно только в последние годы, когда вышел труд украинского историка Ярослава Тинченко «Голгофа русского офицерства»*, в котором восстановлен в алфавитном порядке список всех бывших офицеров Русской армии, расстрелянных вместе с родными, женами и детьми с 1931 по 1938 гг.

А сейчас в 1931 г. Советское правительство только приступило к строительству важного стратегического объекта – Беломорканала, и нужны были все новые и новые рабочие руки. Принято решение направлять туда арестованных, не только потому, что не хватает копательной техники, а в воспитательных целях. Только тяжелый труд может отвлечь человека от плохих мыслей и излечить от недовольства существующей властью.

Иван Севастьянович несколько раз вместе с матерью навещал отца. В 1935 г. заключенного Седзика отправляют на поселение в поселок Медвежья гора Карельской железной дороги, где он работает зав. аптекой

базы Сан. отдела ББК НКВД. Будучи учась на юридическом факультете, он подрабатывал в аптеке, и поэтому ему доверили должность фармацевтического работника. Благодаря этому Севастьян Иванович мог помогать семье, высылая периодически денежные переводы.

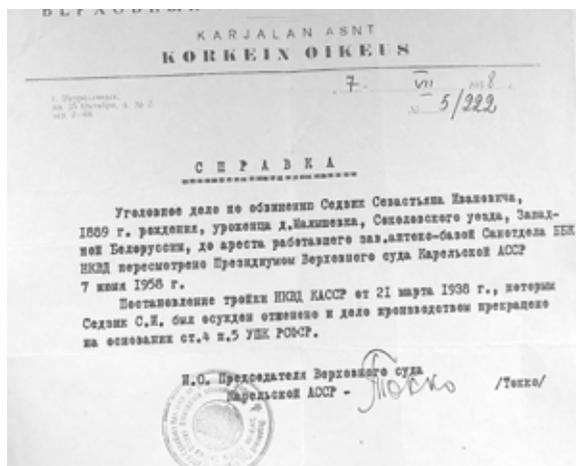
* Дело «Весна» (также известно как «Гвардейское дело») – репрессии в отношении офицеров Красной армии, служивших ранее в Русской Императорской армии, и гражданских лиц, в том числе бывших белых офицеров, организованные в 1930-1931 годах органами ОГПУ. Только в Ленинграде в мае 1931 года по этому делу было расстреляно свыше тысячи человек. Организатором дела «Весна» являлся деятель ОГПУ Израиль Моисеевич Леплевский. При поддержке зампреда ОГПУ Г.Г. Ягоды он раздул масштабы «Весны» до масштабов «дела Промпартии».

Иван Севастьянович помнит, как вечерами они сидели у костра и варили уху, откуда бралась рыба, он не знает, так как в Беломорканал не пускали еще воду.

Смотрели спектакли, в которых все роли исполняли заключенные, в мужском исполнении были и женские персонажи. Ставили в основном поучительные пьесы А.Н. Островского, в том числе и «Без вины виноватые». Интересно, какие эмоции вызывало название данной пьесы у заключенных.

25 января 1938 г. семья Севастьяна Ивановича получила перевод на 800 рублей с маленьким посланием на обратной стороне, а в марте Наталью Аркадьевну вызывали в ОГПУ, где со словами «... ищите себе другого мужа», вручают уведомление о его смерти.

Что могла чувствовать молодая женщина в такие минуты?

Постановление о реабилитации С.И. Седзика

Наталья Аркадьевна приняла решение. Поздно вечером, закрыв задвижку в печи, еще не успевшей прогореть, она легла рядом с Ванечкой на кровать (предварительно вскрыв себе вены), крепко обняв спящего сына. Она решила, что они и так все умрут, поэтому лучше сейчас, в своем доме, чем испытывать унижения допросов и страх в тюрьме в ожидании неотвратимости смерти.

Их спас тот самый инженер, который проживал вместе с ними. Вернувшись с работы, он выломал дверь. Наталью Аркадьевну увезла «скорая», а Ваня даже не понял, что произошло, так как крепко спал.

Когда началась война, Наталья Аркадьевна работала на железной дороге машинисткой, она отлично печатала и владела несколькими языками. Награждена медалью «За оборону Ленинграда».

Эмма Викентьевна не пережила блокаду, умерла в 1942 г. Наверное, после всего пережитого Наталья Аркадьевна в 1944 г. и приняла столь

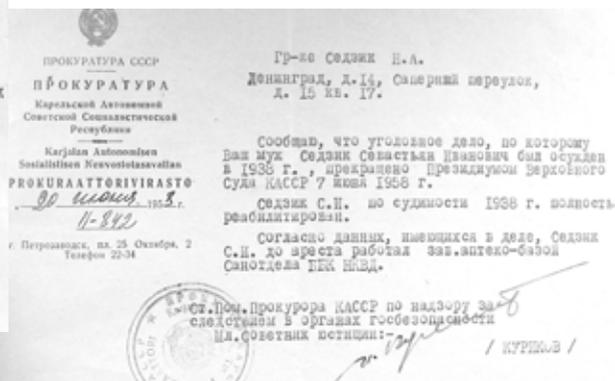
страшное для матери решение – сын не должен возвращаться в Советский Союз!

Они встретились через двадцать лет, в 1961 г., когда Наталья Аркадьевна, выйдя на пенсию, переехала в Польшу на постоянное место жительства. Замуж она больше не вышла. Умерла в 1980 г.

Севастьян Иванович Седзик был полностью реабилитирован в 1958 г.

В 2002 г. вышла в свет книга С.В. Волкова «Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога», в которой собраны сведения о судьбах более 5100 гвардейских офицеров, оставшихся в живых ко времени крушения российской государственности осенью 1917 г: расстрелянных в ходе «красного террора», погибших во время Гражданской войны в 1917-1922 гг., умерших в эмиграции, а также оставшихся в России и репрессированных в 1920-1930 гг. На странице 436 мы находим:

«Седзик Севастьян Иванович. Офицер Преображенского полка. Остался в СССР, бухгалтер отдела коммунального хозяйства в Ленинграде.

Репрессирован в 1931 году по делу «Весна» («преображенец»)».

Аркадий Михайлович Валуев умер в 1935 году в Югославии. В Амурской области в честь его названа одна из деревень.

Михаил Аркадьевич Валуев (1902 – 17 сентября 1980, Обон, под Парижем, похоронен на Новом кладбище в Монморанси). Корнет. Сын А.М. Валуева, брат Ю.А. Валуева. Участник Гражданской войны. Эвакуировался в 1920 г. в Галлиполи. Окончил Николаевское кавалерийское училище в Белой Церкви в Югославии (1923). В эмиграции во Франции. Генеральный секретарь Союза русских военных инвалидов во Франции (1969, 1970).

Юрий (Георгий) Аркадьевич Валуев (18/30 августа 1889, Тифлисская губ. – 13 апреля 1966, Париж, похоронен на клад. Сент-Женевьев-де-Буа). Полковник Нижегородского драгунского полка. Сын А.М. Валуева, брат М.А. Валуева. Окончил

3-й Московский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище. Участник мировой и Гражданской войн. Эмигрировал через Галлиполи в Югославию, затем переехал во Францию. Жил в Париже. Работал шофером такси. Член Объединения Императорской конницы и конной артиллерии. Работал над историей Гражданской войны и участия в ней офицеров Нижегородского драгунского полка.

Борис Аркадьевич Валуев родился в 1880 году в г. Риге, корнет 10-го Драгунского полка. Окончил Белградский университет по строительной специальности, инженер мостов. С приходом немцев в Югославию подверг критике их действия против мирного населения и, чтобы избежать ареста, ушел в партизаны к И. Броз Тито, где вступил в Коммунистическую партию. Умер в 1968 году.

«Мы уплывали в неизвестность. Стоя на палубе и смотря сквозь слезы на уменьшавшиеся с

каждым мгновением очертания последнего клочка родной земли, я горько прощался с Россией, с русским народом. Со всем тем бесконечно дорогим и близким, с чем дотоле была неразрывно связана моя бедная жизнь.

Я уплывал от России. Я покидал Россию... Но, покидая ее, я всем сердцем чувствовал, что иначе я поступить не мог».*

Я рассказала о двенадцатом губернаторе Сахалинской области и его потомках не для того, чтобы в который раз подчеркнуть трагедию всех революций, войн и перестроек.

А чтобы напомнить, что русский человек должен нести свое имя с достоинством и всегда помнить, откуда он родом. Ибо краше и лучше земли, чем Россия, нет на белом свете!

И если кто-то обращается к Богу с молитвами о благоденствии своего народа, то должен остерегаться, а вдруг Бог не так его поймет...

*Офицеры российской гвардии в Белой борьбе. Составление, научная редакция, предисловие и комментарий доктора исторических наук С.В. Волкова.

Анатолий ПОДОПРИГОРА

*Односельчанам, не пришедшим
с войны, посвящается*

Канувшие в вечность

О Великой Отечественной войне написано сотни тысяч страниц, и все равно этого будет мало. Мало, потому что не иссякнет память человеческая, не исчезнет желание людей к познанию событий этой страшной и самой кровавой за всю историю человечества войны.

История России знала две Отечественных: Отечественная война 1812 года с французами и Великая Отечественная война Советского Союза с фашистской Германией 1941-1945 гг. В 2012 г. Россия широко отмечала 200-летие победы в Бородинском сражении. Победу в Великой Отечественной войне в 69-й раз будут праздновать люди доброй воли всего мира. В 49-й раз придут и мои односельчане, жители сел Пояна и Кунича, к памятнику «20-летия Победы», сооруженному в 1965 г., почтить память не пришедших и вернувшихся, но не доживших до наших дней, защитников Отечества. А было их у нас более 700 человек. У каждого из этих людей судьба, как военная, так и человеческая, складывалась по-разному. Из них кто-то вернулся, а кто-то... Я знал одну большую семью Бадичка. Старший сын Иван Маркович ба-трачил в с. Солонец Сорокского района, оттуда ушел на войну, туда же и вернулся (семья у него там была). Александр Маркович после госпиталя вернулся в село и вскоре умер от тяжелого ранения. Дмитрий Маркович в село не вернулся, остался служить в рядах Советской армии. Нельзя не вспомнить ныне покойного Василия Еремеевича Юрчак, который на фронте с поля боя вынес тело своего брата Григория и потом похоронил в братской могиле.

Обо всем и обо всех не перескажешь. Но об Афанасии Ивановиче Колеснике я рассказать обязан. Уж очень необычная судьба этого человека. Родные не провожали его на войну и не встретили с войны. Погиб он геройской смертью. Да и на войну-то пошел не как все односельчане. По сведениям Н.Д. Замлынского, в Пояне еще в 1938 г. была создана подпольная организация. А.И. Колесник являлся членом этой организации, за что позднее был осужден румынским военным трибуналом. Поэтому можно смело утверждать, что такие люди, как Афанасий Иванович, может, еще неосознанно, задолго до войны уже начали борьбу с фашизмом, заложив фундамент той большой Победы 1945 года.

Многие из них положили свои жизни на алтарь отечества за свободу и независимость Родины. Н.Д. Замлынский писал:

«...24 июля 1941 г. были арестованы румын-

ской сигуранцей еще 24 человека для расстрела. Повели всех на то же самое место, где были два дня назад казнены 19 мирных жителей.

Среди арестованных были:

1. Моргун Александр Сергеевич.
2. Гулько Ефимия Антиповна.
3. Комар Феодосий Прокопович.
4. Каплинский Михаил Иванович.
5. Мельник Павел Петрович.
6. Колесник Афанасий Иванович – подпольщик.
7. Чебан Тимофей Илларионович – подпольщик.
8. Швец Ефросиния Ивановна – присудили три года тюремного заключения за то, что 28 июня 1940 г. встретила с хлебом и солью советских воинов-освободителей.
9. Гайчук Федор Ефимович.
10. Донцов Ипат Васильевич – фельдшер, за два дня до ареста были расстреляны два его сына Степан и Агафон. Привели его на то же место, к той общей могиле, из которой он вытащил своих сыновей.
11. Шеленков Артем Андреевич.
12. Шеленков Петр Андреевич – на суде военного трибунала в августе 1941 г. в Яссах (Сороках) заявил, что Советская власть вечно будет жить и весь мир ее признает. Судья (полковник) дал приказ сержанту вывести его из зала суда и расстрелять. Приказ был выполнен. Так погиб писарь П.А.Шеленков.
13. Донцов Артем Иустинович – судили за то, что его сын добровольно ушел в 1940 г. в Советскую армию.
14. Донцов Корней Иустинович – в его доме был клуб и библиотека.
15. Старцев Конон Васильевич – секретарь сельского совета.
16. Самохвалов Федор Агафонович – активист.
17. Боенков Александр Андреевич – живет в Радулянах.
18. Ершов Емельян Трофимович.
19. Подлеснов Филипп Нифантьевич.
20. Подлеснов Давыд Васильевич.
21. Маняков Агафон Петрович.
22. Маняков Нифантий Петрович.
23. Тарасов Иван Тихонович.
24. Донцов Дмитрий Тимофеевич.

После суда в Яссах (Сороках) последних Донцова, Тарасова и Маняковых отпустили, так как не была доказана их виновность.

Всех арестованных вывели на окраину Куничи (Опрошаны), к оврагу со стороны Кушмирки, чтобы расстрелять, но неожиданно подъехал верхом на лошади жандарм с пакетом, который вручил старшему конвоя. В пакете было указано, что расстрел временно отменяется. Всех повели в село Шостаки, а затем в Шолданешты, где погрузили в товарный вагон и увезли в Яссы. Там их поместили в подвал, а на цементный пол наливали воду, чтобы нельзя было ни сесть, ни лечь. Так продолжалось 25 дней, пока не начался судебный процесс. Допрашивали в здании военного трибунала, били, мучили, морили голодом. За сутки на допрос вызывали по 5-7 раз. Силой заставляли признаться в нашей невинности. На суде с обвинением выступил М. О. Придорожнов. Всех присудили к трем годам каторжных работ, а Т. И. Чебана и А. И. Колесника на глазах у всех заковали в кандалы, зачитали приговор на 5 лет строгого режима и вывели из зала суда.

Много помог в уменьшении наказания адвокат Ион Илиадэ из с. Погорна, у которого в имении работали некоторые куничане, и он их знал как хороших трудяг. Все осужденные работали в Яссах как рабы, издевательству не было конца. И. В. Донцов всех успокаивал, призывал к терпению и самообладанию. Он говорил, что Советская власть вернется, лишь бы нам выжить.

Так и было, в августе 1944 г. Советская армия освободила 1800 ни в чем неповинных людей.

Радости не было предела. Все измученные, изорванные, обессиленные вернулись домой, только Афанасий Колесник добровольцем вместе с Советской армией ушел на фронт. Ефросиния Ивановна Швец скончалась в тюрьме».

Так закончилась та трагическая эпопея для моих односельчан. Конечно же, в том далеком 41-м году не обошлось без предательства, как со стороны Куничи, так и со стороны Пояны. Не хочу называть их имен, не стоят они того, но наш, помянский в 1944 году был арестован и осужден на 10 лет.

Слезы матерей, жен, детей. Еще живы дети тех, кто не вернулся с войны. Еще живы дети Афанасия Колесника, старшая дочь Марина и сын Иван.

С Иваном Колесником я неоднократно встречался. Он много рассказывал о том, как искал хоть какие-нибудь следы о своем отце. Пока я однажды не попросил его изложить все на бумаге. Вот что из этого получилось.

«Я прочитал газету «Красная звезда» за 1970 г., где была напечатана статья о розыске однополчан, воевавших на фронтах Великой Отечественной войны. Многие числившиеся пропавшими без

вести, оказавшись в живых, откликнулись на призыв воевавших в одном полку, роте взводе и т.д. У меня возникло желание разыскать товарищей, воевавших с моим отцом, Колесником Афанасием Ивановичем, и узнать более подробно о его судьбе. Я обращался в райвоенкомат, в военный комиссариат Молдавии, и отовсюду приходили ответы: числится пропавшим без вести. Запрашивались архивные данные, где сообщалось, что Колесник Афанасий Иванович, 1900 года рождения, воевал в 1318-м стрелковом полку, 163-й стрелковой дивизии и пропал без вести на территории Венгрии 26.10.44 года. Другими данными архив не располагает. Я обратился в архив Министерства обороны, чтобы мне дали адрес проживания командира 1318-го полка, откуда мне сообщили, что командир полка, подполковник в отставке Петр Никитович Клименко проживает в г. Хмельницкий, пер. Маяковского, 19. Я написал письмо по этому адресу и получил ответ с предложением встретиться с ним лично.

Вскоре мы с ним встретились. Я рассказал ему о своем отце, что отец был осужден румынским военным трибуналом и находился в лагере города Алба Юлие (Румыния).

В свою очередь Петр Никитович рассказал мне о тогдашних событиях при освобождении города и лагеря. После освобождения лагеря многие вступили в ряды Красной армии, в том числе и мой отец. Еще Петр Никитович посоветовал мне обратиться к командиру роты, в которой отец воевал, и дал мне адрес Бориса Иустиновича Величко (г. Тирасполь).

Борис Иустинович рассказал мне об отце и многих погибших в том бою. На территории Венгрии рота оказалась отрезана от основных сил полка, пришлось выбирать, кто как мог, многие погибли. Лишь единицам удалось добраться до своих. На территории Венгрии в г. Дебрицен имеется памятник воинам 1318-го полка, погибшим в жесточайших боях и пропавшим без вести, захороненным в братской могиле. Возможно, в ней есть и мой отец – Колесник Афанасий Иванович.

Вот и все, что мне удалось узнать о судьбе отца».

Поистине достойные поиски отца достойным сыном. Еще мне хочется сказать здесь о живых. Михаил Голтей, Иван Китайка и Николай Юрчак – ветераны войны, которые дожили до наших дней. Это старенькие уже люди, которым необходимо каждодневное внимание, а не только в День Победы, как это у нас принято. Дожив до наших дней, эти люди, совершили еще один подвиг, на этот раз жизненный. И дай Бог им сил и здоровья.

Лариса СТОЙЛОВА

Член Союза писателей Приднестровья. Живет и работает в г. Днестровске в редакции газеты «Энергетик» Молдавской ГРЭС. Руководитель Днестровского отделения Союза писателей. Первый поэтический сборник «Литера» вышел в 2004 году.

Последний праздник

Рассказ

Ветеранам Великой Отечественной войны посвящается

В больнице старик стал покорным и тихим. Но только днем. Ночью длинные, погруженные в полумрак коридоры казались ему чужими, и он хотел уйти из этого страшного места. Блуждая, он открывал двери палат и вглядывался: нет ли кого знакомого. Однажды прилег к какой-то сельской бабе, и та, похолодев от ужаса, заворошкалась и громко спросила: «Хто тут?» Разглядела в полумраке его лицо и, ощутив шершавую ладонь на своей шее, всполошилась, вскрикнула и позвала сестрицу. Молоденькая медичка принялась его уговаривать недовольным полусшепотом:

- Вы почему ходите?! Спать надо! Вы женщину перепугали...
- А где моя Поля? – недоуменно, с потаенной болью спрашивал он про свою жену.
- Нет ее здесь! – сестра увела старика в палату, уложила на продавленную кровать и накрыла тонким одеялом.

В своей подсобке она присела на топчан и взяла трубку телефона:

– Ваш отец никому не дает спать, опять ходит по палатам... Нужно, чтобы кто-то находился с ним ночью.

Сын пришел около одиннадцати, и она заявила, что ему придется ночевать вместе с больным.

Днем старик безропотно принимал лекарства и уколы, подолгу молча лежал, засыпал рано, а к полуночи просыпался, и пустая палата с большим темным окном снова казалась ему незнакомой. Ему хотелось встать и совершить привычные действия: выпить стаканчик вина, проверить, закрыты ли калитка и подвал. Как только старик начинал шевелиться, старший сын успокаивал его, отводил по нужде или тихо отвечал на вопросы: «Где жена? С кем хата? Когда уже домой?»

Чем больше старика лечили, тем хуже ему становилось. Широкоскулое его лицо осунулось, глаза потускнели, и он все чаще стал заговариваться, почти не поднимался и, шаркая, еле доходил до туалета. Навещали его только сын да невестка. Они видели результат лечения, но старались об этом не говорить, словно стесняясь или стыдясь того, что они должны, но не могут ничего изменить.

После Пасхи к старику приехали сразу все: дочь, внуки и приемная дочь с детьми и зятем. В палате стало тесно. Старик почувствовал себя именинником, и от этого ему было неловко. Не хотелось ему свою слабость показывать. Притихшие родственники спрашивали о самочувствии, он скупно пожаловался на то, что задыхается ночью. Дочь всплакнула, накормила его теплой котлеткой, и гости засобирались на кладбище, был поминальный день, и ушли. Он лежал усталый и смотрел через оконное стекло в широкое небо с просвеченными ярким весенним солнцем облачками. Ширилось в его груди что-то сродни чувству безотчетной радости. Он любил это время, когда пробуждаются и плачут виноградные лозы. После обеда дед добрался до балкона, присел на край поломанной скамьи и с удовольствием вдохнул чуть нагретый воздух. Прямо перед его глазами дрожала и светилась в лучах тонкая ивовая веточка. Он сорвал ее нежные, прозрачные листочки и долго мял их, вдыхая тонкий аромат молодой зелени.

На следующее утро невестка сообщила ему: «Папа, вас выписывают, поедem домой». Она торопливо

собрала пустые банки, свернула полотенце. Наконец заметила, что старик сидит неподвижно, он был странно угрюм и как бы обижен. Она нежно приобняла его: «Что случилось?..» Старик безмолвствовал, опустив глаза и медленно поглаживая свое колено. Сын вошел и сразу уловил смятение в отцовском взгляде. На дне его, как в колодце темная вода, пряталось недоброе, еле уловимое предчувствие: старик не хотел и боялся уезжать из больницы. Вдруг он стал задыхаться, прилег на подложенные ему подушки и совсем затих, закрыв глаза. Сын и невестка стояли и смотрели друг на друга в растерянности. Не таков был старик, чтобы ему перечить.

Вошла медсестра: «Ну что, Петр Григорьевич, собираемся?» – весело спросила она и цепким взглядом окинула семейство, мол, чего тянете? Нечего древнего старика тут держать. Подлечили, и хватит.

– Да вот понравилось ему у вас, не хочет выписываться, – пояснила невестка и со значением глянула на бойкую медичку.

Та все поняла и заговорила еще громче и ласковей: «Дедушка, мы вас пролечили, все, что нужно, сделали, теперь лежите дома, принимаете таблетки и поправитесь».

– Полечили? – глухо отозвался старик. – Мне плохо.

Повисла тишина. Медсестра ретировалась, вслед за ней тихо вышла невестка. Она попросила, чтобы пришла врач. Старик лежал, отвернувшись к окну, когда в палату вошла молодая ясноглазая врачиха, а за ней телохранителем в проеме раскрытой двери встала медсестра. Сын, высокий, седой мужчина, играя желваками и прищурившись, смотрел на колышущиеся в окне, еще не опущенные первой зеленью тонкие ветки березы, не зная, по-видимому, что предпринять.

– Ну что? – как к малышу обратилась к старику врачиха и взяла в свои тонкие белые пальцы его единственную тяжелую и жилистую руку. – Пульс у вас нормальный, – она осторожно положила ее на место. – Дедушка, мы провели вам курс лечения, но поймите, вы уже в возрасте, а от старости мы не лечим... Дома вы будете принимать таблеточки, если станет плохо, через месяц-два мы снова пролечим вас...

Садясь в нутро старенького инвалидного «Запорожца», старик протяжно застонал и всю дорогу до родного села сидел, закрыв глаза и тяжело навалившись на невестку. Ни разу даже не глянул в окно. Ехали тихо. Наконец машина уперлась в старые ржавые ворота. Они были заперты. Дом словно не желал принимать хозяина. Старухи, как назло, дома не было. Куда и насколько она уехала? Было понятно, что везти отца назад невозможно. Яркое солнце вдруг спряталось, и весенняя неприветливая сырость остро пахнула духом истлевших за зиму листьев. Нашарив в укромном месте за забором ключи, сын открыл скрипучую калитку, затем ворота и въехал во двор. Старик, охнув, перекинул через порог машины непослушные ноги, и невестка усадила его на влажный холодный стул под навесом. Он тяжело дышал и неживым взглядом осматривал свое дворовое хозяйство. Все было на месте. И это почему-то не обрадовало его. Какое-то обидное чувство отчуждения и горечи посетило старика. Словно все его предали: и подвал, закрытый на огромный замок, и закудахтавшие обтрепанные за зиму куры, и отсутствующая жена. С забора лениво прыгнула худющая соседская кошка и неторопливо вышла на середину двора. Увидев старика, она повернула обратно. Жиденькие солнечные пятна неожиданно развеселили неприятный двор. Сын нашел ключи от дома, открыл тяжелую облупленную дверь кухни, и оттуда потянуло живым теплом остывающей печи.

Старик отдышался, встрепенулся, и взгляд его помягчел, остановившись на высокой виноградной арке. Такую тенистую летом и обильно унизанную созревшими крупными ароматными гроздьями осенью редко у кого увидишь в селе. Она восхищала всех местных виноделов. Они-то знали, сколько кропотливого труда и истинной любви отдано этому винограднику. И сейчас, глядя на переплетенье голых, с набухшими почками лоз, он замечал, какие пора срезать.

Стукнула калитка, и низенькая, кругленькая баба вкатилась во двор. Она поцеловала мужа и, отведя увлажнившиеся глаза, пригласила дрогнувшим голосом: «Заходите у хату». Сын растопил печь, невестка передала старухе лекарства, наставления врачей, и они уехали.

Ночной телефонный звонок был тревожно резким и громким. Сын старика зажег свет, поднял трубку. Он слушал, и лицо его белело. Простояв неподвижно несколько секунд, он поднял семью. Узнав, что его отец умирает, жена и сын стали молча одеваться. Ночную глушь невозможно было нарушить даже шумом мотора. Выхватываемая светом фар, серо-желтым полотном разворачивалась дорога и неслась куда-то в трагическое, неведомое, неизбежное и вечное.

В доме горел свет. Старуха вышла к ним из темноты двора со свечой в руках. Лицо ее было перекошено, она жалостливо заголосила: «Ой, Саша, Саша, бачишь?! Папа умирает... Дэржу свичку! С вечера

ему было плохо, потом, як захрипеу... Я бачу, шо вин отходэ, позвала сусидив... Ой, Саша, як страшно!»...

Сын быстрым шагом шел впереди, она, причитая, семенила за ним. От слов мачехи в груди его нестерпимо защемило. В полутемной комнатке он увидел, как отец, видимо, ждавший его, слегка приоткрыл глаза и измученно посмотрел.

Баба суетилась, охала и благодарила соседок.

– Полина Герасимовна, давайте отправим людей. Мне кажется, папе уже лучше, – сказал бабке сын, сдерживая недовольство ее суетой.

Она поддакнула и зашептала с соседками. Звякнула калитка, стало тихо. Родня сидела в полутемной комнате у кровати старика. Он лежал неподвижно, слышно было его тяжелое дыхание. Вдруг обметанные его губы медленно разомкнулись: «Саша?»

– Да, я тут, папа, – сын привстал и взгляделся в его лицо.

– Якой седня день? – медленно выговорил старик.

– Четвертое мая. Как вы, папа? Болит что-нибудь? Может, врача вызвать? – отозвался сын. Старик тягостно молчал.

Это был немногословный и очень сильный человек, прошедший самую жестокую войну. Он пережил нескольких жен, поднял на ноги и своих, и чужих детей. Он хотел жить и не верил, что «костлявая» берет над ним верх. Лучше всех это чувствовала его последняя жена. Она знала его упрямую, идущую от земли крестьянскую силу, его тяжелый и непримиримый нрав. Он не жил, он воевал. Его единственная рука не знала покоя, ладонь была твердой и растресканной, как кора могучего дуба. Это была не рука, инструмент. В последнее время старик надсадил ее бесконечной сельской работой. Как-то он признался, что по ночам болит и ноет, словно от работы, вторая, давно ампутированная рука. Иной раз ему снится, что сильно пить хочется, и он поднимает ею полную кружку, пьет большими глотками, а сам удивляется: как это, ведь ее давно нет.

Не святоша, старик и покутить любил. Полные бочки хмельной влаги покоились в его подвале до самого лета, и по молдавскому обычаю он наливал стакан вина каждому, кто входил во двор. Его побаивались, уважали и шли к нему за советом. Душа его для многих оставалась тайной. Словно жернова в его груди медленно поворачивались чувства, которые он редко кому поверял.

Взгляду его повиновались больше, чем слову. Была в нем железная воля, которая не раз спасала его от смерти и крушений. Когда при переправе через Вислу ему оторвало руку и контузило, очнувшись, он, продырявленный десятками осколков, несколько километров шел через минное поле к медсанбату. Выйдя на дорогу, пытался остановить несущиеся в тыл грузовики, но в страшной мясорубке и напряженной суете наступления разве виден один окровавленный человек? Помощи ждать было неоткуда. Тогда он собрал последние силы, поднял автомат и стал посередине дороги, стреляя и страшно матерясь. Его подобрала тряская подвода с ранеными. Он повалился в нее и потерял сознание.

Четыре месяца молодой солдат был между жизнью и смертью. Первое, что он увидел, очнувшись в палате госпиталя, было широкое окно, за которым бушевала весна. Как весенние травинки пробиваются сквозь израненную землю, так пробился сквозь его боль и забытие голосок медсестрички: «Миленький, потерпи, до свадьбы все заживет...»

Был еще случай в его жизни. В 47-м году край страшно голодал. Из-за дикой засухи все выгорело, хлеб был на вес золота. Бабы по ночам все поля пропахали на коленках в поисках оброненных колосков. Детей кормить-то надо! А их за это – в кутузку! Ну, посидит баба пару дней да выйдет, а дети сыты. Однако, если зерен больше двух кило – тогда тюрьма.

Однажды пришел к нему на склад милиционер, не из местных. За спиной баба, слезами обливается. Незнакомец в милицейской форме швырнул мешок с колосками на весы, мол, взвесь! Баба плачет, а он акт строчит. Потом наклюнявил химический карандаш и тычет: «Подпиши!» Старик хоть три класса кончил, а прочитал, что у Марийки изъято восемь килограммов колосков. Тут его и забрало: «У тебя что, повылазило, – говорит, – тут и двух килограммов нету?! Ах ты, фашист, да у ей мал-мала шестеро детей! Им что, по миру идти?!» Тот шары бесстыжие выпучил и орет: «Подпиши! Врагов народа прикрываешь?! Ты у меня тоже сядешь!» Тут его Петро и припечатал своей тяжелой ручищей. С хлебозаготовки его сразу сняли. Дружок закадычный, тоже безрукий председатель сельпо помялся, да и сказал прямо: «Благодари Бога, Петро, что ты инвалид, да еще контуженный, а то загремел бы. Уехать тебе надо...» Тогда оставил он со своей беременной женой свое родное село на несколько лет.

Похоже, и сейчас старик решил не сдаваться, но ему становилось все хуже. Метался так, что пришлось спеленать его простыней и привязать к кровати, боялись, не свалился бы. Так продолжалось не-

сколько дней. Старуха тайком перебирала приготовленное для похорон, сметала паутину в углах, дети приводили в порядок двор. Вовсю расцвели черешни и как снегом заметали дорожки лепестками. Словно зная, что хозяин уже не позаботится о нем, заплакал виноград. Старик стал утихать, только изредка поднимал руку и странно перебирал в воздухе пальцами. Это в бреду он обрезал и подвязывал виноградные лозы. Весна, время вечного человеческого долга природе, звала его к жизни.

Восьмого мая он лежал совсем неподвижно. Лицо его словно одеревенело, стало значительным и по-тусторонним. Казалось, все кончено. Семья собралась и приготовилась к худшему.

Девятого, рано утром, сын услышал стук резко распахнувшейся двери. Глянул в окно и радостно обомлел: по двору шел отец! Пошатывался, но шел! Сын мигом выскочил из дому и успел подхватить старика. Бережно усадил на лавку, и сердце заколотилось в нем от мысли, что тот мог упасть, удариться... Сказали бы, вот, недоглядел! Он начал мягко укорять отца, но споткнулся на полуслове. В глазах воскресшего отца была та, знакомая до боли, твердая и непоколебимая воля, которой всегда побаивались его дети и все, кто его знал.

«Где мои сто грамм?» – спросил старик отчетливо и строго. Все сбежавшиеся опешили. Потом живо засуетились, пошли в пристроенную кухню, бабка мигом накрыла на стол. Деду накинули на плечи парадный пиджак с орденами и налили водочки. Он геройски махнул стопку – «За победу!» – и, полулежа на довоенной железной кровати, слабо улыбался разговорам и шуткам родных. Все вместе выпили еще раз «За победу» и помянули и тех, с кем он когда-то ушел на войну. Многие его односельчане не вернулись.

День был чудесный, солнце – жаркое, молодая зелень распускалась на глазах. Через соседские цветущие огороды доносились обрывки маршей и песен. Это у братской могилы в центре села народ праздновал День Победы. После сельского парада в калитку постучались две чернявые девчухи лет десяти. Прыская смешком, они вручили старику открытку и большой букет красных разлохмаченных тюльпанов. Старик расщедрился и потребовал дать цокотухам на мороженое. Заглянула соседка с горячими плацндами и, глянув на соседа, изумилась блеску в глазах. Не поверив себе, спросила, как он себя чувствует. Старый греховодник, усмехнувшись, подкузьмил: «Ложись со мной рядом, узнаешь!» Домашние радостно повторяли эту шутку всем, кто заходил на огонек, и уверяли, что кризис миновал, и старик еще будет жить и жить...

Поздним вечером Петр Григорьевич опять впал в забытьё. К утру лицо его просветлело. Вероятно, он видел сны о своей длинной и многотрудной жизни. Наверное, в последний раз он встречался со всеми, кого любил. Угощал их янтарными виноградными гроздьями... А потом вернулся в детство и босоногим мальчишкой бежал в бесконечность по пыльным дорожкам большого старого сада, на ходу срывая спелые вишни с низко опущенных веток... И с ватагой загорелых пацанов кинулся в прохладные темные воды Днестра и поплыл, поплыл...

Продержался старик еще несколько дней. В мир иной ушел ночью. Никого не побеспокоил. Легко отлетела его душа, как облетает черешневый цвет.

Галина АЛЯЕВА

Родилась и живет в Подмоскowie. Образование высшее техническое. Член Союза журналистов России, член Союза писателей России. Около 500 публикаций в периодике. Публиковалась в литературных журналах и альманахах – «Встреча», «Третье дыхание», «Российский колокол», «Союз писателей» и др. Автор книг: «Черта» (2010), «От родовой вотчины до первой ракеты» (2012).

Самосуд

– **Т**ама, отвори!!! Не слышишь что ли?! – не жалея ни своих рук, ни соседской двери, разгоряченно стучала баба Люба. – Спишь что ли?! Просыпайся! На дворе и десяти нет, а ты заперлась, как городская. – Баба Люба снова забарабанила в дверь.

– Вот оглашенная! – на веранде загорелся свет, и, ступая так, что половицы под грузным телом прогибались и занудно скрипели, вышла Тамара Петровна. – Ну, чего надо? Разоралась тут.

– А ты что, спишь что ли?! – баба Люба по покрасневшему лицу подруги догадалась – опять Тамарка к браге пригубилась. Вот какая – не даст выстояться.

– Тебе какое дело – сплю я или чего другое делаю? – подбоченилась Тамара Петровна. – Говори, зачем пришла?

– Дай сначала отдышаться. – Из груди бабы Любы вырывались надрывные хрипы, она, как рыба, то и дело открывала рот и втягивала в себя воздух. Когда дыхание у неё стало более ровным, она попросила:

– Дай испить чего.

Пока баба Люба в охотку, небольшими глотками пила белый домашний квас, Тамара Петровна молчала, но как только пустая кружка коснулась поверхности стола, спросила:

– Говори, зачем пожаловала. Чего чуть дверь с петель не снесла?

– Чего-чего! – потянула баба Люба, затем выдала: – Знаешь, что эти окаянные из красного дома сотворили? Не знаешь. Всё спишь. Ни до чего тебе дела нету, – упрекнула она подругу, которой это и вовсе не понравилось.

– Ну и сплю. И что? Это ты всё по чужим огородам шастаешь. Где что лежит, приглядываешь. А мне что? У меня всё есть, – осадила Тамара Петровна подругу.

– Где мне за тобой угнаться. Тебе сын в прошлом годе машину навоза привёз и песку тоже. В этом – террасу обещал починить, – запричитала баба Люба. – Вон доски на чердаке выжидают своего срока. А я одна. На всём свете одна-одинешенька. Помочь некому, вот и бегаю, как неприкаянная... – Она всхлинула и тыльной стороной ладони провела по глазам, словно хотела смахнуть слёзы. Но их не было, они давно выплаканы.

– Ладно, чего ты?! – пожалела её Тамара Петровна и миролюбиво попросила. – Говори уже. Не томи.

– Пошла я, значит, на ту сторону, – начала баба Люба, – сначала по дальней дороге, через тот вход, а вертаться решила через этот. Ты знаешь, тут короче. – Она подождала, пока подруга кивком головы подтвердит это, и продолжила. – Подхожу к красному дому. Гляжу, напротив дома прямо около забора, где они недавно песок с гравием держали, потом всякий хлам, стоит сарайчик. И когда успели? Два дня назад проходила, ничего не было, сегодня стоит. Ну, думаю, окаянные, где сарай удумали поставить. Потом пригляделась, это и не сарай. Уборная! Из вагонки. От дома провод кинули, фонарь повесили, чтобы, значит, на толчке сидеть было светло. У меня так всё и зашло. Что же это на белом свете делается. Совсем люди совесть потеряли. Бога на них нет.

– Не пойму я что-то, – Тамара Петровна поняла всё, но поверить не могла, главное, не хотела. – Где,

говоришь, себе уборную поставили?

– Непонятливая ты, Тамара! – вновь упрекнула её подруга. – Да, считай, прямо на могиле.

У Тамары Петровны подкосились ноги, она тяжело опустилась на табурет, рука стала искать на столе пузырек с таблетками.

Теперь уже себя упрекая в безалаберности, что не подготовила подругу к страшному известию, баба Люба подскочила, зачерпнула воды и протянула подруге. Тамара Петровна приняла таблетку нитроглицерина, запила водой, посидела и тихо уточнила:

– Может, Люда, ты в потёмках перепутала что.

– Нет, Тамара. Я долго там стояла, всё смотрела. Правда это, – запричитала как по покойнику в доме баба Люба.

* * *

Два года назад поле, которое когда-то засеивали то пшеницей, то горохом, иногда и клевером, отдали под дачное строительство. Чему удивляться?! Места хорошие, привольные, от Москвы недалеко, всего восемьдесят километров. Кругом лес, речка мелководная, в засушливое лето ручеёк, но есть запруда. Её соорудили местные мужики для ребяташек, но давно это было. Раньше там плескались дети, теперь и взрослые – приезжие. Местной молодежи в деревни не осталось, одни старики доживали свой век в родных краях.

Чуть снег сошёл, поле разбили на участки. К осени напротив пустеющей деревни вырос новый дачный посёлок. Дома были разные – деревянные, кирпичные. Каждый новоиспеченный владелец земли строил себе хоромы в соответствии со своим достатком и вкусом. Особенно быстро возводился на краю поля дом из красного кирпича. Строительство шло споро, с размахом. Это вызывало у местных жителей не столько зависть, сколько беспокойство. Дом строился недалеко от братской могилы советским солдатам.

В деревни таких могил было две. Одна – на краю деревни, вторая – через шоссе на поле. В том бою за деревню полегло много солдат, очевидцы говорили – на поле разразилось чуть ли не целое сражение. Немцы отступили, захватив с собой трупы товарищей, за ними вдогонку заспешили советские солдаты, оставив на буром снегу освободителей. Кто их хоронил, деревенские не знали. За несколько дней до прихода советских войск местные жители все как один были выгнаны немцами из домов, построены в шеренгу и под конвоем направлены к ближайшей железнодорожной станции, где стояли вагоны для отправки в Германию. Но советские войска опередили фашистов, и вновь женщины, дети, старики зашагали по той же дороге, только назад – домой.

Деревня встретила жителей пожарищами, скелетами русских печей и двумя братскими могилами с наскоро сколоченными дощечками с фамилиями погибших солдат и офицеров. И были на дощечке, что на поле, две скорбные надписи – Неизвестный.

Ох, как голосили, словно по своим убитым мужьям и сыновья, местные бабы на этих могилах, особенно над могилой, что на поле. Неизвестный. Как же так – жил-жил, и вдруг без имени, без отчества, словно и не рожала его мать, словно не было у него ни родных, ни близких. «Несправедливо это. Там хоть и все равны, – рассуждала мать Тамары Петровны, тогда ещё четырнадцатилетней девочки, – но всё одно – плохо без имени». И начинала голосить: «Как же мы за вас, наши соколы, молиться будем, и как же матери и жёнки ваши узнают, где вы сложили свои головушки...»

Неизвестных солдат было так жалко, что поклялись Тамара с соседкой Любой ухаживать за могилами, будто там лежат их родные старшие братья.

После войны братская могила на поле для Тамары Петровны стала ещё дороже. Не вернулся с войны отец, погиб и схоронили его в братской могиле, но только на чужой польской земле.

Баба Люба замуж не вышла, не нашёлся жених. Все, кто был старше, – не вернулись с войны, что помоложе – на неё не смотрели: девок хватало. Осталась баба Люба одна, и стала она на могилу к Неизвестному ходить, как к своему убитому жениху. Из двух Неизвестных она выбрала последнего в списках. Буквы «неизвестный» у него легли неровно, как-то кособоко, рука, видно, дрогнула у писавшего.

«Вот, – думала баба Люба, – совсем не повезло тебе, мой касатик. Ох, горемычный ты, горемычный». И казалось ей, что она действительно знала его, любила и он отвечал ей взаимностью.

В пятидесятые годы на братских могилах установили обелиски с красными звёздами, в шестидесятые над могилой, что в деревне, установили памятник – Скорбящей матери. На поле стал возвышаться Воин, в одной руке которого автомат, в другой – венок своим погибшим товарищам.

* * *

Когда поле отдали под дачное строительство и землемер разделил поле на участки, вбив колышки в метрах пятнадцати от покосившейся ограды братской могилы, двух самых бойких старух – бабу Любу и Прасковью Лазареву (Тамара Петровна тогда болела) деревенские направили в поселковый совет. Прождав полдня главу поселковой администрации, женщины получили от него заверение: «Не беспокойтесь. Ничего с могилой не станет. Согласно генеральному плану застройки земельного участка, выделенного под дачный кооператив «Лесная сказка», забор пройдет в пятнадцати метрах от ограды. Мы что? Сами не понимаем, что это за место?!»

Деревенские успокоились и стали наблюдать, как строится дачный поселок.

Хозяйка быстровозводимого кирпичного дома не полюбила деревенским. Рыжеволосая, крашенная, средних лет, не сказать, чтобы толстая, но какая-то бесформенная, с какой стороны ни посмотри, везде ровная, с круглым лицом – показала местным жителям заносчивой и высокомерной. Прозвали её «толстомордой» и частенько судачили меж собой деревенские бабы:

– Видала вчера толстомордую. Идет, вышагивает. Земли под ногами не чувствует.

– Поздоровалась хоть?

– Да Бог с тобой, у неё язык быстрее отвалится, чем «здрости» нам сказать. Как же? Она городская, мы – неумытое сельпо. А как выйдет в огород в одном тряпье, смотреть противно.

– Что ты? Это ещё хорошо. Я здесь видела её в одном лифчике и трусах. Сиськи пудовые – то и гляди вывалятся, жир так и торчит из-под трусов, так и торчит. Срамота смотреть.

Дом толстомордая построила быстро, вскоре был установлен забор вокруг участка, но только не в пятнадцати метрах от могилы, как было обещано. В пяти. Деревенские опять поехали в поселковую администрацию. Там пообещали приехать и разобраться. Действительно, через некоторое время приехал сам глава. Походил, посмотрел, поговорил с хозяйкой кирпичного дома, зашёл к ней в дом... И уехал. Забор остался стоять.

«Откупилась», – решили деревенские и больше к власти не поехали. Зачем? Правды не найти. Посудачили, посудачили и успокоились – времена тяжелые. Выжить бы и то хорошо.

Вскоре строительные работы красного дома полностью завершились. Началось строительство гаража, затем бани.

– И откуда только деньги берёт?! – возмущались между собой деревенские. – Нам на хлеб не хватает, а она и дом строит, и сын приезжает на большой ненашенской машине, и дочь вся разодетая. Вот как время повернулось! Всю жизнь горбатились, думали, на старости лет поживём, отдохнём. Не вышло. Теперь живут хорошо только такие толстомордые.

* * *

Тамара Петровна тяжело встала и прошла в большую комнату. Вернулась одетая во всё чёрное.

– Пойдем, Люба, посмотрим, что эти фашисты удумали.

До кирпичного дома они шли молча. Тамара Петровна прерывисто, с хрипами дышала, баба Люда с опаской посматривала на подругу – как бы опять не стало плохо с сердцем.

Когда они подошли к братской могиле, совсем стемнело. В кирпичном доме на втором этаже горел свет, и была слышна музыка.

– Вот окаянные! Бога на вас нет! – в сердцах прокричала баба Люда и погрозила кулаком в темноту.

– Тише ты, – зашипела на неё Тамара Петровна.

Из новых ровных досок вагонки, метр на метр, может быть, чуть больше, пахнувшая лаком, уборная была установлена в двух шагах от ушедшей наполовину в землю облупившейся ограды. Три шага, и нога уткнется в еле выступающую над землей каменную плиту.

– Да... – протянула Тамара Петровна.

– Вот видишь, я правильно сказала, ты говоришь – перепутала. Я как увидала, так сразу и поняла, только сначала не поверила, – суежилась баба Люба вокруг Тамары Петровны, которая стояла, не шевелясь и о чем-то сосредоточенно думая.

– Ну-ка, пойдем, – Тамара Петровна резво, словно молодая, зашагала в деревню. Баба Люба за ней еле попевала и, задыхаясь, шептала:

– Тамар, куда ты? Куда? – но Тамара Петровна ничего не отвечала, лишь, как казалось бабе Любе, прибавляла шаг.

За полночь, когда и деревня, и дачный поселок спали, женщины вернулись к кирпичному дому.

Стараясь не шуметь, они при помощи топора отломали несколько досок от забора. Если баба Люба в небольшой лаз проникла легко, то Тамара Петровна с трудом. Она обливалась потом, невыносимо шумело в голове, горело под левой лопаткой, спина никак не сгибалась, невыносимой болью парализуя всякие движения, но, сжав губы, Тамара Петровна пролезла в узкий проем. Крадучись принесли несколько досок из кучи строительного материала аккуратно сложенного в нескольких метрах от уборной и обложили ими злосчастное строение.

Баба Люба проворно – и откуда только такая легкость и ловкость могли взяться на восьмом десятке лет – взяла канистру с керосином, быстро обошла уборную со всех сторон, тщательно обливая сухие доски жидкостью. Когда она вылила последнюю каплю керосина и для верности постучала по дну тары, Тамара Петровна зажгла спичку, секунду подержала в руке, словно раздумывая, правильно ли она делает, – бросила.

Женщины заворожено смотрели, как беспощадные языки пламени охватывают строение, и вот уже уборная полностью скрылась в пламени и дыме. Первой очнулась баба Люба:

– Тамар, побёгли!

Тамара Петровна, как неживая, протиснулась в лаз и, спотыкаясь, из последних сил пошла в деревню. У бабы Любы, наоборот, словно выросли крылья, она споро шла впереди подруги, часто оглядывалась и, обращаясь к Тамаре Петровне, говорила:

– Ты погляди, как горит! Так им и надо, окаянным. Что удумали?! Окайные!!!

Декабрь 2003 г.

Алла СТУПИНА

Поклон Нерехте

Когда приходит светлый праздник, нужно быть умиротворённой и спокойной и хочется много сказать людям. Радостное событие, светлое Христово Воскресение. Молящиеся зажгут свечи, заполнят храмы. Один из них мне особенно дорог – здесь покоится моя мать.

Троица. Троице-Сыпанов Пахомиево-Нерехтский женский монастырь. На протяжении веков он является одним из наиболее почитаемых на Костромской земле. Обитель находится в двух километрах от города Нерехты, где река Гридевка впадает в реку Солоницу. Древний город Нерехта расположен на юго-западной окраине Костромской области, на середине пути между Костромой и Ярославлем. Неизгладимое впечатление производят деревянные дома, кружевные узоры на наличниках окон, памятники архитектуры.

Впервые Нерехта упоминается в летописях 1214 года.

Монастырь основан учеником преподобного Сергия Радонежского преподобным Пахомием чудотворцем. В начале XIV века в г. Владимире, в семье священника родился преподобный Пахомий. По изволению Божию пришёл в Костромские приделы и остановился недалеко от селения, именуемого Нерехта. Преподобный Пахомий сам написал первую икону Святой Троицы для нового храма. Основанная им

Пахомиево-Нерехтский Троице-Сыпанов женский монастырь (вид с северо-запада)

обитель стала именоваться в честь Святой Троицы.

Преставился Преподобный Пахомий в 1384 году и был похоронен близ алтаря у южной стены Троицкого храма. Местное почитание угодника Божия продолжалось почти 300 лет (1384-1675 гг.)

Главный иконостас Троицкого храма

Пахомиевский придел трапезной

В смутное время вместе с Нерехтой монастырь неоднократно подвергался разграблению и сожжению от поляков. В 1764 г. был обращён в приходскую церковь.

В 1937 г. Троицкий храм был закрыт и пребывал в запустении. Первое после 1937 г. богослужение в полуразрушенном храме Троице-Сыпанова монастыря было совершено в праздник преподобного Пахо-

мия 28 мая 1990 года. Вскоре было принято решение восстановить на этом месте обитель.

22 марта 1993 г. по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II настоятельницей монастыря была назначена игуменья Алексия (Ремизова).

Низкий поклон Вам, игуменья Алексия, за слово Божие, за нашу маму Павлину. Её желанием было провести последние годы своей жизни в молитве и послушании. Это был её духовный подвиг. И выбрала мама именно это благодатное место России, где земля Нерехтская возрстила своего угодника Божия – преподобного Пахомия Нерехтского. Моя младшая сестра Лариса и сын её Никита бывали в обители, откуда вынесли глубокие впечатления. Теплота и сердечность людей, живущих там, прекрасные картины природы, гостеприимный кров – всё это никогда не забудется. Лариса об этом часто вспоминает и пишет.

Каждый год 28 мая в обитель признает огромное количество людей из многих регионов России и других мест на праздник преподобного Пахомия Нерехтского чудотворца. Множество чудес происходит по молитвам Его за эти 600 с лишним лет.

В день 28 мая 2012 года в обители ушла в мир иной моя мама, здесь получила она духовное утешение, здесь исцеляли от болезней телесных. Мама, мы не успели поговорить о главном. Ты знала многое из того, что мне не постичь. Ты учила меня и младшую сестрёнку встречать рассвет с пением птиц и запахом цветущей земли, ходить по лесам и лугам, собирать грибы, ягоды и травы, слушать, как гудит среди цветов шмель в знойный день. Всегда старалась помочь людям, чтобы жили дольше и здоровее.

Когда тебя проводили в последний путь, игуменья Алексия сказала Ларисе:

– Приезжай, когда пожелаешь. К духовной благодати, умиротворению.

С любовью к людям, вселяющим надежду и радость, всем, кто благочестив, я посвящаю эти поэтические строки, идущие из моей души к светлому Воскресению. Пусть все в этот день радуются. Низкий поклон тебе, земля Нерехтская.

Встреча бабушки Павлины и внука Никиты в обители

Свет в окне

День Великий, христианский праздник –
Наряду с печалью – торжество.
В сердце оживут любовь и радость,
Истину откроет божество.

К службе в Храме соберутся люди,
Чтобы слиться сердцем и душой
И решить, что мир счастливей будет,
Если жить в согласии с собой.

С Пасхой просыпается природа
Вместе с воскресением Христа.
Величава в это время года
И светла земная красота.

Жизнь всё чаще задаёт вопросы:
Что такое вера и любовь?
К Богу обращаемся и просим,
И надежда побеждает вновь.

Пусть счастливей будут наши дети,
Солнце засияет всем с небес,
Радостное утро вместе встретим.
С праздником, друзья! Христос воскрес!

У стен монастыря

Наталья ГАРМС

Окончание. Начало в №2-4.

Сколько нужно мужчин, чтобы...

Шпионский фактор

По прибытии из бельгийской столицы в российскую я попросила башкирского собкора «ОВ» раздобыть координаты Рифгатова. И заодно обзвонила знакомых в поисках новой работы. Трудиться в Молдавии становилось все сложнее. К тому времени президент №3 напрочь рассорился с Москвой (через пару-тройку лет Кишинев, разумеется, вновь поменяет курс, но это уже будет потом). И многие местные чиновники просто боялись давать мне комментарии, а молдавский МИД в который уже раз отказал в аккредитации. Я не поленилась и лично отнесла в правительственную канцелярию письмо для премьера с жалобой на руководителей внешнеполитического ведомства. Но кому могла пожаловаться на преследование местных спецслужб?

Собственно я сама напросилась! Когда один из здешних министров заметил в разговоре – «Вы, Милица, всегда задаете такие вопросы, что возникает мысль о вашей принадлежности к определенному ведомству» – я бросила в ответ, мол, пусть на этот счет меня проверит СИБ, наверное, прозябающая без дела. И вскоре мне позвонил сотрудник Службы информации и безопасности Влад, который сообщил, что у него имеются сенсационные материалы о коррупции среди высшего чиновничества. Потом, правда, оказалось, что эти данные пока раскрыть нельзя, но в перспективе меня, возможно, с ними ознакомят. Затем Влад пригласил выпить пива, и я сначала хотела отказаться, но подумала, что правильнее будет самой попытаться выяснить, что в отношении меня затевается.

В словесной мишуре, которой мы дружно разукрасили елку нашей беседы, ключевым стало мимоходом оброненное сибовцем упоминание о том, что он сейчас занимается Приднестровьем. Для самих приднестровцев, разумеется, давно не было новостью, что ими интересуется также и молдавская СИБ. Но как полагали, наверное, начальники Влада, услышав подобное признание, я незамедлительно постараюсь предупредить об опасности тираспольские, скажем, или российские спецслужбы, на которые, по их убеждению, трудилась в поте лица. Вот и пусть на практике проверят справедливость своих подзрений, рассудила я.

Хотя перемудрила, наверное! Как ответил в прощальном интервью очередной американский глава кишиневской миссии ОБСЕ, имевший, по оценке знатоков, типичную биографию профессионального разведчика, «если в тебе предположили шпиона, бессмысленно доказывать обратное – это лишь усилит подозрения». «В конце концов, – продолжил собеседник, чрезмерно растягивая и слегка вибрируя даже на последнем звуке "о", – из всякого неудобного положения можно попробовать извлечь пользу». И он улыбнулся тонкими губами, при этом голубые его глаза остались серьезными. «Шпион, разумеется, шпион!», – мысленно повторила я. И мы еще раз улыбнулись друг другу.

Он сам вряд ли заблуждался на мой счет. Хотя и не упускал, наверное, случая призвать здешних коллег к бдительности в общении с русской журналистской. Впрочем, если разобраться, так ли уж мне вредила, к примеру, опасливость молдавского вице-спикера, неизменно уточнявшего при встрече – не расскажу ли я потом о ней в КГБ?

В конце концов – использую и я любимое восклицание американского разведчика – тень некогда существовавшей могущественной организации хоть в какой-то мере могла прикрыть меня – в отсутствие прочих «крыш».

Для обеспечения чистоты «эксперимента» я ничего не рассказала о нем тогда даже коллегам-собкорам. И далее лишь старалась не нервничать, заметив, например, как топавшие за мной следом два здоровяка вдруг замирали и кидались рассматривать оказавшуюся поблизости витрину с лифчиками, когда я, вспомнив о забытом дома кошельке, резко поворачивала назад в подземном переходе. Наверное, на мне натаскивали молодняк.

Для себя изначально решила, что сама играть в «казаков-разбойников» не буду: а потому, выйдя из подъезда, не оглядывалась по сторонам и по возвращении домой не проверяла – не копался ли кто в моих бумагах. К тому же это представлялось напрасным делом – с моим-то зрением, хотя бы! Но наконец объявился Влад и под пиво опять же упомянул, что более не занимается Приднестровьем. Вот и славно! Значит, эту тему можно закрыть.

Затем, однако, в голову пришла другая мысль – а не использовались ли эти встречи с какими-то ины-

ми целями? Например, неоднократное мое общение с Владом могли заснять, запустив затем в местное сообщество байку о том, что российский собкор Берсенева сотрудничает с молдавской СИБ. «Всякое в жизни может случиться!», – наставлял авторитет Зеленый. К тому же меня не покидало ощущение продолжавшейся слежки. Как и все московские собкоры, я знала, что за нами приглядывают и периодически прослушивают. Но никогда подобная опека не носила столь навязчивого характера.

И теперь, по возвращении домой, я хотя и не кидалась просматривать свои бумажки, но автоматически принохивалась – не появился ли некий новый чужой запах? Возникшая мания преследования оказалась труднопреодолимой, в том числе и потому, что реальные поводы для опасений имелись. В Кишиневе как раз арестовали бывшего руководителя СИБ, устроившегося затем советником главы РАО «ЕЭС России», который в ходе очередной избирательной кампании в республике позволил себе покрывать действующие молдавские власти. После его ареста Дзержинская невесело заметила – следующими можем оказаться мы. И в результате, если в парке вместо назначившей встречу подружки на скамейку ко мне подсаживался какой-то парень и любезно предлагал свой телефон, чтобы я могла выяснить у Глашки, не оставила ли пропавшая приятельница новых сообщений, тогда как не ответившая на мои звонки дочка потом уверяла, что их (звонков) на самом деле не было, какой из всего этого напрашивался вывод? Правильно! Я сокрушалась об оставленных на чужом мобильнике отпечатках пальцев, которые впоследствии могли всплыть в какой-нибудь неприятной истории.

И даже когда, устав от человеческого фактора, превратившего затеянный мною, ради смены декораций, ремонт в бесконечный непредсказуемый процесс, я нашла упомянутую где-то книжку Грэма Грина под актуальным названием «Человеческий фактор», это оказался грустный роман о шпионах. Теперь понятно, почему я стала искать новую работу в Москве, хотя недавно еще и не помышляла о расставании с красотами Молдавии?

(Затея с ремонтом, к слову, оказалась провальной и потому, что рекомендованные мне два работника вдруг составили влюбленную парочку. Оба были обременены годами и семьями, но в мой разгромленный дом теперь спешили, как на праздник.

И до ремонтных ли им было работ, если он то и дело снимал ее со стремянки и усаживал на заляпанный известкой табурет, чтобы спеть под оставшуюся от Вольки гитару «Остров невезения в океане есть». И она счастливо хохотала, запрокинув голову в косынке к ободранной стене. Он звал ее «Натали», естественно, а она его – «Николашей».

И когда, вспомнив о забытом кошельке и оставив своих провожатых у витрины с лифчиками, я неожиданно возвращалась домой, то долго не могла открыть дверь. И после того как ее все же отворили, ощущала себя лишней в этом любовном гнездышке. А раз даже застала у них в гостях какую-то тетку с насурьмленными в парикмахерской бровями-ресницами. «Моя подруга Соня, – представила ее Наташа, округлым жестом подливая в чашку кипятка. – Хочешь чаю? Мы испекли шарлотку. Правда, у тебя плита барахлит!».

И тут я наконец закатали скандал. Подруга с вздернутыми, щедро подведенными бровями бежала, а Николаша с полдня виновато провозился с духовкой.

Везение на разгромленный мой остров вернула Николашина жена. Встревоженная затянувшимся отсутствием супруга, она стала наезжать с проверками. И дело пошло бодрей. А тут еще знакомый художник Филипп Друмя оформил-таки входную дверь в прихожей. На выкрашенной белой краской дверной поверхности я попросила изобразить вокруг «глазка» глаз, который светильником спускался сверху на пружинившей подвеске, а под ним из узкого горлышка амфоры, свернувшейся у донышка в раковину, счастливо выплывали три рыбки: синяя, красная и золотая, с колокольцем на ленточке. Все это Друмя исполнил из папье-маше, раскрасил и прибил аккуратненько гвоздиками, помимо прочего, добавив от себя на «плафон» какую-то пипочку.

– А это что?

– Выключатель, – скромно улыбнулся Филипп.

– Если мы отсюда переедем, то все гвоздики вытащим и заберем эти аппликации с собой, – деловито сказала Глашка, когда ремонтно-любовный бред наконец закончился.)

Ранее также трудившийся в «ОВ» Гоша Зонтов обнадежил – в перспективе у него может освободиться подходящее место. И еще порадовала Стелла Марковна, с которой мы некогда ехали в одном купе: прослушав рассказанную мною на ночь Глашке обязательную сказку о двух обезьянках Кики и Паче, она порекомендовала непременно зафиксировать на бумаге весь обезьяний цикл. «Сейчас возможности

издать его нет, но в будущем может появиться», – уточнила Стелла Марковна, оставив свой номер телефона. Но когда я перезвонила ей теперь, сообщила – новые детские книжки стали востребованы и мне необходимо быстро, до конца лета, представить готовый материал. Возможно, и удастся его пристроить. Вот когда я пожалела, что не записывала на диктофон ежевечерние свои истории о похождениях двух обезьянок, в которых рассудительной дисциплинированной Паче постоянно приходилось выручать из передряг взбалмошную непоседу Кики!

На обратном пути из Москвы, разглядывая замелькавшие за окном вагона плавные молдавские пейзажи, я протянула мечтательно, что было бы неплохо снять в каком-нибудь селе на берегу Днестра жилье, чтобы поработать в отпуске над книжкой. «Я даже знаю, где это можно сделать», – неожиданно объявил обходительный сосед по купе Виктор Дементьевич. Как он рассказал, ря-дом с домом его сына (расположенным неподалеку от Днестра) имеется вполне приличная пристройка, в которой я могла бы остановиться, причем невестка за разумную плату обеспечила бы и кормежку. Да и вина своего, домашнего, у них предостаточно. Чего ж еще!

На перроне кишиневского вокзала меня поджидал где-то вроде бы уже попадавшийся на глаза тип. Быть может, это он на приеме в российском посольстве стоял с бокалом у колонны и так пристально разглядывал мое декольтированное платье, что я решила выяснить у пресс-атташе, кто этот незнакомец, да тот исчез. И теперь, широко расставив ноги и засунув руки в карманы, он наблюдал за тем, как, лавируя между пассажирами и встречающимися, я приближаюсь к нему с набитой до отказа дорожной сумкой. А я смотрела на него. Как в фильме про ковбоев: один размеренно шагает мимо, а другой стоит себе, не шелохнувшись и не поворачивая головы, однако отслеживая из-под широкополой шляпы всякое движение первого. Лишенная подобной возможности, я про-шла немного вперед и обернулась: он так и не сдвинулся с места, чтобы, допустим, поспешить кому-то навстречу. А я, далее проигнорировав оклики нескольких таксистов, села в машину лишь седьмого, кажется, по счету, вынырнувшего уже неподалеку от троллейбусной остановки.

Все, ребята, приехали! Это клиника!

– Вася. Я, наверное, скоро уеду в Москву.

– Тогда, за твои новые свершения, дорогая!

– Смешно, я всегда мечтала поработать в Москве! А теперь почему-то туда не тянет. Наверное, уже привыкла к соборовской вольнице, когда живешь и трудишься сама по себе – вдали от столичных интриг, надзора начальства и коллег. К тому же в московской толчее сложно выдержать дистанцию. А это, ты знаешь, Василий, необходимо для сохранения личной свободы.

– Как же, как же, слышан! Но мы-то с тобой сохраняем приличное расстояние. А потому вправе выпить за не омраченную географией свободу личности, вольнолюбивая ты моя!

– Васечка, а ты не набрался ли уже?!

– Обижает, начальник! И сама закусила бы, что ли! А то назююкаешься спозаранку, и я окажусь виноватым.

На крыше дна

В августе отправила Глашку в Лугу. Увлеченная насыщенной студенческой жизнью, Аглая наконец созрела для расставания с Корнелием. И на вокзале скорбно распрощалась с ним, сердясь на меня за то, что не предаюсь в связи с этим лицемерной печали.

На следующий день и я выехала в деревню со стареньким ноутбуком, подаренным Петровым.

(Мама у Петрова по национальности еврейка, в девичестве – Фейгельсон. И когда он, приехав по делам в Израиль, попал в большую компанию и вслед за Вайсманами, Любовичами, Толенбергами представился «Петровым», за столом на мгновение воцарилась тишина. Пока кто-то не молвил: «Ну что ж, бывают и такие фамилии!»)

На станции меня встретил Виктор Дементьевич на «волге» с коврами на сиденьях. Впрочем, у его сына во дворе стоял современный «джип». Также имелись в хозяйстве грузовичок и трактор с прочей сельхотехникой.

Серджиу (мне было дозволено именовать его «Сергеем») являл собой редкий пример молодого успешного фермера. Деньги на первоначальную раскрутку он заработал на велосипедном заводе в Чехии. Или, быть может, в Словакии? После чего еще нанялся рабочим на местную ферму, чтобы перенять опыт современного ведения аграрного дела. И когда вернулся домой, вскоре размахнул-ся так, что при-

шлось арендовать соседние участки и нанимать на подмогу односельчан. От чего, разумеется, не все они были в восторге! Как и от того, что к десятилетнему его сыну Дану на дом приходила преподавательница французского поочередно с учителем рисования. Для развития же физической формы детей предназначались специально приобретенные разнообразные тренажеры. Вдобавок по выходным семейство нередко выезжало в Кишинев: прошвырнуться по столичным магазинам или, к примеру, сходить на концерт Хазанова.

И это в селе, большинство трудоспособных обитателей которого уже выехали на заработки за рубеж, в том числе, и в Россию! К россиянам Сергей относился вполне дружелюбно, однако, утверждая, что молдаванам нужно жить собственным умом. А я поддразнивала его, напоминая, что обустроить свою жизнь – по уму – здесь пока не могут. И он, посмеиваясь в ответ и ероша свои светлые волосы, заверял, мол, со временем вся эта перестроечная муть осядет и нынешних политиканов заменят продвинутые и ответственные политдеятели, которые и экономику наконец с колен поднимут, и с Приднестровьем отношения наладят. Правда, российским военным придется покинуть берега Днестра. «А чем они тебе мешают? – удивлялась я. – Почему в Румынии, например, НАТОвская база допустима, а российские подразделения, за сохранение которых приднестровцы неоднократно голосовали на референдумах, непременно должны отсюда уйти?»

Тут к нашей дискуссии оживленно подключался Виктор Дементьевич, впрочем, не забывавший принести из подвала и в самом деле замечательное вино. Мы выпивали и закусывали ломтями хлеба со жгучей аджикой или брынзой, выложенной на большой тарелке рядом с перьями зеленого лука. А готовившая ужин Сергеева жена, Кристина, при этом излишне громко бряцала утварью, демонстрируя свое недовольство тем, что «кто-то умный больно!» Исподтишка она посмеивалась над городской приезжей, которая только и умеет что целыми днями клацать по компьютерным клавишам. Сама она, кстати, в компьютере разбиралась лучше мужа. И если сыну надо было наладить новую программу, обычно это делала Кристина. И даже мне раз помогла, когда Петров ноутбук напрочь «завис» посреди второй по счету «обезьянней» сказки.

Работа моя поначалу продвигалась туго: к тому времени сюжеты уже почти все позабылись, да вдобавок я никак не могла найти подходящую тональность повествования, чтобы оно вышло веселым и поучительным – как и положено в детской книжке. Пару раз, забросив бесплодное сочинительство, я сбегала через виноградник с сыто бликовавшими на полуденном солнце сизыми виноградинами, к Днестру. На противоположном берегу зеленел упавший в воду огромный тополь: ухватившись за его ветки, я и сама надолго «зависала» в воде – под напором сильного течения. После ужина обычно перечитывала Толстого в своей пристройке или разглядывала в окно звездные россыпи на густо замешанном черном. И иногда молилась.

– Который раз наблюдаю – ты как будто молишься о чем-то, – вдруг проговорил из темноты Сергей. Я даже вздрогнула от неожиданности.

– А знаешь, что подглядывать нехорошо?

– Я и не подглядываю – наблюдаю. У тебя случилось что-то?

– В детстве один мальчик из нашего двора назвал моим именем самую красивую, по его мнению, звезду на небе. И вдруг она пропала. Так выяснилось, что я вижу уже не все звезды. И, наверное, иногда нелишне помолиться о том, чтобы они вообще не исчезли из моей жизни, – неожиданно для самой себя я предпочла лирическую версию ответа.

– А существует такая опасность, что исчезнут? – переспросил он, выходя на свет.

Я пожала плечами.

– Хочешь, принесу вина? – предложил Сергей и, не дожидаясь ответа, исчез. Минут через пять выставил на подоконник бадеечку с вином и пару стаканов.

Чокнулись и выпили «за звезды в нашей жизни», разумеется. С приятельницей Сашей мы обязательно отмечали приход всякого нового времени года, выпивая «за нас этой осенью» или «за весну в наших душах». И если почему-либо пропускали какой-то сезон, потом непременно воздавали ему должное отдельным тостом.

– Отличное вино! – похвалила я. – Что нужно делать, чтобы оно получилось таким?

– Главное, хорошо вымыть бочку, – тихонько засмеялся он, простодушно обнажая при смехе десны.

Я не видела этого, но знала наверняка – они с сыном смеялись одинаково.

– Налей-ка мне еще. Все, достаточно! Спасибо большое! И спокойной ночи! – завершила я застолье.

Прихлебывая из стакана, включила компьютер. И просидела за ним почти всю ночь, сдвинув на-

конец обезьянью сагу с мертвой точки. Теперь я была уверена, что сумею успешно завершить сей мар-тышкин труд.

Утром, заспанная, с покрасневшими глазами, вошла в кухню и застала Кристину за разделкой курицы. Пахло какой-то распаренной дрянью. Чтобы было легче ощипать перья, она сначала погрузила птицу в ведро с кипятком.

– А кто ее зарезал? – поинтересовалась я, впрочем, зная ответ.

– Да я и зарезала. Кто ж еще! Это в городе только можно найти уже готовые выпотрошенные тушки в магазинах, – насмешливо отозвалась она.

– Когда студентами нас отправляли в колхоз на уборку винограда, горожанкам и правда было сложно выполнить норму. А сельские девчонки делали ее за полдня – садились возле виноградного куста и просто выдаивали его в корзину. Но в селе подобному умению обучаются с детства, – примирительно заметила я.

– Да, на уборке винограда за мной никто угнаться не мог!

И что, мне тоже следовало похвастать в ответ? И рассказать, например, как сделала любопытное интервью с приднестровским спикером, или выудила необходимую информацию у изначально отказавшего в комментарии кишиневского чиновника, или еще о каком-нибудь достижении – столь же бесполезном в обыденной жизни? Я давно уже определила, что занимаюсь чем-то вроде изучения редких, скажем, чешуекрылых или, напротив, вовсе бескрылых, но кольчатых существ – делом, возможно, безвредным, но достаточно бессмысленным для окружающих. И потому привыкла не обременять их рассказами о жизни этих самых кольчатых, между прочим, порой весьма интригующей и поучительной – для увлеченного энтомолога.

По случаю четырехлетия дочки Фелиции хозяева устроили на берегу пикник. И настояли на моем участии в нем, хотя я отнекивалась, ссылаясь на работу. Мужчины сгруппировались у мангала с шашлыками, а женщины суетились вокруг разостланной на траве под тополями пестрой клеенки. Мне поручили нарезать на четыре части уже испеченные большие румяные плацнды с творогом и укропом. Сергей принес на шампуре шашлык. А потом вино. Я отпивала и откусывала. И смотрела, как Виктор Дементьевич нацеловывает в голенький животик визжащую от удовольствия внучку. Многие здешние мужчины очень ласковы с детьми и не стесняются этого, привычно констатировала я. И узрев теряющуюся в облаках тропинку на противоположном берегу, рассеянно подумала: «Если переплыть Днестр и пойти по этой тропинке, то, наверное, и не заметишь, как поднимешься на небо».

(По речке моего детства плыли облака, кувшинки и лилии да уклейки с подлещиками. И над разбрызганными вдоль берега незабудками, забывшись, зависали стрекозы. Впрочем, с толстых ветвей старой ивы, привычно возвышавшейся над картофельными делянками у реки, стрекоз видно не было, но просматривалась парочка, поутру засевшая в кустах на противоположном берегу. Мы с Верочкой Колесниковой и Томой Корабель попыхивали на иве украденными у Мошечки сигаретами, а парень с девушкой, под кустом, на том берегу, по очереди прикладывались к некоей склянке. Потом они из-за чего-то начали препираться и вдруг сцепились, едва не бултыхнувшись в воду. Тут девушка вырвалась и побежала. Спутник догнал ее и пнул сзади ногой. Она споткнулась и упала. И попробовала было дальше продвигаться на четвереньках. Он снова, но уже несколько лениво, смазал ее ботинком по заду. Потом приподнял рывком за шиворот. И они побрели, шатаясь, прочь от кувшинок и лилий.

– Политура! – процедила сквозь зубы Тома.

Политурщики (те, кто водке предпочитал политуру) часто собирались напротив нашей ивы. А еще несколько мужиков в Луге однажды упились морилкой (ее обрабатывают дерево – «под дуб») и стали фиолетовыми. Их даже в Питере потом лечили. Но, кажется, без толку.

– Как все же некрасив может быть человек на фоне такой красоты! – вдруг звонко продекламировала Верочка.

И я едва не свалилась с дерева. До сих пор за то, что я «книжница» и «не от мира сего». Тома выговаривала мне.

Родители моих подружек пили водку. Разница была в том, что у Верочки, надравшись, буянил отец, дядя Миша. И не раз они с мамой босиком, в одних ночнушках прибегали по снегу к Мошечке. А у Тома, напившись, концертила мать, тетя Клава. Однажды она чуть не изрубила мужа в клочки тесаком для резки капусты. После того как его увезла «Скорая», по развороченному снегу от калитки к дороге протянулась цепочка кровавой капли.

В «пьяной Луге» девчонки чудом сумели найти умеренно пьющих мужей, а сыновей и вовсе вырос-

тили трезвенниками. И когда я вновь, уже взрослой теткой, вскарабкалась на старую иву, простенькая мысль о том, что дети моих подружек никогда не появятся у облюбованного местными политурщиками куста, вдруг наполнила душу созвучной пейзажу тихой радостью.)

Пикник закончился, и все ушли, а я осталась, чтобы искупаться. Разделась, вошла в реку и нырнула, стараясь проплыть под водой как можно дальше – мне казалось, что на поверхности пловца сильнее сносит течением. Я нарочно загребала влево, чтобы выплыть прямо к тропинке на противоположном берегу. Опять нырнула и еще. Вдруг кто-то больно дернул меня сзади за волосы и потянул куда-то в сторону. В мутной воде разглядеть нападавшего было невозможно. Изловчившись, лягнула его ногой, второй и третий раз, а потом боднула головой в подбородок. Тот ослабил хватку, и я рванула вверх, поразившись вдруг мелькнувшему на миг на поверхности Сережиному лицу. Хотела было спросить, что все это значит, но он исчез. И я опять стала нырять, шаря вокруг руками в желто-серой воде, и таки успела перехватить его у течения.

Оскальзываясь на глинистом берегу, потащила Сергея повыше, на сухой пригорок – когда-то я уже волокла так убитого мужа. От отчаяния с силой заколотила по его щекам и взялась было за искусственное дыхание, но он сел и закашлялся, по-собачьи мотая мокрой головой.

– Слава Богу, очнулся! Как ты себя чувствуешь?

– Да вроде ничего. Терпимо для человека, которого ты едва не отправила на дно.

– Но я же не знала, кто это! Зачем ты напал на меня?!

– Я не нападал, а спасал.

– Спасал? От чего?

– Ты так странно сказала в тот раз про звезды, помнишь. А сегодня все смотрела на реку – как замороженная. И когда пошла купаться и нырнула, то так долго не появлялась на поверхности, что я испугался.

– И ты подумал, что я хочу покончить с собой? Глупости какие! Да у меня ведь дочка, хоть и не маленькая, но без присмотра ее, одну, оставить никак нельзя! И потом, тут я даже нарочно не смогла бы утонуть!

– Не скажи! Днестр – река коварная! Здесь и хорошие пловцы тонут. Спасибо, что вытащила меня!

– Ты бы вытер подбородок, – сказала я, глядя на темную полосу, оставшуюся на его лице после купания в глинистой воде.

– Сама вытри! – засмеялся он.

И вдруг без всякого искусственного дыхания прижался к моим губам, а потом потянул сквозь заросли ивняка, к перевернутой барже, прикрытой от посторонних взоров упавшим тополем. На барже, как на крыше дома, пахло нагретым на солнце железом, а внизу плескались волны от проследовавшей мимо «Ракеты». В миг развязав веревочки на моем купальнике, Сергей застрял с последним узелком. И я, вместо того чтобы воспротивиться предстоящему, помогла преодолеть преграду. Мы кувыркались по барже, поочередно оказываясь то внизу, то наверху, крепко уцепившись друг за друга руками-ногами. И пару раз едва не скатились в воду. Он целовал меня – всюду. Всюду и распухло, к тому моменту, когда мы собрались покинуть дно-крышу баржи-дома. И я прошлепала разбухшими губами, мол, не удивительно, что от такого секса здесь рождаются красивые детишки.

И ведь как получилось? Сначала он меня спасал, потом, наоборот, а в результате вышло, что, в отличие от молдавского журналиста, предусмотрительно отказавшегося от обеда в Бендерах, я, неожиданно для себя, нашкодила в доме, гостеприимством хозяев которого воспользовалась.

Вернулись мы порознь. Он пошел вперед, а я еще посидела на берегу. Зайдя во двор, попыталась незаметно пройти в свою пристройку. Но меня перехватил подвыпивший Виктор Дементьевич и потащил к столу, за которым продолжалось празднество. Он вновь завел было речь о политике, желая похвастать подкованной гостьей, но Кристина перебила, прикрикнув, мол, хватит, сколько можно слушать этукую чушь! Конечно же, хватит, согласилась я, тем более что мне нужно идти собирать вещи, так как работу свою почти закончила и дома ждут другие срочные дела.

Утром на все той же «волге» с коврами Виктор Дементьевич отвез меня на станцию, где вручил на прощание двухлитровую пластиковую бутылку с вином. И я расцеловала его в небритые щеки.

О морали и нравственности

И здесь, наверное, следует поговорить о морали и нравственности. И, в частности, обсудить наконец вопрос о допустимом количестве мужчин в жизни женщины.

Супруг одной из моих приятельниц, к примеру, так и остался единственным ее любовником – другие ей были не нужны. И то, что подобные примеры цельности чувств и отношений еще сохранились в нынешних реалиях, должно обнадеживать.

Хотя, с другой стороны, однажды, когда я проходила очередной курс лечения у Зелинской, мои 70- и 80-летние соседки по палате вдруг засокрушались о том, что скоро помирать, а в жизни и было всего по одному мужику, а как это вышло бы с другими, уже не узнаешь. И тут бабульки дружно повернулись ко мне своими подслеповатыми, а у кого – и с послеоперационной нашлапкой на глазу – лицами и спросили: у тебя-то с этим как – все в порядке? Несколько опешив даже от такого сюжетного поворота, заверила, что пусть не переживают – я, похоже, за них за всех расстаралась. Да и вообще, хотя мужчины очень разные, конечно, но вдруг кому-то или, может, даже им всем повезло – и в мужья достались суженые. А значит, и не о чем жалеть.

На следующий день сопровождаемая мною на процедуры самая старшая в нашей палате, Лари-са Дмитриевна (бывший бухгалтер, она гордилась тем, что ни разу никуда не опоздала), завернула на обратном пути к окну. Мимо нас по коридору неспешно передвигались больные. Глядя прозрачными и почти незрячими уже глазами в скудненькое ноябрьское небо, она рассказала, что всю свою жизнь любила Тольку с соседней улицы в их продутом ветрами родном казахском городке. Но после школы уехала учиться в техникум, а когда вернулась на каникулы, Анатолия как раз женили на понесшей от него скуластой девочке из ее двора. Они как-то столкнулись вечером, и он шагал рядом угрюмо и молчал, и она тоже молчала, стараясь удержать волновавшуюся на ветру юбку. «И все. Потом я вышла замуж и перебралась в Москву. Муж покупал мне дорогие шубы и платья. Я никогда ему не изменяла. Но Толю так и не забыла», – доверила она мне нести далее по жизни повесть о взволнованной ветром юбке. И мы заторопились в столовую, чтобы не опоздать на полдник.

И я не сообщила в ответ, что Павлов, Глашкин отец, в последние годы живший так, как будто намеренно шагнул без парашюта в бездну, недавно умер. И потом приснился, конечно, и я сразу выпалила то, чего никогда не сказала бы наяву: «Когда узнала, что ты изменял мне даже с подругами, то переспала с твоими лучшими друзьями!»

– Знаю. Они рассказывали, – кивнул Пашка.

– Это было не сложно, – упрямо продолжала я.

Он промолчал.

– И я сделала это с удовольствием!

– Да, они были отличными ребятами! – согласился Павлов. И одарил на память ласковой разбойничьей улыбкой.

Проснувшись и нащупав в темноте сброшенные на пол подушки, вспомнила, как мы случайно встретились где-то и его приятель зазвал к кому-то в гости. Я рассчитывала договориться с Павловым о праздновании Аглаиноного дня рождения. Но Пашке позвонили, и он сначала тихо препирался, а затем хохотнул в трубку: «Не дави на кадык каблуком, женщина! Ладно, скоро буду!» И ушел. Мы остались с его приятелем вдвоем в чужой квартире, и когда в разговоре возникла хрусткая пауза, в дверь влетел Пашка. Сдернул с вешалки мое пальто: «Сначала я тебя доставлю!»

Довел меня до дома. И я хотела было сказать, что он напрасно так разволновался: даже при желании я не смогла бы вновь войти в некогда существовавшую реку, которая давно уже течет по другому руслу, а в старом вся вода высохла. Но глянула на Пашку – тоже высохшего и до дна вычерпанного, исчерпанного – и побежала по ступенькам к подъезду.

Теперь бессмысленно, конечно, рассуждать о том, как бы сложилась моя жизнь, если б, скажем, я вышла замуж не за Павлова, а за кого-то другого. Или если б не случилось смутного времени в ожидании сумерек и отсутствия будущего, когда мужчины из настоящего воспринимались лишь как временные попутчики, неизбежно перенимавшие защитную мою легкость в отношениях. Тогда совсем было не до счета! И не обошлось без «мертвых душ». Вроде того же Львовича.

(Признанный корифеем в журналистских кругах, он также слыл заядлым бабником. Крепко сложенный, приземистый, с отполированной годами, как морская галька волнами, бритой головой, Львович предпочитал статных пышнотелых красавиц, а те готовы были ради него на все. Я, понятное дело, не относилась к их числу. И это обстоятельство Львович исправил однажды с присущей ему виртуозностью.

Зайдя ко мне после какой-то пирушки промозглым зимним вечером, он сварил глинтвейн (как полагалось, с корицей-гвоздикой и дольками яблок) и, попросив плед, закутался в него, а затем, отхлебывая из дымящейся кружки, стал рассказывать о новом романе со студенткой журфака, о котором прознала

жена и, долготерпеливая до сих пор, неожиданно устроила чудовищный скандал в Доме печати. «Да, чудовищный скандал!» – повторил Львович и задумчиво устремил глаза в оранжевую кружку с пунцовым напитком. «Красиво!» – оценил он. И продолжил свою печальную историю. Мне пришлось сварить новую порцию глинтвейна. «Неплохо. Хотя у меня, разумеется, получилось бы лучше», – одобрил, отпробовав, Львович. И потом длинно ссорился с кем-то по телефону, так что я уже начала мыть посуду, намекая на излишне затянувшийся визит.

Наконец он откланялся, отечески похлопав меня по плечу. А на следующее утро перезвонил из кабинета редактора моего отдела: «Мила, милая, посмотри, пожалуйста, я не оставил у тебя на столике возле дивана свои часы?» И, конечно, я обнаружила чужие часы в комнате, в которую мы не заглядывали накануне. И далее была вынуждена передать их своему шефу для Львовича, расписавшись тем самым в очередной его победе.

Правда, сегодня, когда времена и нравы, и я сама стали жесточе, вдруг подумала: ну а если б тогда ответила, мол, ничто постороннее в моем доме не тикает – и остался бы Львович без часов?!

Так сколько нужно мужчин, чтобы?.. Количественную формулу для себя вывела такую: мужчин может быть столько, сколько нужно для того, чтобы радоваться их присутствию в процессе жизни и под занавес не сожалеть о недостатке или избытке. Ну а для счастья, пожалуй, хватит одного. Если, конечно, он окажется способен заполнить собой подспудно отводимое для представителей сильной половины жизненное пространство. И ты захочешь, чтобы это произошло.

То есть я не обманула бабулек-соседа по палате! Да собственно и сама всегда знала: сердце успокоится – с единственным. Другое дело, что суженый – ведь это судьба. А выпадет ли вам с ним пересечься во времени и пространстве да совпасть в своих устремлениях – это как карта ляжет.

Разноцветные наши «графики» с Сударушкиным, наверное, расходились изначально, и мы сосуществовали в параллельном мире, тем самым изрядно осложнив течение реальной жизни, хотя и украсив ее. Но эта история обретет иной поворот, когда мне встретится тот, при котором невозможным окажется еще кто-то другой. Тогда, во избежание драматических сцен, я скажу весело Сергею, мол, это у Земли одно Солнце, а у него, Сударушкина, их много, и даже если какое-нибудь куда-то закатится, катастрофы не произойдет. А он ответит вдруг, что прособирился, похоже, и опоздал. И я заматаю головой: нет, никто не виноват, если графики стартовали в разных направлениях... Впрочем, отчего я решила, что поворотная встреча выпадет не ему?

Так или иначе, определено: живу по первой формуле, но надеюсь на осуществление второй. И продолжаю шагать вперед, ведомая куражом, порожденным летучей влюбленностью, теплым паром выталкивающей к небесам или расслабленно-тяжкой негой, в которую секс превращает нежность, и ощущением всеисилия над незнакомцем, когда он, так же не отводя от тебя глаз, хохочет, слегка запрокинув назад голову и широко расставив ноги на палубе катера, уносящего от острова с белым кантом песка вдоль берега, посулившего стать пристанищем – когда-нибудь...

Ах, как красиво сказала!

Ну а если все же он, нет, с большой буквы «Он» окажется из тех, кто себя не ограничивал в количестве подружек, но от избранницы требует непогрешимой биографии? А такого, дорогая, по опыту знаю, сразу нужно посылать на все большие буквы! Нет, ты, конечно, можешь попытаться что-то доказать и не дать ни единого повода, но он продолжит изводить тебя попреками, полагая затаившейся на время (ради неких коварных замыслов) шлюхой.

Хотя, в конечном счете, мужчин может быть ровно столько, сколько потребуется женщине для того, чтобы выжить в мире, который они беспрестанно взрывают. Выжить, обрести точку опоры, сохранить себя и своих детей.

А что до нравственных норм, то здесь я согласна с Дюшей, изрекшим однажды, что и в самые сволочные времена главное – не стать сволочью.

Вероятно, и тут все относительно. Та же Рената, например, продолжает «сволочить» не Кирил-ла, некогда исчезнувшего с ее деньгами, а меня, оставшуюся рядом. И хотя я знала, что не желала ей досадить морально и не была заинтересована в этой сделке материально (каких-либо процентов ею не предполагалось), но тоже ругала себя, конечно. Не за умысел – за недомыслие. Ведь если б со свойственной мне в профессии дотошностью я изначально просчитала все потенциальные риски, то не порекомендовала бы приятельнице, казавшийся заманчивым, вариант вложения средств. И они остались бы целы.

По этому поводу я, наверное, еще долго изводила себя упреками, если б не сообразила наконец что, вряд ли сумела бы объективно оценить тогдашнюю ситуацию, так как очень в Киру верила. Да, под-

спудно я была уверена, что, без сомнений оставивший мне деньги для своего сына, Кирилл так же не подставит в ответ и сумеет затормозить на краю пропасти, как сделал это когда-то. Будучи журналистом, я давно привыкла, учитывая слова, более доверять поступкам. Но недодумала, что по мере продвижения по жизни в различных обстоятельствах одни и те же люди способны поступать по-разному. И уж тем более они могут оказаться непредсказуемыми в экстремальной ситуации, когда, и без того от многого зависимый, человек особенно уязвим и слаб. Неоднократно все это себе проговорив, я, однако, не сразу перестала надеяться на то, что Кира вернет-таки Ренатины деньги, передаст, пришлет.

После этой истории вдруг поняла, что более уже не боюсь остаться одна. И тогда, без излишних драм и слов, с ходу завершила нечаянно возникший неказистый роман. В связи с чем одарила подружек новым изречением: «Теперь я точно умею вовремя расстаться – осталось только научиться сохранить того, кого захотелось бы сохранить». И, выдержав паузу, добавила: «Если, конечно, такое еще случится».

До чего в самом деле нужно было довести женщину, столь любившую мужчин, чтобы ей не страшно стало – без них остаться!

Тем не менее на сегодня я еще более укрепилась в убеждении, что страна будет сильной и преуспевающей только тогда, когда сильными и преуспевающими станут большинство населяющих ее мужчин. Ни в коей мере не оспариваю заслуг женщин, которые в выпавшую на их долю очередную переломную эпоху спасали свои дома и семьи. Но все же считаю, что столпом общества, оберегающим его, в том числе, от пожаров, должен стать мужчина. Когда-нибудь так оно и будет: среди нынешнего молодняка уже просматриваются перспективные экземпляры. А в дальнейшем, при достижении нового уровня общественного развития этот вопрос, вероятно, утратит свою остроту.

Но драма нашего поколения, попавшего в мясорубку перемен, как раз и заключалась в том, что мы теряли и теряли, по самым разным причинам, одного за другим, наших мальчиков.

Самолюбивый и амбициозный Слава Мотошин, никак не годившийся на роль пропавшего пьянчужки, однако, стал им вследствие запутанной истории с неким долгом, от которого напрасно попытался скрыться на не бескрайнем, как оказалось, Крайнем Севере. А Валька Атаманчук угодил в тюрьму. Рассказывал, что его кинули партнеры по бизнесу. Но Валька, хоть и остался без зубов, полысел и обрюзг, все же был жив. А Женечка Мунтяну, тихий мальчик с большими мечтательными глазами, подорвался в собственном гараже, превращенном в оружейный арсенал. Он рассчитывал поправить домашние дела продажей оружия. Однокурсник Гера Крохмаль, соблазненный редакцией гей-журнала, повесился. А Игоря Ташевского, успешно начавшего карьеру в московском издательстве, убили неизвестные в пригородной электричке. Юра Стоянов, долгое время развлекавший подружек рассказами о том, что воевал в Афгане, а теперь работает в секретной спецгруппе, по слухам, совсем спятил на этой почве, и по весне родственники заранее определяют его в Костюженскую психушку. Эдик Зарубин, с параллельного потока, одним из первых выехал «за бугор» и сгинул. А Тудор Досу, некогда уверявший меня, что обязательно станет, если не президентом республики, то хотя бы министром иностранных дел, пару лет назад пополнил список невозвращенцев из числа молдавских дипломатов, запросив в Австрии политическое убежище. Когда его видели в последний раз, он, кажется, продавал книги в венском магазинчике...

И это при том, что мы, дети родителей, рожденных в 40-е, оказались первым, более-менее благополучным советским поколением. Склонность к героической романтике – от комиссаров в пыльных шлемах – сочеталась в нас с веселым позднесоветским пофигизмом. Мы не стали, конечно, трубадурами, но не ощущали себя и жертвами системы, ненавидевшими заодно и государство, в котором эта система укоренилась... Какие-то из заданных правил игры принимали, какие-то игнорировали, а какие-то готовы были изменить. И если б нам дали немного окрепнуть, то постарались бы далее обустроить свою страну получше – не разрушая ее до основания.

Это я к тому, что теоретически возможность эволюционного сценария сохранялась, когда Союз вместе с населявшими его народами – о колено, хрясь!

В новых экстремальных обстоятельствах инстинкт самосохранения у недавних везунчиков и баловней судьбы оказался пониженным. Отсюда и длинный перечень потерь. И почти никто из выживших в последующей череде катаклизмов – из созвездия много обещавших наших мальчиков – свой звездный потенциал в полной мере не реализовал. Правда, ни один из них не стал и бандитом (или киллером, к примеру) – во времена, когда с самого верха фактически дали отмашку, мол, можно все.

Но, знаете, было бы неправильно назвать наше поколение «потерянным». Потому что невозможно обозначить прочерком столь насыщенную разномасштабными событиями жизнь – восхитительно туго набитую ими, как мешочек с золотыми монетами в романе о мушкетерах. И пусть не все монеты, в конечном

счете, оказались золотыми! И пусть не все, но многие из тех, кто уцелел, и в усложненных обстоятельствах исполнили работу своей жизни с весельем и отвагой пофигистов, так и не выбросивших пыльные комиссарские шлемы. Чудом уцелевшие эти артефакты достанутся потом бережно возвращенным нашим детям. И для них, надеюсь, родительские воспоминания о бездарно порушенной державе не станут непосильным бременем, но послужат стимулом – к сбережению того, что им когда-нибудь будет поручено.

В Молдавии, помню, референдум о сохранении Союза провести не разрешили. Но желающие смогли проголосовать на участках, открытых в армейских подразделениях. И когда мы с Сосновской продирались к входу расположенной в центре Кишинева военчасти сквозь толпу орущих теток, препятствовавших, стало быть, свободному нашему волеизъявлению, одна из них-таки цапнула меня, норовя ухватить за волосы.

И сегодня я иногда думаю, а не вчинить ли иски в отношении тех, кто тогда был у союзного руля или сытых их наследников – за то, что проигнорировали и не отстояли отданный «за» СССР мой голос? И за все, что за этим последовало. За надпись «Русские свиньи!» у выхода из Глашкиной школы. За уничтожение русскоязычной нашей газеты. За увольнение матушки, пережившей затем и войну. И за бесчисленные границы с таможенями, через которые с боем пришлось провозить не-сколько коньячных бутылок на похороны отца... И еще за купальщицу, с которой мы заплыли дале-ко в море в Крыму, где Киев тоже попытался насадить «ридную мову». «Хотя какая ж она для нас «ридна»?! Мы с мужем купили спутниковую антенну и смотрим теперь только российские каналы», – выдохнула, отфыркиваясь от плеснувшей волны, купальщица и повернула к берегу... А также за пианиста из антверпенского ресторанчика, сопровождавшего бывшей солистке московского музтеатра Станиславского. Они замечательно работали, и мы с Сударушкиным громко хлопали после каждого их номера. А под занавес Сергей заказал «Гори-гори, моя звезда». Музыканта я потом встретила в городе: он бежал сюда из Цхинвали, оставив там большой дом с раритетным роялем, за которым охотился несколько лет. «И рояль сгорел, и дом! Все сгорело!», – это прозвучало у него, как «Все кончено!»...

Ну а теперь наконец спросите, как в этикие времена выживали мы, девчонки? Да, как? А нам просто некуда было деваться!

... В каком-то смысле эта книжка оказалась для меня подобна воздушному шару, благодаря которому я смогла приподняться над собственной жизнью, над собой и своими близкими. От этой новой высоты вдруг перехватило дыхание. И так всех нас стало жаль! Как Сударушкину – землю.

Нет названия

Возвышенные эти мысли раз за разом прокручивались в склоненной над унитазом моей голове. Меня тошнило, и было ясно, почему: и зачем только тогда на барже я упомянула о детишках!

Но я не могла позволить себе родить! Моих заработков едва хватало на жизнь и Глашкину учёбу. И обратиться за помощью к Сергею было невозможно – ответственный семейный человек с двумя детьми – допустимо ли навязываться с «нечаянным» третьим! Пару недель еще надеялась на чудо. А если примерещилось все и на самом деле у тошнيلовки какие-то иные причины? Или вдруг возьмет да и придет неожиданно известие о наследстве! Так моим родителям в былые времена прислали извещение из Англии о том, что кто-то из родственников оставил в наследство настоящий пароход. Но их радость быстро охладили в соответствующем ведомстве, разъяснив, что советские люди не нуждаются в закордонных кораблях. И мама с папой благоразумно не стали спорить. А что был за пароход и куда он потом подевался – сегодня уже не узнать!

Дни уходили. Я все больше дергалась и, срываясь, кричала на Глашку. А потом запиралась в своей комнате и тихонько ревела. И Аглая, каким-то образом углядев это, решила, что раз я никому ничего не говорю, а плачу, то, наверное, заболела СПИДом. И Галке позвонила, чтобы поделиться опасениями. Ну а та, естественно, все пересказала мне. Я даже рассмеялась, ну и Глафира – что напридумывала! Уверила приятельницу в напрасности подобных тревог и, положив трубку, опять побежала к унитазу. Да, в конечном счете история приняла еще более скверный оборот: сначала мы спасали друг друга, а теперь я вынуждена буду убить нашего ребенка.

Когда выходишь из наркоза, тебя как будто прокручивают по яркому мультяшному лабиринту. По обеим сторонам быстро-быстро мелькают какие-то сверкающие кристаллические секции, которые фиксируешь, но разглядеть не успеваешь. Но за очередным поворотом «мультик» вдруг обрывается. Ты открываешь глаза и видишь перед собой растрепанное существо с затуманенным взором. Такое, знаете, белесенькое худенькое существо, которое, однако, когда причешется-раскрасится да обтянет попку

джинсиками, окажется вполне востребованным.

Существо, вероятно, караулило, когда я открою глаза. И тут же забормотало сбивчиво, что оно бы и не делало аборт, если б изначально не наглоталось сильнодействующих лекарств от гриппа. А что до парня, у которого оно живет, то тот, наверное, и не выгнал бы их с ребенком, нет, точно, не выгнал бы. Он заботливый – сюда на машине доставил и потом обещал забрать. «Он мою куртку и другие вещи с собой взял, чтобы тут не валялись», – гордо сказала существо и вдруг заплакало.

– А правда, что после аборта может вообще не быть детей? – вновь окликнуло оно испуганным голоском.

– Правда, – ответила я. – А мама твоя что говорила?

– Да что мама! – существо горестно махнуло ладошкой, похожей на крылышко бабочки. И опять заплакало.

Мне не хотелось с ним возиться – с собственной бы бедой справиться! После абортот пациенток обычно развозят на несколько часов по палатам. И ты не знаешь, кто окажется на соседней койке. А тут – существо! Пришлось подняться, чтобы, поглаживая трясущиеся плечики, озвучить приличествующие случаю утешительные слова.

Но потом подумала, что поступаю неправильно. И сердито сказала: «Ты должна знать, что после прерванной первой беременности и в самом деле может наступить бесплодие. И вообще, аборты чрезвычайно вредны для здоровья. Уж не говоря о том, что при этом ты фактически убиваешь зачатого ребенка». «У-би-ва-ешь! – повторила по слогам. – И потому, во-первых, необходимо предохраняться. Сейчас это гораздо проще делать. Не то, что в советские времена, когда презервативы смахивали на галоши, а в «спирали» можно было вкручивать лампочки. И вдобавок, пардон, они царапали партнера». (Здесь существо даже хихикнуло.) И я продолжила еще строже: «А во-вторых, если уж залетела. надо постараться все предпринять, чтобы ребеночка сохранить, родить и вырастить. А ты ведь даже и не пыталась своего парня уговорить?» Существо кивнуло и вновь приготовилось зарыдать. «Ну ладно, теперь тебе нужно это обдумать и пообещать, что никогда больше такого не допустишь», – завершила я наставление и вернулась в кровать.

Сама себе я все это уже много раз проговорила. Ведь и я не попыталась даже обратиться к Сергею, возможно, проявив не здравый смысл, а гордыню. Ну и унилась бы разок, подумаешь, ради такого дела! По крайней мере, знала бы – сделала все, что могла. И когда вновь нечаянно подумала о потерянном ребенке и о том, как мечтала родить Аглае брата Глеба, даже зубами заскрипела. Наверное, громко. Существо подергало лапкой за мое плечо: «Эй, ты чего? С тобой все в порядке?» «Что ж тут может быть в порядке – в подобной ситуации?!» – просипела я не оборачиваясь.

Существо выписали первым. А потом и я, подхватив вещички, заторопилась домой, чтобы успеть вернуться до прихода Глашки из университета.

– Мань, Машка! Ты почему молчишь?

– Чего надо?

– А не позволить ли нам себе еще по глотку – просто так, ни за что?

– Ну давай, позволим, – я задумалась: глотнуть ли мне еще или подождать – восстановления четкости изображения окружающего мира.

– Да, Манон, ты ведь и не закусила до сих пор! Нарезь-ка себе сыра, – распорядился Василий.

Я отрезала несколько желтых ломтиков, помяла в пальцах один и заглянула сквозь сырную дырку в окно, фокусируя взгляд. Ну да, в дальнейшем, возможно, мне только такой обзор и будет доступен! Спокойно, Берсенева, спокойно! Спокуха, старуха!

– Чем ты сейчас занята, дорогая?

– Рассматриваю окрестности в дырку от сыра.

– Берсенева, прекрати косить под пациенток из моей психушки! Сыр не театральный бинокль. Съешь его. Немедленно съешь! И еще ломтик.

Я зажевала.

– Умница! А теперь достань шоколад. Распаковала его? Ага, честно хрустишь фольгой, – бодро прокомментировал Васька и провел ладонью над макушкой, как будто пробуя свежую стрижку. Он всегда так делал, когда волновался. Почему он сегодня позвонил? Случилось что-то? Неприятности с сыном?

– Ты постригся, что ли, Василий?

– Да, вчера, – отмахнулся он. – Так, пару шоколадных долек съешь сама, а одну брось в бокал – на счастье.

И улыбнулся.

Набив рот темно-коричневыми брусочками, один я таки опустила в шампанское. И его радостно облепили пузырьки.

Ночь под пальмой

Тогда и решила: если повезет и в Уфе мне успешно сделают операцию, непременно еще рожу. А чтобы осуществление этого плана с обозначившимися приметам будущего не зависело от наличия-отсутствия мужа, мне, помимо прочего, предстояло научиться не только хорошо работать (это-то я и так делала!), но и сообразно зарабатывать. Правда, заработки в нашем ремесле не всегда определяются количеством и качеством труда, но также, например, и умением надуть щеки. В чем я никогда не была сильна.

(– Надоела эта безнадега! Брошу журналистику! – заявила как-то в сердцах Кириллову компаньону. – Возьмете меня к себе в фирму? Буду наконец деньги зарабатывать.

– Для этого в тебе не достаточно ярости, – флегматично ответил тот.

– Чего-чего? – опешила я. – Но до сих пор с пылом-жаром вроде бы даже перебор случался?

– Речь не о политических диспутах! Ты же никогда всерьез, насмерть, не билась за то, чтобы заполучить побольше денег, к примеру, от Кирилла.

– Ну и что? При чем тут работа?

– Если человек не пытается урвать у жизни больше денег для себя, как, ну хотя бы, как Аурика, он не будет столь же усердно отвоевывать их и для других, в том числе для компании, на которую работает.

И я подумала, что компаньон, пожалуй, знал о проделках Аурики, потягивавшей зеленые купюры из его штанов.)

Пока же деньги на лечение пообещал дать Сударушкин. Однако поездка к Рифгатову все откладывалась. Сначала он несколько месяцев провел в Бразилии, где – одну за другой – делал операции, демонстрируя преимущества своего нового метода. А потом надолго застрял в Италии, откуда далее наметил двинуться в Швецию. Его зам Семен Исидорович Метельский в конце концов предложил мне переслать по факсу результаты медисследований с тем, чтобы их можно было сразу показать появившемуся главврачу и решить вопрос о последующем моем лечении.

И когда в очередном приступе самоедства я опять начала изводить себя упреками, усомнившись заодно в реалистичности зародившихся новых надежд, то вообще запретила себе обо всем этом думать. И как только какая мыслишка воровато подбиралась к запретному предмету, одергивала ее – стоп! «Спокуха, старуха!» – привычно увещевала себя. Так урезонивал меня один приятель, с которым я вечно попадала в какие-то переделки, угодив для начала в милицию. Как он признал впоследствии, наш роман стал для него едва ли не главным достижением советского периода. И поскольку жизнь тот вел насыщенную, подобное признание можно было бы счесть вполне лестным, если б не сохранялись сомнения в его достоверности – приятель был известный ловелас!

– Вась, у тебя не возникает иногда чувство вины перед сыном?

– В связи с чем?

– Например, из-за того, что вы с его матерью расстались (неважно даже, по какой причине!) и потом у тебя было несколько жен, уж не говоря о любовницах.

– Нет, когда он еще только начал примеряться к мысли о возможности подобных претензий, я сразу себе сказал – главное, никакого чувства вины. К тому же перед сыном, конкретно, я ни в чем или почти ни в чем не виноват. И если где-то чего-то недодал, недоглядел, пусть осознание этого факта уберезит его от ошибок в общении с собственными детьми, – серьезно ответил Василий. Он, кстати, и бывшей своей жене помог выехать в Штаты – вместе с сыном, которого никогда не переставал опекать.

– Ну, что, теперь за детей? – предложил Василиса. – Кстати, как там твоя Аглая? Сосновская вроде говорила, что у нее возникали какие-то проблемы с одноклассницами? Это в прошлом?

– Это-то давно в прошлом! Васечка, а ты что, видел Ленку?! Где и когда? И почему сразу об этом не сказал?!

– У тебя шампанское еще осталось?

– Да, полбутылки. Но ты мне зубы не заговаривай. Где видел Сосновскую? И как она?

– Нет, давай по порядку. Сначала выпьем за детей. Чтобы они были лучше и удачливее нас! Ты уже налила себе?

Сергей нашел меня через газету. «Пробил» в Интернете и позвонил в «Российское обозрение», сообщив, что хотел бы поделиться со мной соображениями по поводу аграрной реформы – я как раз опубликовала соответствующий текст. Из редакции перезвонили и сказали, мол, тебя домогается какой-то фермер, хочет своими мыслями поделиться – можно ли ему дать твой номер телефона? Я разрешила, конечно.

Сергей попал на Глашку. Объяснил, что летом я снимала у них жилье, после чего даже сельскохозяйственный текст написала, который ему очень понравился, а поскольку он сейчас в городе, то хотел бы завезти вино – по какому адресу? И когда я пришла домой, Глафира уже поела виноград.

– Зачем ты приехал? – спросила я.

– Я понял, что тебе меня не хватает. Вот и в газете об этом написала.

– Не было такого, не придумывай!

– Ну как же! В тексте об аграрной реформе, например, сообщалось, что некоторые молдавские фермеры заработали стартовый капитал в качестве гастарбайтеров в странах Восточной Европы, где, помимо прочего, также постарались ознакомиться с опытом ведения современного агрохозяйства. «Но таких продвинутых крестьян здесь пока немного», – написала ты. И я подумал, что тебе без меня грустно стало. И вина захватил.

– Но я не звала тебя! Ты однажды уже полез зачем-то меня спасать, так что я едва не утонула!

– Это ты меня чуть не утопила!

– Нет, я в итоге тебя спасла.

– И разве плохо та спасательная операция закончилась?

– Плохо.

– Почему – плохо? Отлично она завершилась! До сих пор вспоминаю с удовольствием.

– Кто кого, где и когда спас, мне, конечно, не рассказали. Но вы, главное, сейчас без экстрима обойдитесь, – съехидничала Глашка и удалилась в свою комнату.

– Так почему плохо? – переспросил он.

– Потому что потом пришлось делать аборт. Я очень не хотела этого! И так жалко было ребенка! Но и оставить его не могла. В нашей семье я одна зарабатываю и пока недостаточно.

– А мне почему не позвонила?

– Ты женат, у тебя двое маленьких детей. Нет, если бы в подобной ситуации я приняла иное решение, то рассчитывала б только на себя.

– Если б ты родила, я бы вам помогал. И домой к себе ребенка брал бы погостить. Кристина простила б!

– Нет, она подсыпала бы ему в еду немножко яда, – возразила я, вспомнив суровое лицо Сергеевой жены.

Он прижал меня к себе.

– Ну прости! Я ничего не знал. Но ты все равно прости.

– А зачем ты приехал?

– Просто захотел тебя увидеть. Помнишь, мы за ужином все о политике спорили – тебе это надоедало, конечно. Но, когда ты уехала, вдруг оказалось, что по вечерам нам не о чем друг с другом разговаривать. Я как-то прежде этого не замечал.

– Мне и отсюда придется уехать, наверное. Очень сложно стало работать. Ищу новое место в Москве.

– Значит, повезло, что успел тебя застать! Давай налью вина, – улыбнулся Сережа улыбкой своего сына.

Тут на сцене вновь появилась Аглая. Известила, что собралась с подружкой в кино. И Сергей в ответ протянул ей деньги – на билеты и пирожные – по случаю знакомства.

– То есть вы рассчитываете еще приехать? – уточнила дочка.

– Ну если твоя мама не будет против. Как думаешь, не прогонит?

– Это трудно предсказать. По-всякому бывает. Недавно, например, она от такого выгодного замужества отказалась! – вздохнула Глафира.

Насчет «недавно» Глашка слукавила, естественно. Эрик посватался после первой моей поездки к Сударушкину в Антверпен. Я летела туда через Амстердам из Москвы, где в феврале еще стояли морозы. И когда в меховом полушубке и шапке да в теплых зимних сапогах вышла из здания антверпенского аэропорта, то почувствовала себя чукча-чукчей в окружении европейцев, одетых в легкие пальто, пиджаки и туфли. Спасибо, Сударушкин купил мне подходящую куртку с башмаками. Мы жили в отеле. И по вечерам много гуляли – он уже тогда присматривал себе дом. Иногда даже заходили по каким-то

адресам. В одной квартире седая дама со старомодным кружевным воротничком грустно провела нас по комнатам с комодами и креслами в полосатых накидках – ей куда-то надо было переехать, и она явно не хотела расставаться со своим жилищем. Сударушкин был подчеркнуто предупредителен с хозяйкой. И я погладила его украдкой по шершавой руке. А потом мы зашли в какой-то ресторанчик, в котором рядом с нами что-то отмечала веселая и шумная компания из мужчин и женщин лет, эдак, под 50 – они пели и танцевали. Мне принесли омлет с грибами на огромном блюде и пиво.

А когда я вернулась в Кишинев, и прежде периодически проявлявшийся Эрик взялся за меня основательно. По тому, сколь настойчиво он предлагал встретиться вечером 7 марта, поняла – затевается нечто серьезное. Но если Середа походил на моего первого мужа Пашку, то жизнь с Эриком, очевидно, смахивала бы на период мирного, а под конец уже и не совсем мирного сосуществования с Дэмом. Конечно, это не правильно всех последующих кандидатов оценивать, сопоставляя с двумя бывшими мужьями. По крайней мере, объективности ради давно следовало расширить сравнительную базу. Хотя если сравнение напрашивалось само собой, разумно ли было его игнорировать?

Накануне по ТВ показали лирическую комедию, в которой герой спросил у героини, почему она, такая красивая и умная, до сих пор одна. И та ответила, что когда-то еще зеленой девчонкой сгоряча влюбилась в женатого мужчину. «И вы по-прежнему продолжаете его любить?» – мудро заметил герой. Так вот, когда после романтического ужина в ресторане при свечах (во время трапезы, желая произвести наилучшее впечатление, Эрик честно пытался обсудить со мной последние политические новости, в действительности несколько его не занимавшие), мы сели в машину и он задал свой заготовленный главный вопрос, я тоже ответила готовой фразой про то, что когда-то еще зеленой девчонкой сгоряча влюбилась. «И ты по-прежнему продолжаешь его любить?» – послушно исполнил свою реплику Эрик. Он тоже смотрел этот фильм, поняла я. И расхохоталась. И не могла остановиться до самого своего дома.

Пробормотав что-то на прощанье и подождав, когда я подойду к подъезду, Эрик рванул на своем авто прочь. До этого в нашем подъезде несколько месяцев был сломан домофон. И громоздкий ключ от него я давно положила в ящик стола. Но накануне праздника, оказывается, пропускной механизм сподобились починить. Аглая осталась у свекрови, а будить соседей в три часа ночи просьбами открыть входную дверь не хотелось. Во дворе было неуютно темно. С букетиком в руках я, в задумчивости, вышла на центральную улицу. И почти сразу рядом мягко начал притормаживать темный «джип». Вот тут я испугалась – больше на улице никого не было. На полусогнутых аккуратненько обогнула сзади автомобиль и припустила через дорогу к той самой гостинице, в которой некогда останавливался Сударушкин.

Сбивчиво объяснила ситуацию дежурившему у входа охраннику и попросила разрешить подождать в холле до утра. Тот взглянул на меня с сомнением. На всякий случай показала еще свое журналистское удостоверение. Охранник кивнул. Я быстро прошла в полутемный холл и устроилась в кресле у кадки с пальмой. В мягком кресле, конечно, было удобнее, чем на перевернутом ящике в бельесушке, пусть и обогревавшейся лучами восходящего солнца. Разбудила меня уборщица, тыкавшая в ноги щеткой пылесоса. Часы показывали начало седьмого. И первые собачники, наверное, уже появились во дворе. Благодаря хозяину заспанной таксы я и впрямь смогла попасть наконец в собственный подъезд. Ложиться спать казалось бесполезным – вскоре должен был позвонить папа, предпочитавший отметиться с поздравлениями с раннего утра.

Но первой дозвонилась Галка, которую я предупредила накануне, что мы можем заехать к ней вечером с Эриком.

– Привет! И куда ты пропала? Я звонила тебе допоздна – без толку!
 – Представляешь, я провела эту ночь в гостинице.
 – Ну вы, ребята, даете! Что, до дома доехать было невтерпеж?
 – Нет, ты не поняла. Я просидела ночь в холле гостиницы. Одна.
 – Он что, не сделал тебе предложение?
 – Сделал, конечно. И тем не менее мне пришлось провести эту ночь в гостиничном холле у кадки с пальмой!

Вечером, когда мы с приятельницами собрались на втором этаже шумного молодежного ресторанчика, эта история пользовалась большим успехом.

– Дорогая, а почему бы тебе и в самом деле не выйти еще раз замуж? – поинтересовалась Галка, заставшаяся на раут в новом брючном костюме в полоску и авантажной шляпе.

Отличиться постарались все. Вероника, например, приладив к своей коротко стриженной головке шиньон, соорудила причудливо смотревшуюся башенку. Она покачивалась, когда хозяйка смеялась, а

потом и накренилась слегка, подобно Пизанскому аналогу. А Саша поверх лилового трикотажного платья натянула длинную майку с сиреневыми цветочками. Проще всех, пожалуй, сегодня выглядела я.

– Понимаешь, Галина, я решила, что выйду замуж только за того человека, который окажется близок духовно и приятен физически и не сможет без меня жить. В этом случае он сумел бы, наверное, самостоятельно оценить мои достоинства, попутно простив недостатки. И тогда мне не пришлось бы его зомбировать традиционными бабскими заклинаниями о том, какие изумительные я умею составлять букеты и как вкусно могу приготовить мясо, и сколь необыкновенно ему вообще со мной повезло. Ты же знаешь, мужчинам, как и детям, приходится многократно повторять те истины, в которые им предстоит уверовать. А так хотелось бы общаться на равных и не играть в поддавки!

– Ты сама-то веришь в то, что сейчас говоришь? – усмехнулась Галка. – Быть может, и самой следовало бы проявить более компромиссный подход к партнеру? Ну, еще год-два мужики вокруг тебя будут хороводиться, а потом как бы не осталась одна.

– По такому случаю, дамы, предлагаю выпить за мудрость компромисса! – объявила Саша, уже надвинувшая на лоб Галкину шляпу.

Мы зашаркали по столику стаканами. И тут Вероника вдруг мелко-мелко затрясла своей покосившейся башенкой, припав с рыданиями к Сашиному плечу. Из сбивчивых объяснений, перемежаемых восклицаниями, вроде «Я так и знала!» и «Я предупреждала!», выяснилось, что благополучная ее семейная жизнь с доселе беспроблемным мужем Жорой вдруг порушилась. Для поддержания физической формы Жора решил заняться йогой, чему вместе со мной исправно крутившая педали в тренажерном зале подружка и не препятствовала. Успешно освоив базовые физупражнения, основательный Георгий решил постигнуть также теоретическую основу заинтересовавшего его учения.

И теперь он мог часами сидеть у аквариума, наблюдая за меланхолическими перемещениями единственной уцелевшей рыбки. Или, скрестив руки на груди, ложился на диван и уходил в астрал. А однажды Вероника обнаружила его задеревеневшее тело между двух табуреток на кухне. И потом ей влетело от супруга за напрасно поднятую панику: он всего лишь продолжал совершенствоваться в своих умениях – и незачем было вызывать «скорую»!

Также возмущенному «ложным вызовом» врачу пришлось сунуть в карман успокоительную купюру. Хотя с деньгами в доме тоже стало плохо. «С одним компаньоном он расстался, а другой, по-моему, его обворовывает. А Жоржик с малахольной улыбкой продолжает твердить, что ему самому, в общем, ничего и не нужно. И когда я прошу денег на оплату учебы сына, отвечает, что таких средств у него нет. И нам давно следует научиться довольствоваться малым», – все громче голосила Верунчик, прежде неизменно нахваливавшая своего «Жоржика». «А видели бы вы, что он теперь ест! – с отвращением продолжала она. – Все какие-то проросшие злаки с топинамбуром да засушенные фрукты!» «Еще он попытался уговорить меня спать на полу, но я встала насмерть. И теперь Жоржик стелит себе постель на ковре у моей кровати, как собака какая! А-а-а!», – мотала головой Вероника, окончательно разрушив башенное устройство.

Галка похлопала ее по спине и поднесла к губам стакан. И Верунчик отхлебнула немного, стуча зубами о стекло. «Плохо дело!», – заключила Саша, вернув Галке шляпу. «И чем тут можно помочь?», – спросила она Галку. Та покачала головой.

И я вспомнила о северной девушке Арине, которая, когда ее муж и мой брат Дюша, вдруг, со свойственным ему также максимализмом, с головой погрузился в йогу, взяла детей за руки и пошла за супругом в секцию. Она никогда не была спортивной, а тут, сжав остренькие беличьи зубки, стала осваивать новую для себя сферу со старавшимися рядом детишками. Причем ведь какая хитрюга: сумела повернуть дело так, что все беспокоившие ее «йогизмы», вроде ухода в астрал перед ужином и последующих ссылок на то, что «человеку на самом деле немного надо», вдруг с очевидной беспощадностью стали отрицательно сказываться на жизни семьи. «Дети в последнее время стали хуже есть и выглядят какими-то заторможенными!», – встревожился ответственный отец Дюша. Он первым очнулся от наваждения и, будучи человеком с активной жизненной позицией, энергично взялся за возвращение домочадцев в лоно традиционных ценностей. Причем за Арину ему еще пришлось побороться. И когда Андрей-таки победил, неизвестно, кто в действительности больше торжествовал – победитель или побежденная.

После этой истории мы с матушкой чрезвычайно зауважали невестку, к которой до сих пор относились несколько снисходительно. «Быть может, тебе поможет этот опыт. Понимаешь, «фишка» заключается в том, чтобы, внешне поддержав новое увлечение мужа, подспудно суметь обозначить в нем все нежелательные стороны. И если честно, не понимаю, как Арина этого добилась, ведь Дюша гораздо умнее ее», – уточнила я. «Поучилась бы, что ли, у собственной невестки!», – бросила мне Галка и по-

вернулась к Веронике. «Думаю, тут секрет – в иронии. У Арины с иронией все оказалось в порядке. А у тебя, Верунчик, с иронией как?». «А куда ей деваться! Если нужна ирония – продемонстрирует. А в плане физподготовки Веронике даже проще будет, она в отличной спортивной форме!», – резюмировала Саша, прикрыв переходящей шляпой Верунчиковы башенные руины. И предложила выпить за мудрость иронии, способной спасти мир от массового исхода в астрал.

(Дюша, позвонив однажды поздним вечером, простуженный, вдруг пролаял срывающимся голо-сом, что позавчера перехватил выгодный заказ у бывшего партнера Ильи Окаемова, с которым вместе некогда начинал бизнес. «И ничего с собой поделаться не мог – целый день потом радовался, что оказался ловчее и умнее его!», – засокрушался несокрушимый Дюша.

– Но ты сам говорил, что сегодня успех предпринимателя во многом определяется скоростью реакции, – напомнила я.

– Ну да, говорил, вроде бы, – просипел он и, раскашлявшись, передал трубку Арине, звонко зачирикавшей о детишках.

– Послушай, Ариш, ты бы проследила за тем, чтобы Андрюша в мороз надевал шапку и застегивал куртку, – вставила я наконец. И вспомнила, как с ужасом смотрела на братца, встретившего меня в пиджачке, когда я в шубе вмиг оконечела на перроне, едва сойдя с утреннего московского поезда.

– Выпьем кофе? – бодро предложил благоухавший свежей мятной карамелью Дюшес.

– Сначала водку, – отстучала зубами я.

Он чуть поморщился, но все же порулил в один из ресторанчиков, неподалеку от его офиса на улице Гороховой, выходящей к Витебскому вокзалу, с которого отправляются поезда на Кишинев. «Горячие бутерброды и водку для гостей!» – громко скомандовал официанту, также подошедший уже, несмотря на ранний час, хозяин заведения Пржезвольский.

На выходе Андрей зачем-то разъяснил, заговорщески улыбнувшейся гардеробщице: «Это моя сестра». «Конечно, сестра. И, главное, очень на вас похожа», – поддакнула та.

На самом деле, о том, что в бизнесе многое зависит от быстроты реакции, мне поведал Окае-мов, когда мы поджидали к ужину в «Дворянском гнезде» запаздывавших Дюшу с Аришей.

– И, конечно, нашлись достойные люди на Руси – молниеносно среагировали и оставили народ без всего его народного достояния, – не замешкалась с ответом и я.

– Знаете, чем русские отличаются от американцев? – ангельским голосом прожурчала окае-мовская спутница Ангелина. – Американец, увидев красивый дом, восхищается и прикидывает, как ему заработать на такой же, а русский думает – как бы этот дом поджечь.

И воздела нравоучительно вверх тоненький пальчик с воссиявшим на нем сказочной красоты бриллиантом. Закутанная в дымчатые тряпочки, худенькая, с оттопыренными прозрачными ушка-ми, Ангелина напоминала примелькавшуюся уже, тоже лопухонькую, датскую манекенщицу, того и гляди, готовую взмыть с подиума – летучею мышкою, скорее, не ангелом. Впрочем, внешне она вполне подходила сейчас Окае-мову, который вернулся с северного промысла бородатым стройотрядовцем, а затем рядился подгулявшим купчиком, пока наконец не побрился и не переоблачился в невского денди с насмешливыми красивыми глазами балованного мальчишки.

– За всех русских не когда не беспокоило чужое имущество! – отчеканила я.

Ангелина передернула плечиком, чтобы затем оправить, замедленным жестом, дымчато-шелковую ляпочку – под внимательным окае-мовским взглядом. «Учись, Берсенева!» – наказала я себе. И продолжила: «Другое дело, что большинство нынешних особняков достались их хозяевам не в результате праведных трудов, а потому лишь, что они оказались в нужное время в нужном месте и повели себя надлежащим образом».

– Надеюсь, премилая Мила, ты не ждешь в ответ моего покаяния? Да, некогда я очутился в нужном месте в нужное время. Но вместо меня там мог оказаться кто-нибудь другой, который в момент промотал бы весь бизнес. А я его сберег и приумножил, и сотни рабочих мест, между прочим, сохранил. И с какой стати теперь должен за это оправдываться? – протянул Окае-мов, лениво сминая в шарик хлебный мякиш. Забросил шарик в рот. И, отчего-то вдруг раздражившись, добавил: «И откуда вообще у вас, журналистов, эта привычка непременно кого-то обличать? Ты, Милица, еще бы о едином подоходном налоге сейчас вспомнила!

– И действительно, не смешно ли, любезнейший Илья, что для нас с тобой даже одинаковый налог установили! Опасаются, что ты, при своих-то доходах, его не выплатишь, когда у меня, разумеется, все положенное вычтут – куда денуть! – я призвала себя быть ироничной и засмеялась. И тоже скатала

хлебный шарик. – Вот порассуждаешь этак на тему исторической справедливости и начинаешь лучше понимать людей, когда-то затеявших в этом городе революцию!

– У вас, господин Берсенева, сестра, оказывается, революционерка! – наябедничала подошедшему брату Ангелина.

– Напротив, опыта революций и войн одного только прошлого века с избытком должно было хватить, чтобы стать убежденным сторонником эволюционного пути развития. Подобно художнику Барханову с его спиралями!

– Ликуня, ты знакома с Дмитрием Бархановым? Его выставка недавно с огромным успехом прошла в Петербурге, – тоном светской дамы Арина увела беседу в более безопасное русло.

И здесь забавно было бы ответить, что, да, мол, я сплю периодически с одним из бархановских приятелей, с Сударушкиным, то есть у которого, кстати, тоже намечалась выставка в Питере. Но я не привыкла публично обозначать своих любовников, за исключением слывших таковыми «официально». Вроде Киры, к примеру.

– Да, я знакома немного с Бархановым! И даже посвятила ему нашу дверь, – творчески распорядилась я наследием Сосновской, заведомо зная, что теперь мне придется рассказать и о золотой рыбке с колокольцем, и Друмовском «выключателе», и парочке влюбленных ремонтников в придачу.

Когда мы засобирались по домам, Ангелина нарочно, по-моему, уронила на пол поданную швейцаром шубку, за что с достоинством и твердостью отчитала его.

– Не вывалить ли и мне свое пальтецо? – пробормотала я.

Но Дюшес крепко держал мою «дутую» размахайку, пока я не попала обеими руками в рукава.)

Не тяните с подарками до вечера

– А теперь рассказывай, где видел Лену и как она?

– Я встретил ее в нашей клинике. Евгения Станиславовна, та, что из бывших диссидентов, рассказала, что здесь также лечится пациентка из Кишинева. И она пребывает в плачевном состоянии. Лена действительно поначалу хреново выглядела, я не сразу даже ее узнал.

– В психушке?! Не может быть! Ленка, конечно, всегда была увлекающимся человеком, но одновременно и очень прагматичным.

– Когда я в первый раз зашел в ее палату, она меня тоже не сразу признала. Да мы и пересекались-то, кажется, лишь пару раз у тебя дома.

(Был такой период, когда друзья назначали друг другу встречи в моем доме. Старик, например, звонил и предупреждал: «Берсенева, у тебя полчаса – мы с Петровым уже купили вино». И мне пришлось затратить немало сил и времени, чтобы эту практику поломать и отвоевать для себя возможность нормально работать. Как все собкоры, я писала свои тексты дома.)

– А потом что?

– Врач сказал, что дела у Елены, в общем, не столь и плохи, но у нее нет стимула избавиться от накопившихся фобий. Помимо прочего, ей катастрофически не хватало общения с близкими людьми, да собственно и не было рядом никого. И я стал заходить к ней иногда по вечерам после работы.

– И как она к этому отнеслась?

– Поначалу, по-моему, намеренно гнала шизу. И как-то чуть не запустила в меня стаканом. Но я к этому еще с Евгенией Станиславовной привык и на подобные выходы не реагировал, советовал успокоиться и взять себя в руки.

– И что потом?

– Заладила одно и то же: что потом да что потом?!

– Ну, прости! Дальше-то что было? С ума сойти – Ленка и в психушке!

– Позднее, когда она окрепла немного и врач в этом убедился, он разрешил ей выходить со мной на прогулки. Мы много гуляли и разговаривали, вспоминали о тебе, других кишиневских знакомых, о своих родителях. Пару раз съездили на машине за город. И даже нашли в парке горку, с которой осенью можно съезжать по листьям прямо на заднице. Там она так расхохоталась, что долго не могла остановиться. Я даже испугался немного, но она успокоилась наконец и сказала, что просто давно не смеялась. Затем заявила, что все это благодаря мне, и вдруг разрыдалась у меня на плече.

– И?

– А с того момента дело еще веселее пошло. Врач не успевал нарадоваться на успехи своей пациентки. И когда она вдруг захотела выпить пива, доктор разрешил полбокала. Мы нашли симпатичную пивнушку. И Лена сначала полбокала выпила, а потом и вторую половину. Правда, об этом просила врачу не говорить.

– Послушай, а Ленка в самом деле не в себе была?

– Как рассказывала, когда впервые на нее депрессуха накатила, она сама в клинику приехала, чтобы нервную систему подлечить и морально укрепиться. А потом как-то в это дело втянулась и уже сама не разбирается, когда придурилась, а когда и впрямь шиза находила. Может такое быть?

– А я откуда знаю! Это ж ты у нас в психбольнице трудишься!.. Но подожди, если она в вашей клинике лечилась, значит, с деньгами у нее все в порядке?

– Когда она приехала в Штаты, то устроилась работать в каком-то русском ресторане на Бродвее. И там встретила знакомого кишиневского художника. Его Михаилом вроде звали.

– Мишаню, что ли?

– Да-да. Этот ваш Мишаня здесь успел попасть в жилу со своими абстрактными картинками и был при деньгах. Правда, Ленку, как я понял, он держал в строгости. Жлоб, наверное, был изрядный! Но неожиданно заболел и сгорел за полгода от рака. Перед смертью все Лену за руку держал, просил сжимать покрепче и не отпускать. Хоть и слабый совсем был, потом на ее руках еще долго синяки оставались – так крепко он за нее держался. После этого Елена в первый раз в клинику и угодила.

– Бедная Ленка! Василий, какой ты молодец, что ей попался!

– Она смешная, конечно. Однажды пришла в каком-то новом, странного вида платье и объявила, что оно посвящено нашей встрече.

– А как она выглядит?

– Да нормально. Худющая только очень стала. Скулы торчат и глазищи голубым подышают.

– Голубым?

– Да я и не помнил, что у нее глаза такого ярко-голубого оттенка.

– Да разного цвета у нее бывали глаза! Погоди, а она тебя щеткой не чистила?

– Щеткой? Какой щеткой?

– Ну, обычной платяной щеткой, которой одежду от грязи и пыли отчищают.

– Нет, такого не было. Вот мне пришлось ее долго отряхивать, когда мы в парке с горки по листьям скатывались. У нее потом вся одежда в листьях была и еще в каком-то мусоре.

– Стоп, Василий! А ты сам не влюбился в Елену?

– Ну, не знаю. Привязался очень. И Лена говорит, что уже не может без меня обойтись.

– Тоже мне – «Ночь нежна»! А жениться не собираетесь?

– Да, планируем ближе к лету, в апреле. В мае она не хочет. Примета, говорит, плохая – кто в мае женится, потом мается. Рассказывала, что и вы с Демой как раз в мае расписались.

– А почему она мне ни разу не написала, не позвонила? И отчего так скоропостижно, никому ничего не сказав, уехала?

– Ты помнишь, как убили Дему?

– Вась, если ты еще раз об этом спросишь, я запущу в тебя пустой бутылкой.

– До меня не долетит. А тебе осколки и раззор обеспечены – но тогда, зачем? Помнишь, у Ленки знакомый налоговый Гена был?

– Да, он еще чуть что, за пистолет хватался.

– Вот именно из-за этого все и произошло.

– Что произошло?

– Понимаешь, он, дурак, у кого-то хотел деньги вытребовать, но, по глупости, на серьезного человека наехал. А тот через своих бойцов передал, что подобной наглости сопляку спускать не намерен, и потребовал ту же сумму денег, что Генка с него собирался слупить.

– И он отдал?

– Да откуда у него такие деньги! Возможно, ему и не всерьез тогда пригрозили, но Генка перепугался и стал повсюду ходить с пистолетом – боялся, что и в самом деле могут убить. Лена поэтому и хотела его к вам с Демой привести, чтобы как-то успокоить и совместно придумать, что дальше де-лать.

– Они собирались к нам зайти?

– Да, они и пришли к вам тогда, в тот вечер. Уже было поздно. И Генка долго отказывался идти. А когда позвонили в дверной звонок и Дема сердито что-то прокричал в ответ, у Генки планка съехала и

он выстрелил несколько раз в дверь. Тут они оба сразу протрезвели, испугались, разумеется, и Ленка его уволокла.

– Так это она тогда вскрикнула? Вот почему мне показалось, что голос был знакомым.

– Ну а поутру, когда осознали, что натворили, им, конечно, и себя жалко стало, и тебя, уж не говоря о Деме, но исправить ничего нельзя было! И Ленка за два дня сходу продала весь свой бизнес. Заплатила сумасшедшие деньги и каким-то образом выехала через Одессу в Штаты.

– А Гена куда подевался?

– Несколько лет назад он дал о себе знать. Осел, кажется, в Словакии и вроде женился.

– Подожди, а венки и букеты на Волькиной могиле – это чьих рук дело?

– Об этом Елена мать попросила, ей хотелось хоть как-то загладить свою вину перед Демой. Как будто венки тут помогут! Но, наверное, это больше для нее самой было нужно.

– Однажды я встретила на кладбище Ленкину маму и она так испуганно шарахнулась от меня...

– А ее мать ничего и не знала толком и почему-то вбила себе в голову, что это ты Вольдемара убила, поскольку, мол, они с Ленкой были любовниками.

– А они были любовниками?!

– Наверное, Ленкина матушка бразильских сериалов посмотрелась. Как она решила, ты застала их вместе и застрелила Дему, а потом все свалила на неизвестных убийц. А Лена, в знак скорби и памяти, значит, велела букеты на его могилу приносить.

– То есть они не были любовниками?

– Ты же знаешь – Дема Ленку не очень жаловал!

– Да, он считал, что она на меня отрицательно влияет.

– Это-то еще не известно, кто на кого и как влиял!

– Вась, а ведь ты уже защищаешь ее!

– Я просто констатирую факты. Мать Елены, например, считает, что виновата во всем ты: Дему убила, а ее дочке из-за этого пришлось из Кишинева уехать. Они с тех пор, кстати, так ни разу и не виделись.

– Ну уж за это я менее всех ответственна!

– Я просто хочу сказать, что сейчас бессмысленно уже друг друга в чем-либо обвинять. Те, кто был виноват, в общем, достаточно пострадали.

– Разумеется, пострадали! Выехали оба за границу, там благополучно устроились и продолжают страдать изо всех сил! И теперь ты позвонил мне в день рождения, чтобы рассказать, что женишься на женщине, убившей моего мужа?

– Журналистам свойственно сгущать краски.

– Напротив, они умеют называть вещи своими именами.

– Перестань, Берсенева. Когда я Лену в психушке встретил, она была в очень плохом состоянии. А позвонил я потому, что летом мы хотели бы приехать в Кишинев. Лена мечтает увидеться со своими родителями. Это она попросила тебе все рассказать – боялась, что случайно встретится с тобой в городе и вновь слетит с катушек. Ну прости ты ее! Тем более стреляла не она.

– Но она привела к нам этого идиота.

– Машка, я знаю, ты сильная. И если не простишь, то хотя бы не будешь вынашивать планы жестокой мести, продлевая до бесконечности этот кошмар.

– Василий, ты опасаясь, что я напишу новое заявление в полицию?

– Как будто у тебя есть какие-то доказательства!

– Доказательства-то можно и найти. Просто раньше никому в голову не приходила столь экзотическая версия. Впрочем, не тревожьтесь – в полицию я не пойду.

(И тут хотела было сказать, что телефон по-прежнему продолжал фонить, как при прослушке. Чтобы они, в своей заокеанской дали, все же понервничали. Но вспомнила, как сама, ко многому уже привыкшая, порой вдруг взрывалась, осознавая, что какой-нибудь майор – хотя почему непременно майор? скорее, не нюхавший лиха лейтенантик – сквозь зевоту мог процеживать частные мои беседы, составлявшие часть моей, а не его, жизни! Не в тюрьме же народов продолжаем обитать в конце концов!

Кстати, в тюрьме, в кишиневском СИЗО, в котором я отдежурила однажды смену с кудрявым и смуглым охранником, тот учил неслышно подбираться к дверям камер. Но когда я стыдливо заглядывала в «глазок», сидельцы дружно оборачивались в мою сторону. И охранник выговаривал за неловкость. А потом сам беззвучно припадал к «волчку». И радовался: «Даже не шелохнулись, голубчики!»

В тюремном коридоре пахло какой-то человеческой псиной, о чем я упомянула в репортаже. И эта фраза понравилась Сосновской, обычно строго судившей мое творчество.

Да, так вот, даже если мы и встретили это утро не тет-а-тет, а на троих, давнишняя история о том, кто и почему убил моего мужа, могла заинтересовала только меня. А чье-либо постороннее внимание она способна была привлечь лишь в случае, если б, скажем, Елена слыла удравшим в Штаты экс-премьер-министром. Но она не была беглым премьером. И я не стала усложнять сюжет.)

– Все, заканчиваем наши посиделки! Спасибо, что поздравил с днем рождения, – вежливо поблагодарила я и осторожно положила трубку.

Минут через десять он перезвонил.

– Да, Вася, не бойся, я не пристраиваю себе петлю на шею. Ты сам сказал, что я сильная. Но и разговаривать больше не могу, пока сама все это не переварю-не переживу!

– Мань, послушай, я прежде этого тебе не говорил: помнишь, когда я с первой женой развелся?..

– Что, и она хотела моего мужа прикончить?

– Так вот, тогда ты мне очень помогла – психологически. Или правильнее было бы сказать – физически?

Я промолчала.

– Милица, неужели тебя смутило мое признание? И ты покраснела? Ладно, больше не буду сегодня докучать разговорами. Позвоню, когда мы соберемся приехать.

– Только не рассчитывайте, что я буду встречать вас со цветами на перроне.

– Расслабься, Манон, мы прилетим на самолете. Береги себя, красавица! – напутствовал он и успел первым повесить трубку.

Я глянула в зеркало: и в самом деле покрасневшее лицо выглядело растерянным. Я столько лет пыталась угадать, кто убил Дэма?! А разгадка оказалась не остроумной и изящной, как в хорошем детективе, но достаточно банальной и от того еще более жуткой. Выходило, что из-за «чумного» нашего с Еленой образа жизни (по аналогии с «пиром во время чумы») в мой дом оказались вхожи типы, вроде налогового Гены, которого, кстати, сам Вольдемар, наверное, и не пустил бы за порог. И у этого самого порога его пристрелили! Забавные штуки выкидывает жизнь, то есть смерть! Бедный-бедный Дэм! Вот тут мои веки наконец быстро-быстро захлопали, и глаза наполнились влагой слез.

Но зачем собственно я сейчас пялюсь в зеркало! Я же не баритон из оперного театра! Тот, когда исполнял для нас с Еленой старинные румынские романсы, все поглядывал украдкой на свое отражение, следя за тем, чтобы излишне не демонстрировать дамам собственную лысину. А у меня – ни баритона, ни лысины. Ни мужа. Была подруга, с которой нас столько всего связывало! А теперь не осталось даже возможности для прекраснотушных воспоминаний о ней!

Стоп, Берсенева! Не впадай в истерику! Возьми правой рукой за мочку своего левого уха, а затем левой за мочку правого – да не дергай так, не дергай – я же в зеркало все вижу! А теперь закрой глаза и дотронься пальцем до кончика носа. Каким пальцем? Ну хотя бы указательным. Открой глаза. И не пытайся растянуть губы в улыбке. Какая сейчас может получиться улыбка – волчий оскал!

Так, лучше отойди от зеркала. Отойди от зеркала, повторяю! И налей себе шампанского, немного, его мало осталось – следует экономить. Осторожнее, прислони горлышко бутылки к бокалу, чтобы оно не дребезжало о стекло. Кстати, почему так трясется твоя рука? Ведь это не она держала тот проклятый пистолет и нажимала на курок! Милица, прекрати себя накручивать! И налоговый Гена, к слову, тоже не твой приятель. Да и для Ленки, если разобраться, он был случайным знакомым. Ну ладно, не случайным. Но никто из вас троих не виноват, что Дема так затянул с оформлением выездных документов. Кстати, если б он тогда успел потихонечку удрать в Германию, как бы это перенесла Глашка? Хотя это – частности, главное, остался бы жив! Ну а если б, допустим, дверь пошла открывать ты, тогда, быть может, спятивший налоговый застрелил бы тебя? С него б случилось! Дело случая. Жребий судьбы. Фатум. Нет, так нельзя! Еще скажи, что если б вышла замуж за Эрика, то непременно и тебя бы тоже прирезали вместе с ротвейлером!

Но если так – нельзя, то как можно? Не знаю! Пока могу только повторить – перестань себя накручивать. У тебя ведь даже денег нет, чтобы подлечиться в американской психушке. Ага, улыбнулась. Ты опять стоишь у зеркала? Отойди к столу, сядь на табурет. Облокотись о столешницу. За что выпьем? Как за что? Ты столько лет терзалась бесконечными страхами и подозрениями, гадая, что стояло за этим

убийством и не хотели ли в действительности застрелить тебя? А сегодня вдруг выяснилось, что убивать никого не собирались, во всяком случае, в твоей семье. И наконец загадка этого преступления перестанет довлеть над тобой. Ведь ты, по правде говоря, все последние годы прожила с ощущением занесенного над головой дамоклова меча.

Хотя на самом деле их было два. Так это выглядело: два массивных меча, скрещенных над головой бедной женщины, которая изо всех сил молотила лапками в бурных волнах. При чем тут – волны? Я же никогда их не боялась? Речь идет о жизненной буре, способной унести на дно даже самого опытного пловца. К тому же и море учит осмотрительности.

Да, когда в Сочи заштурмило и я, по недомыслию, выплыла за волнорез, то потом долго не могла вернуться. Волны с грохотом разбивались о поросшую водорослями каменную гряду – во всю свою сколько-то бальную мощь, пока, наконец, улучив момент некоторого их успокоения, я не рванула к волнорезу и едва успела проскочить над ним, ободрав живот и колени. Так и проходила потом весь отпуск с разбитыми коленками!

Вот видишь! А теперь один меч с картинки убрали! Хотя, погоди-ка пить. Разница во времени с Уфой в два или три часа – точно сейчас не припомню. Так почему бы не попробовать позвонить Метельскому? Врачи обычно спозаранку приходят на работу.

– Здравствуйте, Семен Исидорович, я не рано звоню? Нет? У вас скоро операция? Скажите, пожалуйста, Рифгатов еще не приехал? Появился на днях? Вы показали ему мою историю болезни? И что?

– Он сказал, что шанс помочь есть. Привозите вашу девочку.

– Спасибо, спасибо огромное! Ох, подождите! Какую девочку? Речь идет обо мне, и я вполне взрослая женщина!

– Кажется, я перепутал. Сейчас просмотрю записи. Ну да – Берсенева Милица – это вы? Можете приезжать.

– Но когда?

– Не раньше, чем через месяц. Все расписано уже. Вы мне через пару недель позвоните, и я извещу о согласованных сроках.

– Семен Исидорович, спасибо! С меня коньяк!

– Да мы тут сопьемся, эдак, с коньяком – все больные его тащат! Учтите, операция платная!

– Об этом говорили уже. Знаете, у меня сегодня день рождения. И вдруг такая новость – настоящий подарок!

– Поздравляю, но больше говорить не могу, – он отключился.

Но неужели может исчезнуть и второй дамоклов меч?! Или хотя бы появится возможность переместить его на нашем рисунке, отодвинув на более безопасное расстояние? Подожди, дорогая, не торопись! Какие у тебя шансы и есть ли они еще, только вскрытие покажет, то есть операция – прости за дурного тона шутки! Однако за обретшую еще более отчетливые очертания надежду, почему бы теперь и не выпить. Уф-ф-ф! Даже физически стало легче. Это как на тренировках в волейбольной секции, когда требовалось, взгромоздив на закорки напарницу, бегать с ней по кругу. Причем тренер Михал Михалыч порой пропускал круги, болтая со смешливой секретаршей директора. И когда наконец он разрешал освободиться от ноши, вдруг такое наступало облегчение: шагала, аки по воздуху, в невесомости. И запущенный чьей-то сильной рукой белый мяч прыгал рядом по полю – звонким обещанием вечности жизненных даров.

Мысль о том, сколь счастливее и проще сложилась бы моя жизнь, если б все последние годы не прошли под гнетом дамокловых орудий, отогнала сразу. Конечно, было бы легче, когда б., но чур-чур-чур меня! «Не гневи, Берсенева, судьбу!», – повторила вслух.

(Потом в Уфе выяснилось, что диагноз соседки по палате зеркально отражает мой. У нее, наоборот, сохранилось только периферийное зрение, а центр – не фокусировался вовсе. Я попыталась выспросить, каким ей видится окружающий мир, и она старательно объясняла, но понять это было невозможно. Она приезжала к Рифгатову из Кисловодска уже несколько лет подряд. И была вполне довольна им и собой.

«У меня все в порядке. Есть муж и двое детей, младший сын как раз пошел в первый класс, – рассуждала соседка за вечерним чаем с сухариками. – Главное, чтобы женщина и в самых сложных обстоятельствах следила за собой. Вот я, например, ходила заранее в парикмахерскую и надела белый брючный костюм и когда осмотрелась первого сентября на школьной линейке, то была вынуждена признать, что выгляжу лучше всех собравшихся там мам». И я, украдкой глянув на невзрачное замыленное какое-то личико собеседницы, предположила: быть может, оно ценно безупречностью своего овала?

А попавшая в провинциальную Уфу после безуспешных поездок по клиникам европейских столиц, известная дрессировщица уже почти не видела и своих слонов. «Благо, – объясняла она, – подопечные меня отлично слушаются. Да, спасибо еще, что слоны крупные животные – гораздо сложнее было бы, если б, скажем, я специализировалась на собачках». И, ах, какой циркачи подняли в больнице тарарам, когда на следующий день после операции лежавшая на кровати дрессировщица увидела, как Рифгатов, отойдя к двери, поднял вверх большой палец!

Ознакомившись с историей моей болезни, он тоже развеселился: «Что, Милица. Сшибаешь, наверное, придорожные столбики?» О том, что зрение мне, вероятно, удастся сохранить, Рифгатов сообщил мимоходом, посреди длинного повествования об экспедиции, организованной им в поисках живой и мертвой воды в Гималаях.)

Отпив еще один скупой глоток стремительно иссякавшего напитка, я поставила бокал на стол. И заглянула к Глашке, которая накануне, запершись в своей комнате, что-то мастерила, надеюсь, не из моего вечернего платья, сшитого недавно для торжественных выходов в свет. И что вы думаете, оставшимся куском тафты, из которого я рассчитывала еще изготовить современный жилет, Глафира обтянула старую сумку, соорудив на ней затейливый бант. При этом имевшиеся на изделии длинные ручки она безжалостно отрезала. Пробующая себя на дизайнерском поприще, Аглая, очевидно, забыла мой рассказ о первом в жизни фуршете: тогда, взяв с собой «театральную» сумочку без ручек, я измаялась, не зная, куда ее пристроить, чтобы также удержать вилку с тарелкой и бокал, пока наконец не догадалась спрятать предмет своих мучений на подоконнике за бархатными занавесями, за которые потом периодически заглядывала украдкой, проверяя – на месте ли еще имущество?

Во сне Глашуля морщила выщипанные в виртуальную линию бровки, прежде красиво огибавшие глаза шелковистыми дугами. Мы даже повздорили накануне из-за этого. «Были брови соболиные, как у красавицы из русской народной сказки, а теперь – какие-то кривенькие ниточки!», – негодовала я. «И вовсе не кривенькие! – обижалась Глашка. – Сейчас так модно! И мне надоело ходить с бровями, как у Брежнева!». «Испорченные брови плюс несостоявшийся жилет – 2:0 – не в нашу пользу», – шепотом подсчитала я убытки, автоматически спрятав в карман халата обрезки тафты.

Примерно через час Аглая выползет из комнаты со своим изделием – поздравлять. Но звонок ма-тушки, наверное, ее опередит. Мама старается не будить нас спозаранку, однако, и не любит надолго откладывать поздравительную церемонию. И мы не ропщем. Однажды к нам заглянула в свой день рождения Глашкина подружка Анечка. Прокричав, не отрываясь от компьютера, приличествующие случаю поздравительные слова, я поинтересовалась, что ей подарили родители. «Не знаю еще. Наверное, они вручат подарок вечером», – грустно ответила Анечка. И я заметалась по комнате, выискивая какой-нибудь подходящий презентик, попутно поручив Глафире достать из морозилки мороженое.

Ну а Дюша позвонит после мамы, разобравшись с первым ворохом дел на работе.

Сударушкин же, как всегда, застанет врасплох. С днем рождения «летучий голландец» поздравляет меня обязательно. Раз, правда, он забыл это сделать. Но ему, давно вошедшему в ближний круг людей родных, я напомнила, конечно, о допущенной оплошности.

Сергей появится ближе к вечеру. И замечательно! В конце концов вскоре я уеду в Москву. Там вместо маленькой Молдавии, о которой я знаю, пусть и не все, разумеется, но многое мне предстоит освоить слабо изученную пока огромную Россию. При этом прежний, непринужденно по жизни скользящий, свободный соборовский график придется заменить ежедневным бдением в редакции, где я вынуждена буду постоянно вращаться в столичном творческом коллективе – бр-р-р! Хорошо, Сережа обещал привезти вина, что актуально с учетом двух опустошенных уже бутылок «Брюта».

Итак, у меня осталось минут тридцать-сорок. Я вытряхнула последние капли шампанского в бокал и села на высокий табурет на кухне, прислонившись к дощатой стене. Ну, за что выпьем? Как за что? А любимый тост: «За радость бытия!»

Вот-вот должна была начаться весна. Меня окатило ярким солнечным светом. Я закрыла глаза.

И теперь боялась только одного – что вдруг начну прорастать. Как лук.

Владимир ШАТРОВ

Окончание. Начало в №11, 12(2012), №1,2(2013).

Личное дело сержанта Бессарабова

5

Остарбайтер

Танк продолжал своё бесконечное падение с обрыва, переворачиваясь и при ударах о землю теряя разный военный хлам, прикрепленный к броне. Старшего сержанта Бессарабова по прозвищу Румын крутило внутри боевой машины, как фекалии в унитазе во время смыва. Вместе с ним, но по своей траектории, вращался пороховой заряд, выпавший из бака-стеллажа, расположенного в отделении управления. Стоило бы только заряду удариться капсулом о какой-нибудь острый угол, как неминуемо произошёл бы взрыв, от которого сдетонировал бы весь остальной боекомплект танка. Это означало мгновенную смерть и, более того, невозможность предать тело земле за неимением тела как такового. Однако больше Румын боялся, что этой круговерти не выдержат крепления четырёх огромных аккумуляторных батарей, и, слетев со своего места, они разобьются, облив всё вокруг серной кислотой. Найдётся ли в этом случае, что положить в гроб, – тоже вопрос, но в том, что смерть будет мучительной и страшной, сомневаться не приходилось.

Наконец, перевернувшись в последний раз, сорокаторная машина, ударившись днищем об огромный валун, останавливалась, и Бессарабов просыпался в холодном поту. В противоположном углу комнаты храпел рядовой Бакула, с которым его бывшего замкомвзвода по «учебке» судьба свела сначала в один батальон, а потом в одну рабочую команду на кембергском бетонном заводе. Группа набиралась из так называемых «залётчиков», то есть нарушителей воинской дисциплины. Старший сержант Бессарабов возглавил этот весёлый коллектив в наказание за загубленный танк, Бакула приполз в рабкоманду верхом на «зелёном змие». В соседней комнате спали ещё два деателя – татарин Барутдинов по прозвищу Батый и ленинградец Шорох по прозвищу Тихий. Первого приговорили к трудотерапии за неуставные взаимоотношения, второго (по словам комбата) – за попытку повернуть ствол в сторону молодой жены командира роты.

На заводе Советскую армию встретили в лучших традициях 1945 года – радостными приветствиями и дружескими шлепками по спинам и плечам. Дело в том, что основные изделия предприятия – бетонные бордюры – надо было перетаскивать с асфальтированной площадки, где их изготавливали, на склады готовой продукции. Два ангара обслуживали несколько электропогрузчиков, а третий, находившийся ближе всех к площадке, был отделён от неё полосой земли, покрытой кочками и ямами, по которой техника проехать не могла. Именно к этому строению подходила железнодорожная ветка, а значит, и его надо было наполнять. Напротив пустого склада скопилось несколько тысяч готовых бетонных параллелепипедов, которые Тихий назвал «гадскими поребриками». В торцах бордюров при изготовлении были оставлены пустоты в виде круглых глубоких отверстий, в которые вставлялись железные прутья, изогнутые наподобие рукоятки для запуска двигателя грузового автомобиля. Два человека одновременно брались за свободные концы этих стержней и, пытаясь от напряжения, несли такую нужную ГДР штуковину на склад.

Провести инструктаж пополнению прибыл лично директор завода и по совместительству председатель Общества советско-немецкой дружбы Эльмуд Шлосс. Радостную улыбку на его лице сменила горечь разочарования, когда он увидел погоны Бессарабова.

– Сержант? – довольно сносно говоря по-русски, поинтересовался Эльмуд. – Зачем сержант? Мы просили четырёх солдат.

– А чем вы недовольны? – спросил Румын. – Нас четверо.

– Сержант есть маэстро – как это? – начальник, – немного путаясь в словах, пояснил директор. – Он не может работать с солдатами.

– Почему?

– Я не могу мешать лопатой бетон, ты не можешь носить бордюры. Иначе нет порядка, – уверенно изрёк Эльмуд.

– Ну, дайте мне другую работу, – нашёл выход из положения Бессарабов.

– Да, но надо носить бордюры, потому нужно две пары людей, – растерялся немец.

– Не суетитесь, я и без маэстро справлюсь, – вступил в разговор Бакула. – Дайте ему другую работу, пусть спички в коробках считает.

Произнеся эту фразу, Бакула нагнулся и, рывком подняв один из бордюров, взвалил его себе на плечо.

– Куда нести? – спокойным голосом поинтересовался он у ошарашенного Эльмуда.

Вместо ответа тот судорожно махнул рукой в сторону ангара. Ровной и даже какой-то прогулочной походкой Бакула тронулся в путь. Батый и Тихий, подхватив за рычаги вторую бетонную единицу, поплелись следом.

– Братан, тебе не тяжело? – вслед идущему крикнул Бессарабов.

– Душевный ты человек, Румын, – остановившись и повернувшись назад, пробасил Бакула. – Я в шахте целый год таскал бетонные подпорки в три раза тяжелее, и ни одна собака не поинтересовалась, не трудно ли мне. Иди лучше договорись насчёт поесть, поспать, помыться...

Всю первую половину дня рабочие завода по очереди бегали на площадку полюбоваться на то, как русский солдат в одиночку таскает бордюры, постоянно обгоняя своих друзей, работающих парой.

За это время старший сержант решил все насущные вопросы. Бригада была поставлена на довольствие. Руководство завода гарантировало советским солдатам первый завтрак в 8:00, второй завтрак в 10:00 и обед в 13:00 (об ужине команда Румына должна была заботиться самостоятельно). Работа начиналась в 6:00 и завершалась в 15:00. Узнав о том, что труд чернорабочего оценивается примерно в тысячу марок в месяц, Бессарабов выторговал всем своим подчинённым зарплаты в 250, а себе в 300 марок. На остальную сумму предприятие обязалось поставлять в воинскую часть цемент, краску, арматуру, песок, доски, гвозди и положительные характеристики на подшефных военных преступников. Танкистам был выделен на территории одноэтажный домик, состоявший из двух комнат, небольшой кухни с минимальным набором посуды, туалета и душа, в котором, правда, была только холодная вода. Почему-то, дико комплексуя по этому поводу, директор завода поспешил заверить, что заводская баня в любой момент к услугам дорогих гостей, причём абсолютно бесплатно.

Кроме того, Бессарабову было указано его рабочее место. На заводе было так называемое непрофильное производство, оперируя советскими терминами, – «небольшой левачок», который приносил довольно серьёзный доход. В отдельно стоящем цехе из завезённых нержавеющей трубок изготавливались каркасы детских колясок, которые затем на соседней швейной фабрике обшивались материалом весёлых расцветок и поступали в продажу. Прибыль два братских предприятия делили пополам и радовались. Если же подобные коляски поступали в Советский Союз, то за ними выстраивались очереди подлиннее той, что вела к месту вечного упокоения Владимира Ильича.

В цехе были установлены сверлильный станок, небольшая гильотина для разрезания трубок, пневматическое устройство для сгибания оных, пресс, пневмомолот и множество других приспособлений, названия которых Бессарабов не знал. А работала в этом помещении всего одна женщина средних лет по имени Хельга. Когда ей представили Румына как помощника, она сначала забеспокоилась, что цеху увеличат план, но, когда ей гарантировали прежнюю зарплату при прежних нормах, облегчённо вздохнула и крепко пожалала руку советскому сержанту.

Через час, по дороге в столовую, Бессарабов поведал братьям по каторге о достигнутых с руководством завода соглашениях и выслушал массу приятных отзывов о своих организаторских способностях. Узнав о размере зарплаты, Бакула пообещал носить по два бордюра одновременно, и его командиру стоило больших усилий отговорить его от этой стахановщины.

В столовой повариха налила Бакуле двойную порцию супа и украдкой положила в макароны сразу две отбивные. Бакула в ответ подмигнул ей и сладострастно причмокнул губами. Повариха, которая по возрасту годилась солдату в матери, а по габаритам не уступала ему, покраснела, как девчонка, и уткнулась лицом в ладони.

Обед ознаменовался ещё двумя событиями. Во-первых, советским солдатам не дали хлеба, без которого всё остальное едой они назвать не могли. Дело в том, что во время первого и второго завтрака немцы съедают такое количество бутербродов, что обедают без хлеба и считают это логичным. Эта логика не действовала на Румына и его команду, о чём он, прервав приём пищи и подойдя к столику директора, рассказал на довольно сносном немецком языке. Эльмуд, в очередной раз смутившись, пообещал, что завтра к обеду танкистам будет предоставлено то количество хлеба, которое они сочтут нужным. Что касается дня сегодняшнего, если русские не побрезгуют оставшимися от завтрака бутербродами с ветчиной и сыром, то они будут немедленно принесены. Бессарабов милостиво кивнул головой и вернулся к столу, на который через минуту была торжественно водружена огромная корзина с бутербродами.

Во-вторых, соблюдая приличия, советские солдаты пытались есть при помощи ножа и вилки. Полу-

чалось это только у Румына и Тихого, имевших представление о таком неудобном способе ещё с «гражданки». Батый, убедившись в том, что его левая рука вилку держать не может, разрезал отбивную ножом и отправил её в рот по частям, перехватив вилку правой рукой. Бакула боролся до конца. Сначала он тоже пытался разрезать мясо, но стал производить при этом такой скрип ножом по тарелке, что привлёк к себе всеобщее внимание. Тогда бывший шахтёр воткнул вилку в отбивную и поднял её левой рукой на уровень рта, намереваясь откусить кусок. То ли рука дрогнула, то ли вилка неглубоко вошла в мясо, но отбивная плюхнулась с высоты обратно в тарелку, забрызгав соусом всех сидящих за столом. Румын, Батый и Тихий вытерли лица салфетками и угрюмо посмотрели на товарища. За неожиданным спектаклем с интересом наблюдали граждане ГДР. Бакула вздохнул и вновь «загарпунил» отбивную. Вторая попытка окончилась точно так же, как первая, с той только разницей, что на этот раз капли соуса долетели до соседних столов. В столовой грохнул хохот. Естественно, смеялись только немцы.

Вновь утеревшись салфеткой, Бессарабов встал и потребовал тишины. Затем, тщательно подбирая немецкие слова, он произнёс следующую речь: «Я бы на вашем месте, братья по социализму, не очень-то веселился. Этого парня призвали в армию из такой глухой сибирской тайги, где мясо жарят на кострах, а едят только при помощи охотничьих ножей. Кстати, ещё десять лет назад там часто фиксировались случаи людоедства». Увидев, что все, кто находился в зале, напряглись и склонились над тарелками, Румын решил несколько смягчить сказанное: «Хотя, когда я говорил на тему каннибализма с этим здоровяком, он утверждал, что никогда не ел человека». Заметив, что немцы выдохнули и расслабились, Бессарабов добавил: «Правда, при этом он подозрительно облизывал губы». Немцы вновь нагнули головы к тарелкам, а какая-то женщина, зажимая рот двумя руками, выбежала из столовой.

– Что ты там им наплёл, Румын? – поинтересовался Тихий у севшего на место оратора.

– Я сказал, что умение пользоваться ножом и вилкой не помогло им выиграть Вторую мировую войну, – соврал Бессарабов и, повернув голову к Бакуле, продолжил: – Теперь, что касается тебя, олень непарнокопытный! Если ты ещё раз плюхнешь отбивную в соус, я тебе тарелку на голову надену и не посмотрю на то, что ты здоровый, как лось сохатый. Не можешь удержать вилку – ешь руками.

Восприняв слова бывшего замкомзвода как прямое указание, Бакула схватил отбивную пятернёй и, целиком затолкав в рот, принялся жевать. От усилий, связанных с этим процессом, уши на бритой голове солдата синхронно задвигались, а на лбу образовались глубокие морщины. Из зала торопливо выбежала ещё одна женщина...

Вообще, в начале из-за разницы в мировоззрении и воспитании между советскими солдатами и немцами частенько возникало недопонимание, правда, никогда не приводившее к серьёзным конфликтам. В первый же день Батый, используя язык жестов, попросил у одного из рабочих сигарету. Тот в просьбе не отказал, но, выдав требуемое, почему-то остался стоять на пути татарина. С несвойственным ему миролюбием Батый решил ситуацию разрядить и, сделав шаг в сторону, попробовал обойти стоящего. Однако гэдэровец тоже сделал шаг вбок и вновь перекрыл дорогу.

– Он бы так и стоял передо мной, как памятник Мартину Лютеру, если бы я его плечом не отпихнул так, что он в забор рогами воткнулся, – хвастался сослуживцам Батый.

– Что ты наделал, монголоид? – схватился за голову Бессарабов. – Не принято у немцев просто так раздавать сигареты. Надо было дать ему десять пфеннигов.

– За что?

– За то, что у него есть сигареты, а у тебя их нет, клоун!

– А если у меня нет десяти пфеннигов, а у него есть! Тогда как? Где справедливость?

Прекратив эту философскую дискуссию, Румын выдал Батыю десять пфеннигов и потребовал найти владельца выкуренной сигареты для расчёта за употреблённый табак.

Следующим отличился Бакула. Неизвестно где раздобыв спиртное, он выпил смертельную для обычного человека дозу. На самочувствии шахтёра это никак не сказалось, но стойкий запах зелена вина, который витал вокруг горького пьяницы, буквально валил с ног любого, оказавшегося на расстоянии пяти шагов. Немцы на работе не только не пьют, но даже и не думают об алкоголе, поэтому немудрено, что проступок Бакулы скрыть не удалось. Лично директор завода снял с работ и отправил отдыхать советского солдата, заявив, что вынужден оштрафовать его на сумму пятидневного заработка и сообщить о происшествии в воинскую часть. Бакула покаянно вздохнул и прямо с бордюром на плече ушёл в домик, где и заснул на кровати в обнимку с бетонным изделием.

Затем наступила очередь Румына. Деятельная натура изобретателя и рационализатора, скрытая под формой старшего сержанта, возмущалась темпом работ в цехе по производству колясок. К тому же Бес-

сарабов знал, как ценят эту продукцию на Родине, а потому всегда старался ускорить процесс, но постоянно наталкивался на отпор своей немецкой начальницы. Наконец однажды, когда Хельгу зачем-то вызвали к руководству, Румын рьяно взялся за дело.

Отказавшись от прежних принципов работы, следуя которым в производстве всегда находилась только одна коляска, для коей последовательно изготавливались и подгонялись детали, Бессарабов наладил своеобразный конвейер. Подтащив связку трубок к гильотине, он, соблюдая размеры, нарубил деталей на десять колясок. Затем, придвинув нарубленное к другому станку, быстро просверлил везде, где было положено, отверстия. Потом начал гнуть, сплющивать, нарезать резьбу и наконец при помощи заклёпок и винтов соединять между собой составляющие. К моменту возвращения Хельги в цех стояли десять каркасов, которые Румын собрал за час. С учётом того, что дневная норма составляла двадцать колясок, герой труда имел все основания собой гордиться.

Увидев результаты производственного штурма подчинённого, Хельга схватилась за голову. Придя в себя, она убрала готовые каркасы в подсобку, разрешив доставать оттуда по три изделия в час, после чего провела с Бессарабовым разъяснительную работу, растолковав передовику производства, что при таких темпах изготовления колясок цех неизбежно придёт к нехорошим результатам. Во-первых, им повысят план, во-вторых, понизят расценки. И, в-третьих, в погоне за количеством всегда страдает качество, а за брак в Германии штрафуют.

Уважающий логику Румын покаялся в допущенных перегибах, выступил с самокритикой, заклеил позором штурмовщину и очковитирательство и радостно стал бездельничать с одобрения начальства.

Наконец продемонстрировать разницу в советском и немецком менталитете представился случай и рядовому Шороху. По завершении одного из рабочих дней Бессарабов, стоя у дверей мужского душевого отделения, разговорился со старым рабочим завода по имени Эрих. Эрих принимал участие в Великой Отечественной войне, естественно, на стороне Германии, после чего пять лет работал на лесоповале в Сибири, где в совершенстве выучил русский язык и блатной жаргон. Беседовать с ним было познавательно и весело, а потому Румын не сразу отреагировал на девушку, которая с полотенцем и мылом в руках прошла в душ. Постепенно смысл происходящего всё же дошел до Бессарабова, и он удивлённо замолчал.

- Что случилось, сержант? – поинтересовался Эрих.
- Зачем эта девушка сюда зашла? – кивнув в сторону двери, вопросом на вопрос ответил Румын.
- Чтоб помыться, наверное... – несколько неуверенно предположил Эрих.
- Но это же мужской душ!
- Да, но в женском сегодня меняют трубы. Не идти же ей домой грязной.

Бессарабов, вспомнив о том, что в душевой не было кабинок как таковых, а были лишь невысокие перегородки, доходящие до пояса, задал следующий вопрос.

- А если кто-нибудь из мужчин зайдёт?
- У нас не принято смотреть на женщину, которая моется или справляет естественные надобности. Ты, Володя, не стал бы расценивать как сексуальный объект женщину, сидящую на унитаза? – ухмыльнулся Эрих.

– Я-то, наверное, нет. Но за всех ручаться не могу, – честно признался Бессарабов.

Этот интересный разговор был прерван появлением двух танкистов – Бакулы и Батыя. С полотенцами на плечах и мылом в руках они подошли к душевой.

- Где Тихий? – поинтересовался у подошедших Румын, одновременно преграждая им путь.
- Наверное, уже внутри, – высказал предположение Бакула.

Услышав такой ответ, Бессарабов схватился за голову, и в этот момент из душевой раздался пронзительный женский визг...

Дальнейшие события развивались стремительно. Распахнув дверь настежь, на улицу пулей вылетела обнажённая девушка. За ней, гогоча, как тюлень во время случки, выбежал совершенно голый Тихий. Пропустив мимо себя немку, Румын поставил подножку преследовавшему её товарищу, и Тихий кубарем покатился по территории завода, одновременно кроя отборным русским матом и пытаясь изгибаться так, чтобы не сломать выступающие детали тела.

Больших последствий, впрочем, этот инцидент не имел, поскольку, будучи приверженцами сексуальной революции, гэдэровцы простили русскому солдату его душевный порыв и восхищение красотой женского тела.

Так в труде и отдыхе проходили дни. Раз в две недели Бессарабов ездил в родную часть за почтой, чистым бельём, портянками, табачным довольствием и зарплатой. От встреч с комбатом два месяца его

берегла судьба. Бесповоротно поверив в удачу и окончательно обнаглев, старший сержант вновь стал заниматься коммерцией. Он брал у товарищей по оружию на реализацию часы, электробритвы и прочую мелочь, не связываясь с военным имуществом и государственной собственностью. В конце концов, почувствовав себя почти штатским человеком, Румын стал приезжать в часть в спортивном костюме и кроссовках на мотороллере, который он брал взаймы у Хельги.

В очередной раз лихо подкатив к крыльцу казармы и спрыгнув со своего железного коня, Бессарабов нос к носу столкнулся с комбатом и замполитом. Богданов, презрительно посмотрев на растолстевшего и постриженного не по уставу Румына, процедил сквозь зубы, обращаясь к замполиту: «Говорил я тебе, капитан, дихлофосом этого паразита травить надо было. Бетонный завод для него – курорт Сочи!»

После этой встречи в сердце Бессарабова поселилось предчувствие близкой беды. Старшему сержанту не доставляли удовольствия ни состояние относительной свободы, ни приближение демобилизации, ни даже ежевечернее пиво с сосисками. Так прошёл ещё месяц...

Вторая половина марта радовала многотрадальную землю Германии неожиданно теплыми, солнечными днями, проклюнувшейся зелёной травой и пением птиц. Возвращающийся после второго завтрака в цех Румын угрюмо и злобно сбивал носком сапога жёлтые головки ранних одуванчиков и зябко поёживался. Дурные предчувствия сегодня с утра достигли своего пика. Поэтому он даже не удивился, увидев въезжающую в заводские ворота грузовую машину из взвода обеспечения третьего батальона. Из кабины, как чёртик из коробочки, выпрыгнул младший сержант Дьяков по прозвищу Палево.

Тут надо заметить, что у Дьякова была одна отличительная черта – ему катастрофически не везло. Если в самоволку убегало десять человек, то патруль задерживал только его. Если напивалась вся рота, запах спиртного чувствовался лишь от Палева. А потому служба в Советской армии превратилась для Дьякова в юдоль печали, и после Бессарабова он был самым частым гостем полковой гауптвахты. Появление этого типа на заводе не предвещало ничего хорошего.

– Володя, – заорал издаലെка Палево, – тебе комбат в часть приказал возвращаться, а я вместо тебя остаюсь. Приказ министра обороны о демобилизации вышел. Ты дембель, Вова, домой едешь!

– Что ты визжишь, как Геббельс 9 мая? Ты теперь начальник, маэстро, не ори, как потерпевший, тебе не к лицу. А насчёт дембеля – это ещё бабушка надвое сказала. Нашему комбату приказы министра обороны не указ, – подойдя вплотную, прошипел Бессарабов.

Ещё через полчаса, показав Дьякову его рабочее место и попрощавшись с сослуживцами и знакомыми немцами, Румын трясся в армейском грузовике, неумолимо приближаясь к Виттенбергу.

Дневальным «на тумбочке» стоял рядовой Жерехов по прозвищу Джерри. Увидев Румына, он улыбнулся и зашептал, соблюдая традиции и называя Бессарабова только по имени.

– Володя, Богданов велел, как только ты появишься, отправить тебя к нему в канцелярию. Ты потерпи немного, комбата от нас переводят. И ещё: пока тебя не было, мы с оператором огневого городка твой танк восстановили – он на ходу. А вчера он на ремонтный завод в Кирхмезер уехал, ему там новую пушку поставят. Так что «пришить» тебе нечего. Ничего не подписывай, Володя!

– Что не подписывать, Джерри? Ты о чём? – изумился Румын.

– Да тут... – замялся Жерехов, – Ухо из секретной части сказал, что Богданов тебя с собой к новому месту службы забрать хочет.

Если бы Джерри огрел старшего сержанта по голове тумбочкой, он не достиг бы большего эффекта. Бессарабов две минуты стоял, выпучив глаза, открыв рот и дыша тяжело, как рыба, выброшенная на берег...

На стук в дверь канцелярии отозвался знакомый и злой голос.

– Кого там ещё принесло?

– Разрешите, товарищ подполковник? – слегка приоткрыв дверь и заглянув в помещение, поинтересовался Бессарабов.

– Ба, голова Румына! – расплылось в улыбке лицо комбата. – А где он весь?

– Прибыл по вашему приказанию, – входя в кабинет, доложил старший сержант и, увидев приглашающий жест Богданова, аккуратно присел на стул, стоящий у стола напротив кресла хозяина канцелярии.

Любитель многозначительных пауз в разговоре, комбат закурил и принялся листать какую-то папку. Дойдя до последней страницы, он откинулся на спинку кресла и, прищурился левый глаз, вытянул правую руку и, прицелившись указательным пальцем в переносицу собеседника, произнёс: «Пиф-паф!»

– Ой-ой-ой, – с деланным испугом подхватил Бессарабов. – И к чему вся эта пантомима?

– Да вот, читал твоё личное дело, Румын, и заметил одну историческую несправедливость. Муссоли-

ни за меньшие прегрешения вниз головой повесили.

– Погорячились, наверное, – пробормотал Бессарабов.

– Да хрен с ним, с Муссолини! Не жалко, – улыбнулся Богданов. – А вот что с тобой делать будем?

– Домой отпустим. Приказ вышел, товарищ подполковник.

– Не так быстро. Судя по твоему личному делу, призвали тебя 17 апреля. И, опять же, изучив твоё досье, можно посчитать, что за время службы ты провёл на гауптвахте 47 суток. А «губа» в срок службы не входит. Путём нехитрого сложения двух чисел получаем ответ: на дембель ты, Румын, идёшь в первой декаде июня.

– Я на «губе», между прочим, не пирожками отъедался, товарищ подполковник, – заявил враз побледневший Бессарабов. – Я там страдал!

– Слушай, страдалец, я вижу только два варианта развития событий, – подытожил комбат. – Первый: ты сейчас отправляешься на родную гауптвахту на трое суток для округления счёта и уезжаешь домой в июне. Второй: ты подаешь мне заявление на сверхсрочную службу, подписываешь контракт на два года и переводись со мной в 56-й полк, куда я получил назначение на должность заместителя командира полка. Там ты становишься командиром моего танка, получаешь звание старшины, комнату в общежитии, достойную зарплату в марках – здесь, вторую зарплату в рублях – на сберкнижку в Союзе, отпуск на десять суток через несколько дней, далее очередные отпуска, пищевое и вещевое довольствие на уровне лейтенанта. Что скажешь, Румын?

– Разрешите идти, товарищ подполковник? – привстал со стула Бессарабов.

– Заявление писать? – поинтересовался Богданов.

– Никак нет, на гауптвахту!

– Ступай, коль дурак...

Ещё через десять минут Бессарабов уже стоял у кабинета начальника «губы» прапорщика Сантояна. Постучав и услышав: «Войдите!» – Володя распахнул дверь.

Прапорщик пил чай. Увидев Бессарабова, он непроизвольно вздёрнул подбородок, поперхнулся чаем и долго натужно кашлял. Наконец, утерев выступившие слёзы, начальник гауптвахты сумел произнести первую фразу.

– Ты чего припёрся, Румын?

– Прибыл на трое суток ареста, – честно признался Бессарабов.

– За что на этот раз?

– Комбат сказал, что за время службы у меня накопилось 47 суток гауптвахты и надо округлить счёт.

– Вы что, из меня круглого дурака сделать хотите? – выверился прапорщик. – Иди обратно и доложи Богданову, что для того, чтобы посадить дембеля, мне нужна более веская причина.

– Разрешите идти? – поинтересовался Бессарабов.

– Подожди, сержант, – более мягким тоном вдруг произнёс Сантоян. – Чаю хочешь?

– Хочу...

Попив чаю, Румын попрощался с начальником гауптвахты и встал из-за стола для того, чтобы покинуть эти ставшие уже родными стены.

– Володя, – у самой двери окликнул его прапорщик, – это ты на стене в камере нацарапал надпись: «Самый зверский из армян – это дядя Сантоян»?

– Я, – со вздохом признался Бессарабов. – Хотите, сотру?

– Не надо. Пусть будет! Этот лозунг на сидельцев жути нагоняет. Иди уже, граф Монте-Кристо румынский...

Очередную годовщину Великой Победы Бессарабов вновь отметил в рядах Советской армии. До него мало кому удавалось встретить 9 Мая в сапогах трижды.

Последние демобилизованные покинули часть неделю назад. Остался только Румын. Свой танк он давно сдал по описи молодому младшему сержанту, пришедшему из «учебки». Тот же младший сержант занял его койку и с растерянным выражением лица собрал из тумбочки личные вещи предшественника в пакет, который с многочисленными извинениями и передал Бессарабову. Места в строю бывший командир 592-го танка тоже лишился, он теперь одиноко маячил на правом фланге в двух шагах от взвода обеспечения. Картину построения батальона красиво описал комбат: «Милый сердцу вид: 7-я рота, 8-я рота, 9-я рота, «обоз», потом длинный забор, танковый ров, куча навоза и, наконец, представитель союзнической румынской армии!» Услышав эту фразу, весь строй стал беззвучно давиться хохотом, смеяться в голос над дембелем никто не рискнул. Одинокое хрюканье подполковника Богданова поддержал

только Бессарабов, но смех его был вымученным и печальным.

Теперь Румын целые дни проводил на лавочке в курилке, которая находилась справа от входа в казарму, покидая беседку только для того, чтобы прогулочной походкой вне строя сходить в столовую на приём пищи или по личным надобностям. Ночевал старший сержант в каптёрке, где на пустой полке одиноко стоял его дембельский чемодан.

Увидев, что батальон строится, чтобы отправиться на плац для торжественного парада, посвящённого Дню Победы, Бессарабов привстал со скамейки, но, услышав окрик комбата: «Военнопленные остаются в расположении!» – устало опустил обратно.

Ещё через неделю в полк прибыл новый комбат. Встречать его к КПП отправился замполит батальона, Богданов дожидался сменщика в своей канцелярии.

Сидя на своём месте в курилке, Бессарабов с интересом наблюдал за тем, как к казарме, заранее напустив на себя строгий и недовольный вид, приближается неизвестный ему майор. При этом Румын и не подумал оторвать зад от скамейки и вытащить изо рта сигарету, что не осталось незамеченным новым начальством.

– Товарищ старший сержант, ко мне! – остановившись у входа, рыкнул майор.

Аккуратно уложив недокуренную сигарету на перила беседки, невзирая на злобный взгляд майора, Румын приблизился вразвалочку и, «приложив кость к черепу», вяло поддержал беседу.

– Гвардии старший сержант Бессарабов прибыл по вашему приказу.

– Кто тебя так представляться учил? – зашипел новый комбат. – Командиром какого танка являешься, сержант? Какую должность в батальоне занимаешь?

– Какую должность занимаю? Трудно сказать... – честно ответил Бессарабов. – Наверное, должность лица, временно задержанного на территории ГДР.

– Кто это? Что за анархия в батальоне? – повернулся майор к замполиту.

– Это Румын! – неуклюже отрапортовал капитан, одновременно подхватывая нового начальника под локоть и подталкивая его к входу в казарму. – Пойдёмте, товарищ майор. Нас подполковник Богданов ожидает, он всё объяснит.

– Какой румын? Зачем румын? У них же своя армия есть, – забормотал, ничего не понимая, майор. И, повернувшись к Бессарабову, добавил: – Я с тобой ещё разберусь и не посмотрю на то, что ты иностранец.

После того как новый комбат скрылся за дверью батальона, Румын вздохнул и, пожав плечами, поплёлся назад в курилку.

Через час из казармы вышел подполковник Богданов и, покровительственно махнув рукой Бессарабову, который изобразил вставание со скамейки, присел рядом.

– Ну что, Румын, надумал писать заявление на сверхсрочную службу?

– Никак нет, товарищ подполковник, я домой хочу.

– Послушай, Володя, – доброжелательно продолжил беседу Богданов, – дома тебе нечего делать. Ты уходил в 86-м из одной страны, а сейчас вернёшься в другую. Перестройка, гласность и прочая срамота довели Союз до ручки. Только в армии ещё сохраняется какое-то подобие порядка. Ты не впишешься в новую жизнь, лучше пиши заявление.

– Нет, я не понимаю, – вспыхнул Бессарабов, – вы же сами всегда утверждали, что я военный преступник. Вот танк загубил... Зачем вам я нужен в новом экипаже?

Ну, во-первых, танк загубил не ты. В том, что пушку раздуло из-за попавшего в ствол песка, виноват механик полигонной роты. Это он погнал машину через барханы. А в том, что ты опрокинул танк с платформы, виноват капитан Тарасюк – он отвечал за погрузку.

– А почему тогда за всех отгрёб я? – поинтересовался Румын.

– А что, я должен был на молодого механика орать, чтоб он умер со страху? Или на целого капитана в присутствии рядовых? – вопросом на вопрос ответил комбат.

– Тоже верно, – задумчиво согласился Бессарабов.

– Пиши заявление, Вова, – продолжал дожимать Богданов.

– Не буду! – встрепенулся Румын.

– Ну и хрен с тобой! Сиди здесь ещё три недели, как памятник Эрнсту Тельману. Может быть, поумнеешь...

Через пять минут после того, как подполковник Богданов ушёл в сторону КПП, из казармы вышел новый комбат и, дружелюбно махнув рукой Бессарабову, который вновь изобразил вставание со скамейки, присел рядом.

– Ты это... – запнулся в начале разговора майор. – Как тебя там? Албанец?

– Румын, – со вздохом ответил Володя.

– А какая разница?

– Да почти никакой, – с очередным вздохом согласился Бессарабов.

– Ну, в общем, ты потерпи ещё немного, – продолжил новый комбат. – Я тебе ничем помочь не могу. В наряды тебя и так не ставят, на построения и вечерние поверки можешь не приходить. Сиди на своей скамейке...

– Товарищ майор, – решил пошутить Румын, – купите страусиные яйца, я вам за три недели страусят высижу.

– Не нужны нам страусята, – отрезал, вставая и выходя из курилки, майор. – И без них проблем в батальоне по самой башню. Сиди без яиц, хорват.

«У Богданова хоть с чувством юмора было всё в порядке», – глядя вслед новому комбату, подумал Бессарабов и покачал головой.

В последующие три недели в курилку, как к мемориалу Воину-освободителю, приходили многие из тех, кого в армии судьба свела с Румыном.

Дважды приезжал с завода Бакула и сообщал о том, что не далее как вчера вся рабочая команда пила пиво за здоровье Володи, который уже наверняка находится дома.

Из первого батальона приходили Семенков и Мюллер. Последний по секрету рассказал Бессарабову о том, что нашёл в ГДР родственников, которые берутся устроить его брак с гражданкой этой страны, чтобы он мог здесь остаться. Мюллер предложил старшему сержанту последовать его примеру, обещая всё дело состряпать очень быстро. В ответ Румын лишь печально улыбнулся.

Приходил даже якут Бырсыгысов, которого за прошедший год Бессарабов видел только однажды. Было это через месяц после приезда в Виттенберг. Тогда, сидя на парапете недалеко от солдатской столовой, Румын с удивлением наблюдал, как со стороны казармы второго батальона приближается странная пара. Один солдат ехал верхом на другом. Причём седок веселился и с сильным азербайджанским акцентом во всё горло горланил: «Мы поедem, мы помчимся на оленях утром ранним», а низкорослый «олень» еле переставлял ноги. Когда парочка приблизилась, Бессарабов разглядел, что какой-то рядовой оседлал его бывшего курсанта Бырсыгысова и комфортно едет на нём в столовую. В глазах якута озёрами стояли слёзы.

Крикнув: «Бырсыгысов, стой!» – Румын подошёл вплотную. Якут замер, услышав команду бывшего замкомвзвода, и Бессарабов, коротко размахнувшись над головой Бырсыгысова, боковым ударом в ухо свалил всадника на землю. Азербайджанец оказался неробкого десятка и, встав на ноги, сжал кулаки, намереваясь кинуться на сержанта.

Вдруг ярость в глазах азербайджанца сменилась страхом, и он замер по стойке «смирно». Понимая, что подобное чинопочитание относится не к нему, Румын оглянулся и увидел майора Богданова, который быстрым шагом подошёл к месту стычки.

– Отойди-ка в сторону, сынок, – отпихнув Бессарабова плечом, комбат приблизился к азербайджанцу и прошипел ему в лицо: – Если тебе мало, басмач, я добавлю. Мало?

– Никак нет, – оторопел неудавшийся кавалерист.

– Сейчас ты отправишься в свой батальон и доложишь комбату о том, что произошло, – продолжил офицер. – И скажешь, что майор Богданов просит объявить тебе пять суток гауптвахты. А я вечером проверю, не находишься ли ты случайно на свободе. А если ещё раз приблизишься к чукче, я тебя в дисбат укатаю.

– Есть! – отозвался азербайджанец и исчез, как фокусник.

– Моя не чукча, моя – якут! – обиженно всхлипнул Бырсыгысов.

– Да хоть тунгус! – отмахнулся от Бырсыгысова майор и повернулся к Бессарабову. – А ты, Румын, прямо сейчас отправляйся на «губу» и передай прапорщику Сантояну, что я просил закрыть тебя в «одиночке» на трое суток без права вывода на работы.

– Да что я не так сделал? – возмутился Бессарабов.

– Ты поступил так, как должен был поступить. А теперь ты должен пойти и сесть.

– Да за что?

– За драку...

Это была первая и самая приятная «отсидка» Бессарабова на новом месте службы. Все трое суток он с удовольствием наблюдал сквозь решётку окна, как его «подельник» – азербайджанец то подметает

небольшой плац гауптвахты, то перетаскивает с места на место тяжёлые брёвна и камни, то выполняет какие-то другие грязные и нудные работы, которые ему радостно находил армянин прапорщик Сантоян.

Когда в конце мая Бырсыгысов пришёл в курилку, его невозможно было узнать. Отслуживший полтора года сытый и самоуверенный якут был не похож на робкого курсанта, которым его помнил Румын. Выпотрошив в самодельную трубку две «охотничьи» сигареты, Бырсыгысов неспешно начал разговор.

– Твоя хорошая люди, Вова. Когда моя ходи домой, твоя ехать Якутия, на река Индигирка. Моя там кочует, все знают, где найти.

– Что я там буду делать? – откровенно забавляясь, спросил Бессарабов. – Ягель с оленями есть?

– Зачем ягель? – выпустив изо рта целое облако дыма, серьёзно ответил якут и причмокнул губами.

– Олешка резать будем, кровь пить, язык кушать, он – как масло. Потом медведь стрелять будем, печень сырая его шибко вкусная.

– Нет, спасибо! – содрогнулся Румын.

– Ходи, Вова, – продолжал настаивать Бырсыгысов. – Ручей покажу, где много жёлтый камень.

– Не понял, жёлтый камень – это что, золото? – заинтересовался старший сержант.

– Так! – подтвердил якут и выпустил ещё облако дыма.

– Много – это сколько? – севшим вдруг голосом задал вопрос Бессарабов.

– Как будешь мыть. Всё лето работай, однако, полный рюкзак песок твоя собирай.

– Но это же килограммов пятьдесят, наверное? – шёпотом уточнил Румын.

– Так! – вновь кивнул якут.

– Как же я пятьдесят килограммов золота в Молдавию провезу? Там же и в аэропортах, и даже на вокзалах серьёзный контроль.

– Твоя хорошая люди, Вова, – вновь, раскуривая трубку, сообщил якут.

– Это я уже слышал, Бырсыгысов. Мы что, по второму кругу пошли?

– Хорошая, но глупая, – уточнил бывший курсант. – Зачем обратно в Молдавию? После лета зима будет...

– Да ты что? – перебил Бырсыгысова Румын. – Кто бы мог подумать? О, великие шаманы!

– Зима будет, – невозмутимо продолжал посетитель курилки. – Твоя ходи на оленях Чукотка, дальше на собаках Аляска. Там большой человек будешь, богатый.

– Если наши пограничники не пристрелят, – задумчиво произнёс Бессарабов.

– Зачем носишь с собой глухой ухо? Отрежь его и выбрось. Лишняя тяжесть, – почти вспылал якут.

– Моя сказал: зима будет.

– Ну и что?

– Зима будет – темно будет, граница – много, пограничник – мало. Однако пройдем.

– Ты что, со мной пойдешь? – недоверчиво переспросил Бессарабов.

– Ага, – подтвердил Бырсыгысов. – Моя много ходи. Белка, соболь – продавай, патроны для «Винчестера», спирт – покупай. Русская якут водка не продавай. Америка – виски на! Виски – вкусно, куда как вкусно!

– А если у меня американцы золото отнимут, да ещё в тюрьму посадят? – недоверчиво поинтересовался Румын.

– Нет. Америка – честный, не как Союз.

– Ты мне эти разговоры прекращай, Бырсыгысов, – насторожился старший сержант. – Никуда я с тобой не пойду.

– Моя сказал, – невозмутимый, как индеец, Бырсыгысов выколотил пепел из трубки и встал. – Твоя думай.

– Иди на хрен со своей Америкой, якут! – в спину Бырсыгысову почти прокричал Бессарабов. – Какая Аляска? Тут не знаешь, как из Германии выбраться...

В конце мая из госпиталя вернулся механик-водитель «румынского» экипажа – рядовой Рошка, который давно излечился от удара люком по голове, но продолжал оставаться в медицинском учреждении на должности банщика, пользуясь тем, что Богданов о нём забыл. Новый комбат, изучая личные дела солдат, наткнулся на папку с информацией о Рошке и, связавшись с госпиталем, затребовал его обратно. Первым делом Рошка пришёл в беседку к своему бывшему командиру и рассказал о своих злоключениях.

– Представляешь, Володя, привезли меня в Белиц-Хайлштеттен. Я прямо с полигона – небритый, чёрный, голова повязана окровавленным бинтом. По госпиталю слух пошёл: привезли раненного азербайджанца. Прихожу в себя в палате, а вокруг десять мусульман сидят на полу и молятся Аллаху, чтоб

я выздоровел. Ну, думаю, узнают о том, что я молдаванин – убьют сгоряча. Тут они заметили, что ко мне сознание вернулось, и давай наперебой говорить мне что-то по-азербайджански. А я им: «Братья, меня так сильно по голове люком ударило, что я забыл родной язык. Говорите по-русски, пожалуйста!» Пятнадцать дней я не вставал с кровати, а они со мной всё говорили по-своему, чтобы я родной язык вспомнил.

– Что, так и не узнали, что ты молдаванин? – поинтересовался Бессарабов.

– Потом узнали, конечно. Только поздно уже было. Я им родным стал, да и язык выучил, – пояснил Рошка.

– А потом что было?

– А потом я выздоровел, они за меня слово кому-то замолвили и устроили в банно-прачечный комбинат. Мыло выдавать, бельё, в сауне печь топить и всё такое. И стал я жить – не тужить, пока обо мне в полку не вспомнили.

– Гад ты, Рошка! – поставил точку в разговоре Румын. – Я за него переживаю, думаю, помер, а он в сауне парится. Дать бы тебе второй раз люком по черепу, чтобы ты ещё и хинди с суахили выучил...

Так, в общении с сослуживцами и бесконечном сидении на лавочке медленно и размерено текло время. Хуже всего было то, что трижды за этот месяц в часть приезжал подполковник Богданов. Бывший комбат то сдавал дела, то забирал личные вещи и мебель, то решал какие-то вопросы, связанные с денежным и вещевым довольствием, но при этом всегда выкраивал свободный час для того, чтобы пообщаться с Румыном.

К концу каждой встречи Володя обычно находился на грани нервного срыва и однажды даже чуть было не согласился написать заявление на сверхсрочную службу. Спасло его только чудо: взглянув на часы, Богданов вдруг заторопился и покинул курилку. Бессарабов тяжело вздохнул и буквально «осыпался» на скамейку.

Наконец в начале июня к сидящему после завтрака в беседке Бессарабову подбежал дневальный по батальону. Он сообщил, что новый комбат вызывает старшего сержанта в канцелярию.

Почти со скрипом поднявшись, Румын отправился в казарму.

– Я пообещал подполковнику Богданову, что до 4 июня ты не покинешь пределы части, – начал разговор майор. – Этот день наступил. Можешь быть свободен. Кстати, Богданов сказал, что приедет тебя проводить. Я думаю, тебе это не надо, так что поторопись.

– Как я в Союз попаду, товарищ майор? – поинтересовался Бессарабов.

– На аэродром Кётен завтра прилетает самолёт с летним спецнабором молодых. Там сейчас собрались все, кто не успел на дембельские самолёты. Кто в госпитале лежал, кто преступник вроде тебя. Мне сказали, что ты Германию изучил вдоль и поперёк. До Кётена доберёшься?

– Доберусь, товарищ майор. Это рядом с Галле.

– Правильно. И ещё, – майор достал из ящика стола объёмистую папку. – Ты пойдёшь мимо штаба. Занеси в секретную часть своё личное дело.

– Разрешите идти? – забирая папку, привстал Бессарабов.

– Разрешаю даже бежать, венгр, – улыбнулся майор.

– Я – Румын, – поправил командира старший сержант. – Хотя теперь это действительно не важно...

После разговора с майором Бессарабов провёл в батальоне не более пяти минут. Он переоделся в подготовленную давно полушерстяную форму, начистил сапоги, в каблуках и подошвах которых были спрятаны полторы тысячи марок ФРГ, взял чемодан и, устало махнув рукой высыпавшим в коридор сослуживцам, покинул казарму. Однако, вместо того чтобы пойти по центральной аллее к штабу, Румын отправился в сторону танковых боксов и, не доходя до них метров пятьдесят, свернул к забору, раздвинул руками густые кусты и юркнул в почти незаметный пролом.

Сразу за забором начинался смешанный лес, где под каждым деревом валялись пивные бутылки и банки, пустые пачки сигарет и упаковки от солёных орешков, печенья и другой сопутствующей пиву закуски. Найдя относительно чистую полянку, Володя присел на покрытый травой бугорок и, открыв папку, на титульном листе которой в верхнем правом углу была проштампована непонятная жирная единица, а в центре красовалась надпись «Гвардии старший сержант Бессарабов. 55 т.п. 3 т.б. 9 т.р. Личное дело», углубился в чтение.

С фотографии на первой страницы на Румына смотрело его собственное лицо двухлетней давности. Снимок был сделан в последние дни гражданской жизни, специально для военкомата. Военком требовал четыре фотографии. Одна была вклеена в военный билет, вторую Бессарабов обнаружил только сейчас,

где «бродили» ещё две, оставалось загадкой. Там же были краткие сведения о гражданской жизни: национальность, семейное положение, гражданская специальность, членство в ВЛКСМ, образование, дата и место рождения и т.п.

На следующей странице находились сухие записи о присвоении званий и классности, отметки о занимаемых должностях, номера личного оружия и т.д.

Весь остальной объём пухлой папки занимали характеристики, доносы и отчёты о боевом, политическом и моральном облике Бессарабова. Тут наблюдалась интересная закономерность: если командиры взводов, рот и батальонов Румына в основном хвалили, то замполиты и особысты, напротив, выражали свое недоверие и проявляли в его отношении настороженность.

Изучая своё личное дело, Румын то хмурился, то улыбался. И даже рассмеялся, прочтя строчку, написанную замполитом учебной роты: «Говоря о монархии, назвал российского императора Николая II Кровавого царём-батюшкой». Но обвинения чаще выдвигались серьёзные – от морального разложения в приснопамятной истории с Эльгой до подозрений в краже военного имущества и в передаче секретных сведений гражданам ГДР и ФРГ. В вину Бессарабову ставилось даже знание немецкого языка.

Наконец Румын перевернул последнюю страницу, и в глаза ему бросились строки, подчёркнутые чёрным фломастером: «В случае возникновения военной необходимости в ближайшие пять лет подлежит первоочередному призыву и должен быть доставлен в 56-й танковый полк в распоряжение подполковника Богданова». Далее был записан домашний адрес и телефон Бессарабова, телефоны и коды спецсвязи Советского райвоенкомата города Кишинёва и кишинёвской комендатуры.

Волосы на голове старшего сержанта встали дыбом, приподняв фуражку. «Что творит, волк!» – вслух пробормотал Румын и, обхватив голову руками, задумался.

Решение пришло быстро. Володя вскочил на ноги и стал собирать сухие ветви и сучья, валявшиеся вокруг. Быстро построив из собранного топлива некое подобие небольшого шалаша, Румын затолкал в центр сооружения обрывок газеты и чиркнул спичкой. Костёр занялся моментально. Через минуту пламя уже гудело, как в хорошей печке, и тогда, распушив листы папки, Бессарабов бросил своё личное дело в центр костра. Огонь радостно стал пожирать бумагу, и ещё через две минуты от папки остался лишь пепел.

Вздохнув с облегчением, Румын вновь вслух пробормотал: «Хрен тебе, отец-командир. Да я лучше сразу в штрафбат, со штык-ножом на вражеские танки. А с тобой и до первого боя не доживёшь – ты раньше расстреляешь!»

Убедившись в том, что костёр также быстро, как разгорелся, стал гаснуть, Бессарабов схватил чемодан и вдоль забора части пошёл к автобусной остановке...

Жизнь на «гражданке», как и предсказывал подполковник Богданов, у Бессарабова не сложилась. Советский Союз агонизировал: от веры в завтрашний день и в справедливое устройство мира вскоре не осталось и следа. Полторы тысячи марок ФРГ, обмененные Володиной на «чёрном рынке» на четыре с половиной тысячи рублей, в результате Павловской денежной реформы в январе 1991 года и ежедневной инфляции превратились в пыль. Вскоре и СССР развалился на пятнадцать частей. Та маленькая часть некогда великой страны, в которой оказался Бессарабов, о своих гражданах не заботилась совершенно, тратя всё время на то, чтобы разделить советское наследство и набить собственные карманы. В соседних республиках, куда ещё можно было уехать, дела обстояли не лучше. Даже Россия, к которой Володя ещё некоторое время продолжал испытывать ничем не оправданное чувство любви, погрязла в анархии и коррупции. Но и эту неразделённую любовь убил пьяный в стельку президент РФ Ельцин, когда 31 августа 1994 года на параде в честь вывода Западной Группы войск из Германии сначала чуть не упал на ступенях Трептов-парка, затем, отобрав у дирижёра его палочку, стал дирижировать немецким оркестром, сопровождая этот процесс телодвижениями безумного павиана, и, наконец, хриплым голосом алкоголика запел «Калинку-малинку». У наблюдавшего это по телевизору Бессарабова на лице застыла какая-то кривая улыбка.

Впрочем, так Володя уже давно встречал все перемены. Впервые подобная ухмылка, больше похожая на оскал, появилась на его лице 9 ноября 1989 года, в тот момент, когда рухнула Берлинская стена, похоронив под своими обломками оставленную Румыном без присмотра Германскую Демократическую Республику...

Георгий КАЮРОВ

П.П.Ш.

Рассказ

Над положим полем задиралось солнце, нижним краем теряющееся за маковками деревьев, окаймляющих надел в самой верхней границе холма. Словно наперегонки с солнцем – кто выше взберётся – выбрасывая клубами пыли по сторонам, к центру поля устремилась серая «волга». Она ехала к возвышающимся строительным лесам. Когда-то в этом месте стояла церковь. Во время войны разбомбили её, а разобрать всё не решались, так и обпахивали руины. Поговаривали, под церковью огромные подвалы и запутанные ходы. Поначалу слухи ходили разные об этих подземных ходах, но толком никто ничего не знал, а с годами и позабылось. Среди людей боязнь церковных руин

закрепилась, так по наследству слухами и передавалась. Мальчишки из соседних сёл лазали, но тоже ничего толком не рассказывали.

С наступлением перестройки взялись восстанавливать храм. Огородили лесами, поставили огромный забор и вмиг накатали большегрузами колею. Всё везли и везли строительный материал. Работающие в поле по соседству колхозники наблюдали, как обратно вывозили машинами горы битого кирпича.

На прошлой неделе прошёл слух – у западной стороны фундамента раскопали захоронение из человеческих костей. Срочно вызвали представителей общества «Память» и научного сотрудника из областного музея. И, как первый результат, секретарь райкома вёз на собственной машине тётю Пашу. Все эти годы тётя Паша твердила о том, что в церковных руинах похоронен её супруг. Куда только ни писала, чтобы начали поиски, но всё тщетно. И вот теперь всё подтвердилось. Поисковики решили пригласить её. Секретарь, сидя у окна и пристально вглядываясь вдаль, нет-нет тяжело вздыхал и покачивал головой.

– Тётя Паш, с какого года, говорите, живёте здесь? – завёл разговор секретарь, словно сам себе не верил. Ведь он-то хорошо знал, с какого года, но именно сейчас усомнился.

– Дак после войны и приехала, – ответила женщина, тоже не отрывая взгляда от окна. – Помнишь, как тебя голозадного гоняла крапивой из наших лопухов? – неожиданно сказала тётя Паша. Секретарь только улыбнулся в ответ – когда это было?! Он пристально всмотрелся в лицо ветерана, но по нему никак не мог понять настроения женщины. Он только сейчас поймал себя на том, что такие лица пожилых людей он видел везде: и у себя в приёмной, и в булочной, и в троллейбусе, и на приёме у врача, и просто идущих по улице. Они все проходили мимо него и никак не касались его личной жизни. Теперь же одно из таких лиц сидит рядом с ним в машине, и это лицо их многолетней соседки и подруги матери – тётя Паши.

В это путешествие тётя Паша собралась как на парад. Надела всё новое – косынку, яркое платье, туфли и даже повязала платочек на запястье. На груди у женщины постукивали две потемневшие медали с растрепавшимися лентами. В складках платья прятались планки ранений. Они нет-нет выскакивали на вид, когда машина подпрыгивала на кочке, и снова их прикрывала складка.

– Едем, а может, нет его там, – задумчиво проговорил секретарь.

– Теперь я вдова солдата, – словно не услышав слов секретаря, тихо сказала тётя Паша.

– А до этого кем были? – с иронией в глазах секретарь посмотрел на женщину.

– До этого была женой без вести пропавшего, – и тётя Паша твёрдым взглядом посмотрела на собеседника. Её взгляд красноречиво показал – она не приемлет его легкомыслия.

– Какая разница? – не выдержав столь пристального взгляда, секретарь отвернулся, но краем успел ухватить, как тётя Паша покачала головой, взгляд её смягчился, и наполнились слезами глаза. Она не ответила, а он почувствовал, с каким горьким укором женщина отвернулась от него. Остаток пути доехали молча.

Навстречу почётным гостям вышли поисковики – группа молодых людей, состоящая из девушек и ребят, добровольно разыскивающих захоронения воинов, погибших во время Великой Отечественной войны; малочисленные строители и учёный-историк из краеведческого музея. Молодые люди помогли женщине-ветерану выйти из машины и, поддерживая её под руки, вместе направились к найденному захоронению. Следом шёл секретарь райкома, озабоченно разглядывая всё вокруг и прикидывая, какую территорию пашни разворотили строительством и самосвалами и какой урон понёс колхоз. Уже неоднократно ему приходилось выслушивать укоры на заседании областного совета, да и председатель колхоза, которому принадлежала эта земля, бузу поднимал при каждом удобном случае.

У края ямы лежали растянутых два брезентовых полотна. На одном укладывали найденные вещи, а на другом – группами были сложены кости. Рядом с некоторыми группами костей лежал череп – это означало – целый солдат. Пока нет черепа, нет воина.

У брезента с вещами для ветерана подготовили табурет. Тётя Паша ещё издали пробежала глазами с вещи на вещь. Глаза слезились, она уже сняла с запястья платок и часто протирала им мокрые щёки. Для этого ей приходилось останавливаться, а протерев, она виновато смотрела на молодёжь, как бы извиняясь за причинённые неудобства и за то, что те вынуждены переносить её медлительность.

– Спасибо вам, ребятушки, – тихо говорила она и, беря сопровождаемых за руки, подолгу вглядывалась им в глаза. И снова тётя Паша оглядывала предметы, выложенные на брезенте. У самого края брезента неожиданно её взгляд остановился на неопределённом чёрном предмете, сильно испорченном временем и подземным хранением.

Тётя Паша протянула руку, указывая на этот предмет, и от неожиданно нахлынувшего переживания губы её затряслись, ноги подкосились. Едва успели подставить табурет, тётя Паша буквально рухнула на него. Молодой человек поднял предмет и повертел в руках, пошкрябал ногтем по поверхности. Уже подавая ветерану, он обратил внимание на открывшуюся надпись.

– Что это написано? – всматривался он в буквы. – П. П. Ш. Что это? – И юноша повернул предмет надписью к напарнику.

– Пистолет-пулемет Шпагина, – расшифровал аббревиатуру коллега.

– Может, в неё патроны запасные складывали, или часть приклада, – предположил молодой человек.

– Кто-нибудь, быстро принесите воды! – что было мочи закричал секретарь, хватая тётю Пашу за плечи, которая, теряя сознание, чуть не свалилась наземь. – Николай, помоги!

С подбежавшим водителем они перенесли женщину в машину.

– Быстро в больницу, – приказал секретарь. – Потом за мной вернётся.

– Сделаем, – отозвался водитель, и «волга» сорвалась с места.

Тем временем поисковики колдовали над занятой вещицей, так взволновавшей ветерана. Один из молодых людей очищал её поверхность от старой кожи, которой, по-видимому, была обклеена деревяшка.

– Ребята! Она должна раскрываться! – неожиданно воскликнул он.

Все поисковики и секретарь окружили молодого человека. Тот заложил нож в появившийся прорез и аккуратно двигал им из стороны в сторону. Долго старое дерево не хотело раздвинуться – сминаясь под давлением металла, струшиваясь от старости.

– Да расколи ты его, – выдавая в голосе нетерпение, предложил кто-то из его коллег, но молодой человек упорно двигал лезвием ножа из стороны в сторону, обходя по кругу деревянную вещицу.

Вдруг деревяшка скрипнула и поддалась, образовав обнадеживающий зазор. Там внутри зазора желтело дерево. Молодой человек, раскачивая половинки из стороны в сторону, медленно их раздвигал. Когда вещица раскрылась, собравшиеся не успели перевести дыхания, а замерли, затаив его, и не отрывали глаз от содержимого вещицы.

– Надо же, это деревянный портсигар, – сообщил секретарь. – Столько лет прошло, а бумага сохранилась как новая.

Молодой человек достал свёрнутый вчетверо тетрадный лист в косую линейку и уже трясущимися пальцами развернул его.

– Тихо ты, не порви, – одними губами проговорил кто-то.

– Она крепкая, – пояснил молодой человек, пробегая глазами по строчкам открывшейся записки.

– Что там? Что там написано? – загалдели со всех сторон.

– Товарищ секретарь, читайте вы, – молодой человек передал записку секретарю, а сам едва успел отвернуться, чтобы скрыть от товарищей слёзы.

– Ребята! Это письмо, – секретарь поднял на всеобщее обозрение листок и, выдержав паузу, начал читать:

Здравствуй моя дорогая и любимая!

Пишет тебе твой супруг Кузьма.

В первых строках своего письма спешу сообщить, что я жив и здоров. Завтра наконец в бой. Почти месяц провели в этих окопах и это третье и последнее письмо. Следующее напишу уже из новых. Командир сказал утром дадут двойные фронтовые. Видно тяжело будет. Ты не думай ничего плохого. Я выкарабкаюсь. Так уже бывало. Помнишь, как мне осколком брюхо вспорол, а ты кричишь беги в медсанбат. А я

тебе – как бежать. А ты мне – кишки в утробу сложи и беги. Тогда я так и сделал и как видишь жив и здоров и даже мы после поженились. Тебя не испугало, что брюхо мне вспорол и кишки валялись по земле.

Дорогая моя и любимая я и в этот раз выживу. Осталось совсем чуть-чуть. Командир сказал, что до нашей границы осталось тридцать девять километров.

У моего отделения задача очень простая – добежать до церкви и закрепиться. О ней я тебе уже писал. Всем взводом дивимся. Везде бомбят, а в неё не попадают. Стоит себе и стоит. Когда я вернусь мы с тобой приедем сюда и обвенчаемся в этой церкви. Будет и у нас судьба нерушимая как у неё.

Ну вот и всё.

Любящий тебя твой супруг Кузьма.

Солнце уже поднялось высоко, а жаркое обсуждение не утихало. Девчата восторгались судьбой письма и бесстрашными, любящими сердцами даже во время ужасной войны, как пример тому, тётя Паша. Строились разные догадки и предположения. Секретарь поделился с молодёжью воспоминаниями, как тётя Паша приехала много лет назад, практически сразу после войны, и поселилась в их местах. Он тогда был совсем мальчишкой, но до сих пор помнит её рассказы о том, как в этих местах воевал её муж и они собирались после войны вернуться сюда жить. К возвращению машины секретаря поисковики успели обговорить многое и теперь сидели, погружённые в свои мысли, но их глаза горели, переполняемые чувством исполненного долга.

– Почему она приехала? – задумчиво проговорил белобрысый паренёк.

– Ты что, письма не слышал? – возмутилась девушка, сидящая рядом с ним. – Они с мужем собирались в этой церкви обвенчаться.

– Чего ты? – обиделся на резкий тон коллеги белобрысый. – Я, правда, не понял, они обвенчались или нет?

– Заткнись! – рыкнула на него девушка.

– Может, это письмо не ей адресовано? – упрямылся белобрысый.

– Заткнись, сказала! – взорвалась девушка.

– Ребята, машина! – заметил кто-то из поисковиков.

Снизу поля поднималось облако пыли. Ребята повскакивали со своих мест. Секретарь положил письмо в папку, на неё – заветную вещицу – портсигар и с торжественным видом стоял в центре. «Волга» вкатила на стройплощадку на полном ходу и, резко затормозив, остановилась у самых ног ожидающих, обдав всех пылью и строительным сором.

– Николай! – вспылл секретарь на вышедшего из машины водителя. – Сдурел совсем!

– Умерла, – срывающимся голосом проговорил водитель.

– Кто умерла? – не понял секретарь. – Где тётя Паша?

– Сердце, – сжатыми губами процедил Николай.

– Ничего не понял. Говори внятно, – снова вспылл на недотёпу-водителя секретарь: – Почему умерла? То есть, как умерла? А это? – секретарь протянул папку с письмом и портсигаром, но Николай что было мочи отвернул голову, пряча льющиеся ручьями слёзы. Секретарь обвёл глазами замерших поисковиков и опустил на табурет, силой сжав себе рот, чтобы не взречь.

На всю округу опустилась тишина. Солнце зло палило. Восторг десятка молодых людей сшибло трагической вестью. С потерянными лицами сгрудились вокруг папки с портсигаром молодые поисковики, устремив застывшие взгляды на тетрадный листок в косую линейку, исписанный крупным карандашным почерком солдата.

– Товарищ секретарь, – неожиданно проговорила сухим голосом девушка, которая некоторое время назад приструнила белобрысого: – Как фамилия тётя Паши?

– Шаповалова, – тяжело задумавшись, проговорил секретарь и, обведя всех взглядом, добавил: – Павла Платоновна Шаповалова.

– ППШ, – тихо отозвался молодой человек, поворачивая к секретарю деревянную вещицу с аббревиатурой П.П.Ш.

Виктор АФОНИЧЕВ

Родился и проживает в городе Искитиме Новосибирской области. Окончил Новосибирский электротехнический институт. Служил в армии офицером, теперь трудится на заводе. Пробовать писать начал с 2007 года. Печатался в «Юности», «Литературной учёбе», «Ниве» и других изданиях.

Четыре незатейливых истории

Где советская власть?

(старорежимная история, 80-е годы прошлого столетия)

Дембель Морковкин, лёжа на стареньком матрасе на чердаке полкового клуба, размышлял о жизни. Что он – дембель, с вытекающими этому состоянию преимуществами, и что меньше чем через полгода он – гражданский человек. От таких мыслей приятная истома растекалась по всему телу. А доносившиеся с плаца команды: «Раз, два. Раз, два», где «чижы» и «черпаки» занимались строевой подготовкой, резонировали и без того хорошее настроение. «Зашибись», – произнёс он вслух и перевернулся со спины на бок. Вид шифера и досок сменился видом двух плакатов, приставленных к стропилам. Морковкин громко по слогам прочитал: «Профсоюзы – школа коммунизма», а на следующем «Коммунизм – это есть Советская власть плюс электрификация всей страны», и подпись – «В.И. Ленин». Задумался. Знакомые же слова! Напрягся, умственный процесс пошел и через некоторое время дал результат. Профсоюз – подарки к Новому году, пионерский лагерь и квартира. Коммунизм – сплошная халява, когда можно ничего не делать, а всё дадут, что пожелаешь. Этот винегрет умозаключений отрыгнул мозг из глубин памяти. Ещё некоторое время подумал и, хлопнув себя ладошкой по лбу, изрёк: «Молоток!» После сказанного спешно спустился с чердака и пошёл искать замполита. Он, может быть, и побежал, толкаемый мыслями, но статус не позволял этого делать.

Замполит Панасюк в Ленинской комнате портил глаза газетой «Правда». Он так бы их и портил до обеда, но дверь открылась, и в проёме появился Морковкин.

- Разрешите? – спросил вошедший.
- Заходи, – голосом строгого, но справедливого и любящего командира произнёс замполит.
- Товарищ майор, разрешите обратиться?
- Обращайся.
- Дайте мне, пожалуйста, рекомендацию в профсоюз, – с простодушным видом озвучил свою просьбу Морковкин.

– Не понял?! Куда? – явно не улавливая тему разговора, переспросил политработник.

– В профсоюз хочу, – голосом уверенного в своей цели человека произнёс рядовой.

– В армии есть партия, комсомол, особый отдел и гауптвахта. Профсоюз уставом в армии не предусмотрен, – довёл замполит до подчинённого структуру вооружённых сил страны.

– Профсоюз есть школа коммунизма, товарищ майор! Хочу учиться на жителя коммунизма, товарищ майор! Как завещал товарищ Ленин, товарищ майор! – громко и чётко отпартовал Морковкин и в конце разговорчески прошептал: – Хочу в коммунизм.

– Это ещё не скоро, товарищ рядовой, – успокоил Панасюк.

– А по рекомендации? – свой вариант попадания в светлое будущее предложил Морковкин.

– Как по рекомендации? – непонимающий возглас замполита. Далее, стуча по воздуху кулаком правой руки, он довёл свою мысль до подчинённого: – Коммунизм наступит для всех жителей Земли одновременно. И про тебя, Морковкин, обещаю, не забудут.

– Что такое коммунизм? – сверля глазами собеседника, задал вопрос дембель.
 – Ну... – не смог сразу ответить майор.
 – А это есть Советская власть плюс электрификация всей страны, – помог Морковкин. Ещё раз, сверля глазами оппонента, спросил: – Правильно?
 – Правильно, – с облегчением произнёс замполит.
 – Страну мы электрифицировали? – задал очередной вопрос рядовой.
 Панасюк задумался.
 – План ГОЭЛРО выполнили? – продолжил дембель допытываться до политработника.
 – Да, – согласился замполит.
 – Тогда что, Советской власти нет? – наморщив лоб и сведя брови вместе, спросил Морковкин.
 – Это почему? – насторожился майор.
 – Если одно слагаемое есть, а сумма не выходит, значит, второго слагаемого нет. В нашем случае коммунизм – сумма, одно слагаемое – электрификация всей страны, а второе слагаемое, наличие которого сейчас ставится под сомнение, – Советская власть, – знания из области арифметики продемонстрировал Морковкин.

Замполит тут же обильно вспотел и закричал:

- Где ты всего этого начитался?!
- На чердаке, – с невозмутимым видом ответил дембель.

Через десять минут командир полка, замполит и Морковкин уже вместе на чердаке полкового клуба разглядывали плакаты.

- Было такое, – покопавшись в памяти, произнёс командир.
- Троцкисты, – проведя под фуражкой свои археологические раскопки, добавил замполит.

Следующую пару месяцев Панасюк проявлял чудеса зоркости и быстроходности, чтобы не столкнуться с «политически подкованным» дембелем. А с выходом приказа министра обороны об очередном увольнении в запас принял самое активное участие в его демобилизации. На ноябрьские праздники, а не на новогодние, как ранее планировалось командованием части, Морковкин дома пил чай и не только его с мамиными пирожками.

Несоответствие

Советское время, окраина города, новостройки. Чуть ли не каждую четверть в классе новые лица. Для них всё с чистого листа, в прошлом остался имидж отличника или двоечника, грозы школы или паймальчика. Теперь репутацию надо зарабатывать заново. Я с родителями переехал в этот район четыре года назад. Мнение обо мне у окружающих сложилось уже давно, я здесь свой.

Те летние каникулы для большинства нас, гоняющих мяч на пустыре за забором очередной стройки – это последнее лето детства. Кто-то, через год окончив школу, поступит в институт, кто-то пойдёт работать, кто-то служить в армию. А пока мы, сколько есть мочи, не жалея сил, пытаемся прорваться к чужим воротам, обозначенным двумя кирпичами, от души бьём по мячу, стараясь забить гол. И спорим, надрывно крича, активно жестикулируя, растрчивая ещё больше энергии, чем во время игры: «Куда попал мяч?» Аргументируя своё мнение следующими словами: «Как ты мог видеть?! Ты же вон там стоял! Мне только было всё хорошо видно». Поэтому у каждой команды свой счет, и никто не считает себя проигравшим.

Он подошёл к нам во время игры в каких-то нелепых солнцезащитных очках, в белой матерчатой кепке, по форме напоминающей коровью лепёшку, в футболке с изображением звёздно-полосатого флага и надписью USA. На нём также были надеты в полоску узкие короткие штаны, державшиеся от сползания на широких подтяжках с логотипом известной фирмы, и кроссовки «ADIDAS». Между кроссовками и концами брюк пространство занимали носки с узором в виде птицы, по всей видимости – орла. Одним словом – «фирмач». Правда, лет через пятнадцать по телевизору нам расскажут, что это всё шилось в Одессе или на Кавказе и не имело никакого отношения к фирменным вещам. «Фирмач» являлся человеком новым, переехавшим этим летом в наш район и пока не успевшим ни с кем подружиться.

Первого сентября он придёт к нам в класс, и там произойдёт более близкое знакомство с ним. Его воспитывала одна мать – женщина состоятельная, так как занимала какую-то руководящую должность на местной кондитерской фабрике. Недостаток внимания к сыну она компенсировала не стеснением его в денежных средствах. По прошествии нескольких лет после окончания школы, вспомнив о нём, я расценил её тогдашнюю позицию как откуп. Тем не менее он не был испорчен материальными благами, был

прост в общении, непосредственный и искренний в поступках и никогда не отказал никому в помощи. Футболка со звёздно-полосатым флагом, узкие короткие брюки – это всего лишь потуги выделиться из общей массы, попытки быть оценённым окружающими. В армии он попадёт в Афганистан, сам попросится. И погибнет, вытаскивая раненого товарища из-под обстрела моджахедов. Будет посмертно награждён, а на входе в нашу школу в память о нём повесят мемориальную доску.

– Здорово, пацаны! – громко поприветствовал он нас.

– Здоровее видали, – кто-то за всех ответил ему.

Он снял очки, и нашему взгляду пристала его разукрашенная физиономия. Вокруг глаз были чёрные круги, верхняя губа припухшая, нижняя рассечена.

– И кто это тебя?

– Да не спрашивайте, – страдальческим голосом промямлил наш собеседник.

– Колись, – потребовали мы.

– Что тут рассказывать. Называется: съездил к тётке в деревню.

– У нас тоже родня в провинции живёт, но мы ведём себя там прилично, – кто-то высказал своё мнение этой ситуации.

– Автобус не идёт до места, – продолжил он свой рассказ, – а только до свёртка. После ещё семь километров пешком. Иду я, значит, налегке, ничего не предвещает, наслаждаюсь жизнью. Тут слышу звук, и это не пение птиц и не зверь рычит. Пригляделся – два мотоциклиста едут навстречу. Поравнялись – такие же парни, только деревенские.

– Здорово, – говорят.

– Здравствуйте, пацаны, – я им в ответ.

– Закурить дай, – убедительно так просят, сжав кулаки.

– Не курю я, ребята, – стараюсь быть максимально вежливым в разговоре.

– Тогда, на тебе, – и в зубы один из них наотмашь.

Итог – губа разбита. Они поехали дальше, а я продолжил свой путь. Не далеко отошёл, опять этот звук. Не успел убежать, догнали. Добавили.

Учёный стал, уже по дороге не иду, кустами да по обочине пробираюсь. Тут тоже – неудача, в поле зрения пастухов попал. Прячусь, значит, что-то напакостил – рассудили они. И в воспитательных целях кнутом по спине стеганули. Как диверсант в тылу врага, петляя, крадучись, добрался до тёткиного дома. А там, около калитки парень стоял. Оказывается, он сестру мою двоюродную вызывал. Она – дура, себе цену набивала. Мол, у неё в городе ухажёр имеется. Но тот и подумал, что я – тот кавалер. Перепало мне ещё раз.

С надеждой в глазах услышать разумное объяснение произошедшему, он свой рассказ закончил вопросом:

– За что они меня?

– Понимаешь, твой внешний вид не стыкуется с их внутренним мировоззрением, – кто-то из нас ответил ему.

P.S.: Об его подвиге в Афганистане я узнал из районной газеты. Боевой товарищ, спасённый им, был местный из той деревни, в которую он шёл в своё последнее лето детства.

Клубничное эльдорадо

Пенсионер Кузякин Николай Семёнович, проснувшись утром, открыл глаза, осмотрелся. Понял, ещё живой, так как находился не в аду и даже не в раю, а у себя на даче. Пошевелил конечностями. Тело с трудом, но подчинилось воли хозяина. Прислушался к работе организма в целом. Организм, хаотично, не в такт, булькая, посвистывая и поскрипывая, всё-таки функционировал. «Жизнь продолжается», – сделал вывод Николай Семёнович. После вынесенных умозаключений поднял себя с постели и принялся за необходимые утренние процедуры. По ходу дел также не забыл выпить чаю и съесть бутерброд с колбасой и с сыром.

День začínался солнечным, небо голубое, бездонное, ни одного облачка на нём. Такое же было и настроение у Николая Семёновича – радостное и безмятежное. Взяв на веранде пустое ведро, напевая под нос песенку, услышанную вчера вечером по радио, он принялся собирать клубнику. Когда поспевшая ягода была уже вся в ведре, со стороны станции послышался шум тормозящего электропоезда. Кузякин в этот момент отчётливо представил, как по вагону с двумя сумками в руках, широко расставив ноги,

походкой моряка во время качки, на выход продвигается Пелагея Петровна – его соседка по дачному участку. Мигом смазалась гармония настроения с шептанием погоды.

Дачники делятся на три вида: на трудоголиков, на отдыхающих и на дачников, которые пристально следят за другими дачниками. При этом их мучают два вопроса, переходящие в возмущение: «Почему такие хорошие урожаи у трудоголиков? И почему отдыхающие не работают?» К третьему виду дачников и относилась Пелагея Петровна.

Николай Семёнович решительными движениями вытащил из сарая шестиведёрную оцинкованную ванну и поставил её в зоне видимости соседской дачи. На низ ванны сложил ботву, накрыл её полиэтиленовой плёнкой и аккуратно сверху горкой разложил клубнику. Отошёл несколько шагов от своего творения. Картина радовала. Принял вид, что дальше собирает ягоду, и стал ждать. Вскоре боковым зрением заметил на соседском участке Пелагею. Та бегло осмотрела свои владения и подошла к забору.

– Здравствуй, Семёныч!

– Доброе утро, Пелагея!

– Как урожай?

– Да не жалуюсь.

– Это что у тебя? – указывая пальцем в сторону ванны, спросила она.

– Вот ванну клубники собрал. Сына жду, на машине должен подъехать за урожаем, – выпрямившись, Семёныч тыльной стороной ладошки провёл по лбу и после небольшой паузы добавил: – Уже сегодня он одну увёз.

Похоже, Пелагея в детстве хорошо играла в игру «Замри». А жизнь продолжается.

Степашкины университеты

Моему коту Стёпке посвящается.

Ночь. Городская квартира. С мыслями о завтрашнем дне только что уснула хозяйка. Её изменившееся дыхание зафиксировало чуткое кошачье ухо. Кошка, по кличке Жозефина, тихо промурлыкав, пригласила котят подвинуться к ней поближе. Уже подросшие плюшевые создания прижались к маме. Она, облизывая своих детёнышей, урча еле слышно, начала очередной рассказ-урок:

Милые мои котятка, как ни прискорбно, но приближается день, когда нам с вами придётся расстаться. Прошло три месяца, как вы появились на свет. Люди считают, что к этому времени котятка подготовлены к самостоятельной жизни. Поэтому заводчик, так именует себя наша хозяйка, в ближайшие дни начнёт распродавать вас. Будут приходить люди и выбирать понравившегося котёнка. В первую очередь они обращают внимание, чтобы вы были активными и задиристыми. Человек – грубое и невежественное существо. Лупите лапами друг друга, и вы произведёте на них впечатление. Они выбирают вас, а вы выбирайте их. Самым лучшим хозяином будет одинокая женщина. Всю свою нерастратченную любовь она отдаст вам. Самый худший вариант – семья с мальчиком со сбитыми коленками. И к старой кошке ходить не надо, попав к ним, спокойной жизни не ждите. В любую минуту возможен подвох от этого маленького бандита. Его мышление, испорченное воспитанием, данным ему ранее, ничего хорошего не выдаст, только как, давя на хвост, накормить вас хлебом или с усердием подкидывать вверх, добываясь, чтобы вы приземлились, только не на лапы. А папа с мамой будут питать надежды, что он, заботясь о кошке, станет хорошим мальчиком.

Жозефина на минуту сделала передышку, что-то вспомнив своё, и продолжила дальше мурлыканье: Люди к себе в дом берут котят по трём причинам:

Первая, чтобы таскать нас по выставкам. Когда самим показать нечего, они демонстрируют кошек. Благодаря нашей красоте и грации они удовлетворяют собственное тщеславие.

Вторая причина – для продажи полученного приплода. То есть – корысти ради.

И третья причина – в качестве домашнего любимца.

Правда, любовь человека бывает быстротечна. Сколько наших собратьев по прошествии некоторого времени были выброшены на улицу! Я надеюсь, такая участь не постигнет моих детей, так как вы будете иметь для людей материальную ценность, эквивалентную той сумме, за которую они вас купят. А деньгами они дорожат даже больше, они их страстно любят.

По рассказам котов-медиумов, способных считывать информацию из книг, люди наделили нас массой положительных качеств. В книге Льюис Кэрролл «Алиса в стране чудес» один из волшебных героев чеширский кот, прозванный так по одноимённому графству в Англии, – наш далёкий предок, умел улыбаться. И это получается только у нас – у британской породы кошек. Француз Шарль Перро описал другого

чудесного кота, который жил при монастыре близ города Шартр, охранял винные подвалы от набегов крыс, разговаривал на человеческом языке и творил много всего интересного. А одну из своих сказок вообще назвал «Кот в сапогах», где сделал кота главным персонажем, представив его умным, отважным, ловким и благородным героем. Пушкин пошёл ещё дальше – возвёл жизнь кота в образ мечты любого человека. Высокий социальный статус – учёный; ничего не делает, кроме как гуляет вокруг дуба; также у героя присутствует атрибут финансовой успешности – большая золотая цепь на шее. И душа у кота радуется: «Идёт направо – песнь заводит, налево – сказку говорит». Как мурлычат в Одессе: «Чтобы я так жил».

В приписывании нам таких достоинств нет ничего удивительного. Мы – одной крови с венценосной особой львом. Да и тигр – не последняя тварь на земле, тоже – кошка. Поэтому, чтобы не опозорить свой род, в новом доме надо сразу себя зарекомендовать. Если есть собака, спину – дугой, громко шипеть на неё, если что – лапой по морде. Как правило, этого бывает достаточно, чтобы «друга человека» поставить на место. Попугайчики, хомячки и рыбки пусть сами боятся вас. Помните, в новом доме вы такие же полноправные хозяева, как любой человек или животное, проживающие в нём. Но не надо зарываться, ведите себя достойно в новом жилище. Постарайтесь понять и в дальнейшем соблюдать правила, принятые там.

Речь человека разобрать невозможно, она – бессмысленна, следите за интонацией и по ней ориентируйтесь, что можно делать, а чего нельзя. Первым делом определитесь, куда вам ходить в туалет. Его, скорее всего, найдёте по запаху. Заводчик отдаст новому хозяину тряпочку с вашими испражнениями, а он её уже положит куда надо. Если по запаху туалет найти не удалось, то при возникновении желания начинайте ёрзать. После этого вас должны переправить в отведённое место. Также вас отнесут и покажут соответствующими движениями, обо что точить когти, как стоит вам только настроиться на это дело. На какие-то ваши действия человек может начать издавать громкие звуки. Не пугайтесь за него, он не заболел. Через пять минут он успокоится и его поведение вернётся в норму. Если на вас люди не будут обращать внимание, верное средство – разбежаться и прыгнуть на шторы или скинуть что-нибудь со стола. Увлечательная игра в догонялки после этого вам будет обеспечена. Спать престижнее на хозяйской постели. Не допускайте, чтобы в доме была закрыта хотя бы одна дверь. Скребите её, мяукайте, но добейтесь своего. Ну а дальше вам совсем не обязательно входить в открытую комнату. Вы – свободное животное, могли и передумать, пока это нерасторопное создание поднималось с дивана. В отношениях с людьми сохраняйте независимость, которая не позволит им стать хозяином над вами. Стремитесь сами властвовать. Мы – венец эволюции. Ничего не делаем, а нас кормят и ещё вдобавок убирают за нами дерьмо.

Примерно через две недели вы должны привыкнуть к новому жилищу, не будете уже тосковать по своей маме, братьям и сёстрам. На приручение человека уйдёт чуть больше времени, тут главное – настойчиво добиваться выполнения им нужных для вас действий.

В жизни не всегда бывает всё гладко, при возникновении душевного дискомфорта – вылизывайте себя. Это снимет стресс и придаст вашему облику внешний лоск. Ещё новый хозяин должен вам дать имя. Ни в коем случае не откликайтесь на Агдама или Портвейна, что касается девочек, даже в английском звучании, на Vabs. Пусть с такими кличками живут безродные кошки. Папу у вас зовут не Васька или Мурзик, а Цезарь. Поэтому вам лучше подойдут имена Мачо, Бэтмэн. Для девочек – Аурика, Вилья-Долорес. Как такое что-то подобное от человека услышите, подбегайте сразу к нему, тритесь около ног и мурлыкайте. Будем надеяться, вам достанется не совсем глупый хозяин.

Григорий ЕРМОЛАЕВ

Родился в 1985 году в г. Екатеринбурге (Россия). Учился в УрАГС. Работает в сфере логистики. Пишет рассказы, миниатюры, эссе. Публиковался в журналах «Мост», «Край городов». Интересуется психологией, социологией, литературой. Любимые писатели: Л.Н. Андреев, А.П. Чехов, Э.М. Ремарк, А. Камю.

Грех

Лиза стояла лицом к окну и тревожными движениями теребила спадающие на плечи длинные волсы. Звук приближающихся шагов за дверью словно пробудил её. Лиза вздрогнула. Послышался стук. Бледная женская рука потянулась к дверной ручке. Дважды щелкнул замок. В отворившуюся дверь, не говоря ни слова, вошел мужчина в черном пальто и драповой фуражке. Он пристально посмотрел в большие Лизины голубые глаза:

– Я не стану этого делать. Ваша великая идея – это вздор!

Мужчина отвернулся и, достав из-за пазухи бумажный сверток средней величины, увесисто швырнул его на письменный стол...

В комнате воцарилось напряженное молчание...

– Ставка этого не одобрит! В столице на тебя рассчитывали... – сжавшись, вымолвили молодые женские губы.

– Какое мне дело?! Я больше не с вами. Взгляни на человеческую историю! Это же в основном страдания, сплошные страдания, вы не сумеете наполнить её чем-то иным для большинства.

– Мы хотя бы не опускаем рук...

– Лишения, дисциплина, борьба, но главное – краеугольный камень всей этой феерии – идея. Нет, это не для меня. Теперь уже не для меня. Я много думал. Я разочаровался... – сняв фуражку, мужчина скомкал её и сжал в кулак.

– Страдать не хочется?! Испугался?! – лицо девушки выражало отвращение. – Ты трус! – с силой выпалила она. – Как можно не хотеть возвыситься через страдание?! Тем более ради идеи! Ради такой идеи!

– Не смей меня оскорблять! – заорал человек в пальто. – Я свято верил! Только тот, кто слишком сильно верил, может разочароваться! Да и каким глупым вопросом ты разродилась: «Как можно не хотеть возвыситься через страдания?!» А как можно, например, не хотеть работать без интереса, без искры в глазах?! Так же и со страданием! Нашла, тоже мне, фетиш! И-дэя, нар-од, – мужчина состроил пренебрежительную физиономию и с саркастической интонацией коверкал слова. – Ну и что хорошего в бледной героической фигуре страдальца?! Ну, объясни мне! Объясни же! К счастью, я теперь уже предельно глуп для понимания величия таких истин.

Лиза вновь подошла к окну, её взгляд устремился вдаль сквозь заиндевевшее стекло:

– Только возвышаясь над собой, человек становится человеком...

– Чёрта-с-два! – мужчина раздосадовано махнул рукой и плюнул в сторону. – Посмотрите на неё, – героиня! Измыслила себе бремена неудобноносимые! – он стал ходить по комнате из стороны в сторону, рассуждая и порывисто жестикуюлируя: – Да и как тут не измыслить: за этим ведь века предрассудков и жестокой необходимости... Неизбежность страданий для большинства создала эстетическую и этическую потребность канонизации этих страданий. А тут уж никак не обойтись без рождения трагического героя, без романтического ореола, окружающего его бледный изможденный лик. Куда уж при таком раскладе нам, простым смертным, стремящимся просто жить! Среди торжества героев с их бескорыстной жертвен-

ностью, желания обывателя – всегда преступление, всегда слабость, всегда унижение, всегда ГРЕХ... Я уж не упоминаю о праздности, беззаботности, наслаждении и интересе... Ведь все это так просто и так естественно... Не ты ли росла в усадьбе отца, почитывая романы?! Ты так и осталась капризной, избалованной девчонкой! Это все поза! П-о-з-а! Страдание не бывает живописным, как его хотят видеть многие. Страдающий не захочет ничего кроме покоя. Он не захочет геройства и жертвы, он мечтает просто танцевать и улыбаться... как дитя... Просто танцевать и улыбаться, понимаешь?!

Лиза резко повернулась, красивое лицо её побледнело и исказилось гневом, дрожащий голос сорвался на крик:

– Я сегодня тоже жестоко разочаровалась! Ты ничего про меня не знаешь, про страдания «капризной девчонки»! Но при том считаешь себя вправе судить обо мне, подлец, и ведь не сомневаешься в этом праве! Ты ужасен в своем двуличии! Ты скользок, как уж! Вчера ты перестал верить в Бога, сегодня предал нас, завтра для тебя вообще не останется ничего святого! Уж лучше геройство, чем такая бесхребетность! Наши идеи – это не слова на ветер... Чтобы многие танцевали и улыбались, кто-то должен пожертвовать собой! Ты сам сказал, что история и жизнь большинства пишутся слезами и кровью. Так на что же, по-твоему, надеяться этим людям? Тем, для кого ничего не остается кроме тягот и лишений? Что им делать, бездушный ты человек?! – Взгляд голубых глаз выражал озлобленность и непонимание. Рыдания подступали к горлу, но девушка их привычно сдерживала.

Раздался смех. Мужчина истерически захохотал.

– Да схема-то отработана! Я же говорю тебе – КА-но-ни-зи-ро-вать страдания, ничего больше не остается, и-и-и-и... – он поднял указательный палец, изобразив приторное благочестие на лице, – возжелать этого страдания всем сердцем...

Вновь с полминуты длилось молчание. Мужчина, поглаживая рукой небритое лицо, пару раз прошелся вдоль комнаты.

– Хотя, – продолжил он, – в этом случае я бы поставил вопрос более остро: что остается человеку, если он обречен на страдания, но при этом не видит в них никакой ценности и неистово, вопреки обреченности своей, хочет жить, дышать, радоваться?! И если никакая жертва, никакая борьба не может исправить такое положение?! – он выпучил глаза на Лизу, подавшись в её сторону всем телом. – Какие к черту идеи! Поверь, когда-нибудь это станет основным вопросом философии! – он вновь было зашагал; вдруг внезапно остановился и нахлобучил фуражку. – Можешь не отвечать: я знаю, что ты скажешь. Тут можно либо соврать, либо огласить приговор. Ты, Лиза, непременно соврешь, я знаю. Женское сердце, идеи высокие – все дела, понимаешь ли... Да и сострадание – великое чувство, – усмехнулся он, – особенно к народу и ради идеи... Великое и БЕСПОМОЩНОЕ... – взгляд его в этот момент потяжелел, стал бездонным и черным. – А вопрос-то, Лизанька, в сущности, пустяковый! Это мы, человеки, можем видеть в себе, друг в друге, в родных и любимых – душу, личность, потенциал... Для истории же мы – песок. Песчинкой больше, песчинкой меньше – какая разница!

С этими словами мужчина вышел и хлопнул дверью. Всю ночь бродил по заснеженным улицам. К себе домой он вернулся уже под утро. Вскипятит чай и сел у окна, чтобы встретить морозный февральский рассвет. На глаза наворачивались слезы. Он с силой закрыл ладонями щетинистое лицо...

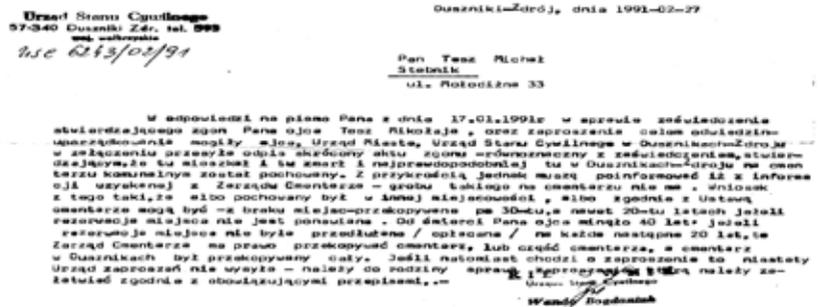
За стеной, в соседней комнате спала его дочь, которая умирала от чахотки и неистово хотела жить. Ничто не могло этого исправить.

Александр РЕДЬКОВ

«Поручик, а не сержант»

В конце восьмидесятых годов двадцатого века мой тесть, Михаил Теш, решил съездить на могилу к своему отцу в Польшу. Его отец умер в доме военных инвалидов в городе Душники-Здруй в октябре 1951-го года. Когда-то он со своей женой уже посещал этот город. Тесть сделал запрос в Красный крест. Из Польши пришёл ответ, что могила его отца не сохранилась, так как по действующему закону за место на кладбище нужно было платить каждые 20 лет.

...Отец моего тестя ушёл на войну в августе 1939-го. Тогда тестю было всего две недели. В сентябре 1939-го Миколай Теш, так звали отца тестя, попал в плен к немцам. Потом – освобождение, сильная контузия, дом военных инвалидов, смерть. Все это тесть узнал из писем, которые его отец присылал после войны. В семье моей жены бережно хранили фотографии, документы, касающиеся того периода, когда Прикарпатье было частью Польской республики. После смерти Миколая Теша из Польши прислали его личные вещи, молитвенник солдата 1938 года издания и ежедневник 1907 года издания с пометками на страницах, сделанных его рукой.

На запрос вдовы солдата пришёл ответ: «Все имущество передано государству». Я стал убеждать своего тестя не терять надежды и обратиться в мэрию города Душники-Здруй: «Ваш отец был солдатом, воевал, был ранен, находился у себя на родине в доме военных инвалидов. Государство взяло на себя заботу о нем, выделяло пенсию, предоставило персональную сиделку. На все это должны были сохраниться документы. Похоронили его также на государственный счет, могила должна считаться военным захоронением. Так принято во всем мире: за военными захоронениями следит та страна, где они находятся. Миколай Теш – поляк, воевал в Польской армии и похоронен в Польше. Значит, эта могила должна быть на месте», – доказывал я своему тестю.

Весной 1993 года мне с женой Галиной наконец-то удалось выкроить пару дней и съездить в Душники-Здруй. Мой тесть рассказал, где приблизительно на кладбище искать могилу его отца.

Рано утром на пассажирском поезде, в котором были двухэтажные вагоны, из города Валбжик мы приехали в курортный городок Душники-Здруй. Этот город вошёл в состав современной Польской республики в 1945 году. Расположен на юго-западе Польши, на границе с Чешской республикой. Известность городу принесла минеральная вода «Мария». Источник этот расположен в Душниках-Здруй, где построен современный бювет. Великий польский композитор Фредерик Шопен приезжал на этот курорт. В городке проходит ежегодный Шопеновский фестиваль. Население его составляют в основном выходцы из восточных территорий второй Речи Посполитой – их переселили сюда после окончательного присоединения этих земель к Советскому союзу после Второй мировой войны.

Первым делом мы пошли в местную контору по обслуживанию кладбища. Она оказалась закрытой. Нам кто-то посоветовал сходить в больницу и взять в архиве справку о пребывании в ней деда моей жены. В регистратуре всё записали, попросили прийти после обеда. В центре города, на площади, старушки торговали цветами и разной мишурой. Я разговорился с ними. От них мы узнали, что кладбище в Душниках-Здруй – единственное. Рассказал, зачем мы приехали. Две женщины из торгующих на площади работали в доме военных инвалидов сразу же после окончания войны, но они плохо помнили то время или не хотели рассказывать. Контора открылась, и мы с женой пошли туда. Я показал старую справку о смерти Миколая Теша, присланную в пятидесятых годах. Директор этого заведения стала искать в архивных записях интересующую нас могилу. Оказалось, в конторском архиве не было ни одной записи о захоронениях 1951 года. Директор спокойно сказала: «Прошло столько лет, могли пропасть. Вы первые интересуетесь такими старыми захоронениями». Странно, другие архивные записи, более ранние, начиная с 1945 года, были в порядке. Я попросил посмотреть записи, относящиеся к 50-му году или к другим соседним годам. Может, перепутали и записали не тем годом. Однако ничего касающегося Миколая Теша

она не нашла. Посоветовала поискать могилу на кладбище. «Кладбище небольшое, могилы расположены по годам. Захоронение, если сохранилась надпись, вы найдете. Может, он был похоронен не на этом кладбище? У вас есть справка, что он захоронен здесь?» – закончила она разговор. Я ответил: «Справка у нас нет, но он похоронен в Душниках-Здруй! Мой тесть приезжал давно, могила была». «Тогда найдите!» – сказала директор конторы.

...Мы с женой долго бродили по местному кладбищу. Могилы с надписью «Миколай Теш», несмотря на помощь рабочего-смотрителя, не нашли. Видели надписи на старых надгробиях – поручик, умер в 1945 году, еще одну старую могилу с военным званием, но интересующую нас надпись не нашли. Могилы 1951 года нашли, на некоторых не было надписей. Рядом землекопы на месте старых захоронений копали новые могилы. Снова пришли в контору, отвечающую за захоронения. Сказали, что не нашли. Пани директор посоветовала найти справку, что дед моей жены похоронен в Душниках-Здруй. Мы снова подошли к женщинам, торгующим на площади, сказали, что могилы не нашли, нужна справка о захоронении. К нам подошло несколько пожилых мужчин. Разговорились, я показал фотографию солдат 6-го полка Стрельцов Подхаланских. Высокий мужчина с хорошо сохранившейся, несмотря на годы, выправкой посмотрел на снимок.левой рукой (на правой не было нескольких пальцев) он стал указывать на людей, изображенных на фотографии, и пояснять: «Этот, называл он фамилию, – бросился с гранатой под немецкий танк, этого расстреляли в Катыни, это – командир полка...» Ветеран оказался командиром взвода жандармерии в этом полку и очень интересным человеком. Его, как члена НСЗ (Национальные Силы Збройные), приговорили к расстрелу во времена Польской Народной Республики. Смерть тогдашнего лидера Польши – Берута, спасла его от расстрела. Он вспомнил Миколая Теша. Позднее он рассказал нам небольшие эпизоды из его жизни. Старики, а им было тогда уже всем далеко за семьдесят, стали говорить, что нужно идти к одному ветерану. Он был в своё время в доме военных инвалидов и всё точно знает...

Трехэтажный дом снаружи был покрыт штукатуркой. Ступеньки и перила в подъезде были деревянные. Меня удивило, что туалеты вынесены на лестничную клетку на каждом этаже, у нас в России – они обустроены в квартирах. Зашли в комнату. За столом сидел старичок с редкими седыми волосами и удивленно смотрел на вошедших. Ветераны наперебой стали рассказывать, показывая на меня, зачем пришли. Хозяин улыбался, видимо, не совсем понимая, что от него хотят. Я спросил, знал ли он в доме инвалидов Миколая Теша. Пан Владислав, так звали хозяина, спросил, кто он такой. Я ответил, что он был подофицером в Войске Польском. Воевал в 1939 году, попал в плен к немцам, потом оказался в доме военных инвалидов в Душниках-Здруй. Умер в 1951 году. Наступило молчание. Все ждали ответа хозяина квартиры. Пан Владислав ответил: «В 1951 году в Душниках-Здруй в доме военных инвалидов умер не сержант, а поручик Миколай Теш». Все облегченно вздохнули. Владислав Ковальский встал и вышел из-за стола. Пан Владислав был тяжело ранен в битве под Ленино. Следы этого ранения были видны и через много лет. Он подошёл к этажерке, на верхней полке которой стоял портрет молодого польского офицера. Грудь поручика украшали многочисленные ордена – это был Владислав Ковальский. Он рассказал нам о поручике Теше. Миколай Теш был сильно контужен, его наполовину парализовало, но он был офицером и старался все делать сам, не быть никому в тягость. Гостеприимный хозяин довольно четко объяснил, в каком месте искать интересующую нас могилу. Ветераны стали вспоминать свое боевое прошлое и рассказывать о нём. Получалось, многие из них были в армии генерала Андерса, но по каким-то причинам остались в СССР и закончили войну в составе Войска Польского. Дом инвалидов в Душниках-Здруй в начале пятидесятых годов закрыли. Инвалидов распределили по артелям. Сестёр-монахинь, которые ухаживали за ранеными, перевели в другое место. Некоторые офицеры женились на девушках из обслуживающего персонала, таким образом они остались здесь. Городок небольшой, пять тысяч жителей. Со временем дети некоторых ветеранов стали занимать высокие посты в администрации. Слух о том, что родственники из Санкт-Петербурга ищут могилу своего деда, быстро разнесся по местечку. Душники-Здруй – город-курорт. Получив подтверждение от уважаемого в городе человека, мы решили идти в военкомат, узнать, имеются ли там сведения о людях, находившихся в доме для военных инвалидов. На улице я шёл впереди по тротуару. За мной – по двое (тротуар был узкий) шёл отряд ветеранов. Моя жена не ходила с нами по учреждениям, она осталась ждать с женщинами на улице. Позднее она рассказала мне, что все прохожие останавливались и смотрели на наше шествие. Ветераны были так воодушевлены общим делом, что, забыв про свои увечья, бодро маршировали следом за мной. Пока я с ветеранами ходил в военкомат, к моей жене подошёл человек. Все лицо у него было в синих отметицах, следах артиллерийского пороха, который много лет назад с невероятной силой прикипел к живой плоти и навсегда остался памятью о войне. Ветеран в свое время находился в доме инвалидов и знал её деда.

Он согласился на следующий день показать могилу и оставил свой адрес. В военкомате наш отряд остановил дежурный офицер. Ветераны его знали, посыпались вопросы к дежурному. В коридоре пожилой человек в офицерской форме вешал фотографии, посвящённые войне двадцатого года. Я обратился к нему с интересующим меня вопросом. Офицер внимательно выслушал и сказал, что документов на офицеров, находившихся в доме инвалидов, в местном военкомате нет. «Сходите в союз военных инвалидов, может, там помогут». На это один из ветеранов заметил, что он в настоящее время закрыт. «Так идите домой к председателю, адрес вы же знаете».

Мы вышли на улицу. Идти нужно было далеко. Я пожалел стариков, сказал, мол, вам тяжело идти, я схожу туда с женой, а потом снова с вами начнем поиски. Один ветеран, по фамилии Канарский, предложил мне и моей жене пожить у него. Я договорился, что схожу к председателю и приду в гости к пану Канарскому. Нам повезло – председателя застали дома. Мужчина был ещё на вид физически очень крепок и никак не походил на инвалида. Он рассказал, что родом сам из Западной Белоруссии. Мальчишкой видел, как польские пограничники обороняли свою заставу в 1939 году. Затем, прибавив себе возраст, добровольцем вступил в Войско Польское. В конце войны его сильно ранило. Он почти полностью потерял зрение, поэтому оказался в местном доме инвалидов. Ещё добавил, что здесь все были из восточных областей Второй Речи Посполитой. Поручика Теша он не знал. В доме, который располагался в бельведере, было около трехсот раненых. Ухаживали за ними сёстры из местного монастыря.

«Сколько ему было лет?» – спросил ветеран. «Когда умер, тридцать девять» – ответил я. «Мне было чуть больше двадцати, – продолжал председатель, – это большая разница. Я с ним не общался, слишком разные у нас были интересы». Он нам посоветовал съездить в небольшую деревушку, недалеко от города. Там жил бывший завхоз дома инвалидов.

В Душниках-Здруй все друг друга знают. Нам быстро подсказали, как найти дом пана Канарского. Пан Канарский до семнадцати лет жил в Смоленской области. В 1944-м его, партизана отряда Ковпака, после соединения с частями Красной армии определили служить в Войско Польское. Пан Канарский служил во 2-й армии при штабе. Он рассказал очень много интересных вещей, связанных как с военным временем, так и с операцией «Висла». В начале пятидесятых годов он демобилизовался и стал жить в Душниках-Здруй, работал в милиции.

После обеда взяли такси (так как автобусы в нужном нам направлении ходили по расписанию) и поехали вместе с паном Канарским к бывшему завхозу. Завхоз строил себе дачу. Вначале он с видимой неохотой стал вспоминать те времена. Когда я сказал, что мы приехали из Ленинграда, он оживился, как-то весь воспрянул. В начале войны завхоз (к сожалению, я забыл его фамилию) возил продукты по Дороге жизни. Он с восторгом рассказывал про то время. Однако нас интересовало другое. Я снова назвал фамилию деда жены и объяснил, что он воевал в 1939 году, попал в плен к немцам. Ветеран, к которому мы приехали, рассказал, что в доме инвалидов были собраны офицеры 1-й и 2-й армии, воевавшие в 1944-1945 годах. «Я помню, – сказал он, – что в 1951-м умер поручик. На похоронах я не был и места захоронения не знаю». Таксист отвёз нас обратно. Во время разговора он стоял рядом, внимательно слушал – денег за дорогу не взял.

На следующий день мы встретились с уже знакомым нам ветераном. Снова пошли на кладбище, он показал нам могилу поручика Теша. Я решил зайти в контору. В центре города нас ждали вчерашние помощники. Опять сводный отряд тронулся в путь. В конторе пани директор, несмотря на уговоры ветеранов, стояла на своём: «Принесете справку – оформлю!», и никакие свидетельские показания в расчет она не принимала. У нас опустились руки. Мы располагали справкой из местной больницы, что поручик умер в ней в октябре 1951 года, которую мы и предъявили. В ответ прозвучало: «А похоронили, может быть, в другом месте!» Кто-то предложил сходить в костёл святого Петра и Павла. Туда я зашел только с паном Канарским. Ксендз выслушал нас. Пригласил подняться наверх. В большой келье мы остались стоять посередине. Священник вынес книгу, открыл её и нашел интересующую нас запись. Пан Канарский попросил сделать копию этой записи. Ксендз ответил, что «он справок не дает, приходите завтра, будет работать канцелярия». Я сказал, что приехал из Ленинграда и у меня каждый день на счету. Священник сделал исключение и дал справку, что поручик Миколай Теш похоронен на местном кладбище. На улице я сказал оставшимся ждать нас ветеранам, что мы нашли подтверждение о захоронении.

Старые бойцы радостно заулыбались, раздались ликующие возгласы. Прохожие останавливались и спрашивали, в чём дело. Многие сочувственно поздравляли. Один житель рассказал, что, когда он был харцером, они ухаживали за могилой поручика, умершего в 1951 году в местном доме военных инвалидов. Ребята со своим учителем по праздникам убирали это захоронение, приносили цветы, но потом

почему-то за могилой прекратили ухаживать. Пан оказался столь любезным, что согласился показать нам, где находится могила. Мы долго искали на кладбище это место, ведь прошло столько времени. Наконец он на самом верху, недалеко от ограды, показал на холм без креста. «Это та могила, за которой мы ухаживали». Подошёл смотритель кладбища. На наш вопрос: «Какого года захоронение?», он ответил: «1951-го, а чья это могила, не знаю». Все сходилось. Мой тесть тоже рассказывал, что ему в 1970 году старый смотритель показал на горе три могилы без крестов, расположенных в ряд. Прошло много времени. Смотритель, который хоронил его отца, стал глубоким стариком, находился на пенсии, со временем забыл, в какой могиле похоронили польского поручика. Теперь, когда два человека показали нам одно и то же место, когда мы имели документ из местного костёла, что захоронение было произведено на кладбище города Душники-Здруй, можно было смело идти в контору по захоронениям. Из этого учреждения нас послали в мэрию заплатить за резервацию места на следующие двадцать лет. Всюду меня сопровождали пан Канарский и ещё два старых ветерана, командир взвода жандармов 6-го полка Стрельцов Подхаланских и старый офицер, показавший могилу. В мэрии те сотрудницы, к которым мы обратились, очень сочувственно отнеслись к нашим проблемам. Они бесплатно выдали мне новую справку о смерти Миколая Теша, хотя эта справка стоила 100 тысяч злотых (в ценах 1993 года). Одна из сотрудниц проявила любезность и сходила в архив. Она нашла запись акта о смерти поручика и сделала копию. Там есть графа, в которой указана фамилия оформлявшего похоронные документы. Я заплатил за сохранность могилы на последующие 20 лет (200 тысяч злотых), взял все справки, поблагодарил помогавших мне женщин.

Вместе с ветеранами решили снова зайти к участнику битвы под Ленино. Он принял нас радушно. Я назвал фамилию человека, который помогал в организации похорон. Майор (к тому времени ветерану присвоили это звание) хорошо помнил Блажея Баселюка. Блажей был родом из местечка Городок, расположенного недалеко от Львова. Ветеран сказал: «Как сейчас вижу этого двухметрового крепыша». «Что с ним стало, где он сейчас?» – спросил я собеседника. Старик пожал плечами: после расформирования дома инвалидов его определили в какую-то артель. Одновременно он вспомнил, что Блажей воевал вместе с Миколаем в сентябре 1939 года, и рассказал еще несколько эпизодов из жизни Баселюка и Теша.

Снова, уже несколько большей группой, состоящей из местных военных инвалидов, отправились в контору. Там я показал справку об оплате. Сотрудница этого учреждения выписала новую регистрационную карту. Теперь вновь в конторе, которая ведет учет захоронений в городе Душники-Здруй, есть запись о захоронениях, относящихся к 1951 году. Мы все – ветераны, пани директор конторы и я с женой – пошли на кладбище. Хотя кладбище расположено на горе и далеко от конторы, ветераны ходили всегда со мной. На кладбище я показал могилу чиновнику. Она отметила это место в своих бумагах и поставила номер. На вопрос, буду ли я заказывать у них памятник, я ответил, что подумаю и дам ответ позже. Ветераны еще раньше стали отговаривать меня заказывать памятник официально в конторе. Сказали, что там дорого, дешевле будет договориться с рабочим кладбища. Рабочий узнал меня и ветеранов. Три дня подряд в сопровождении сменявших друг друга ветеранов я приходил на это место. Пан Канарский вёл переговоры по поводу памятника. Я попросил оставить место для фотографии и сделать надпись: «Поручик Миколай Теш. Солдат сентябрьской войны». Затем, по совету пана Канарского, я отдал рабочему кладбища половину денег за работу и материал, остальную часть отдал пану Канарскому. Вечером в доме пана Канарского мы скромно помянули поручика Теша, всех других солдат, воевавших и погибших на войне....

На следующий день мы с женой уехали из ставшего для нас родным городка Душники-Здруй. Предполагалось, что 1 сентября приедем и посмотрим на памятник. Судьба распорядилась иначе. Приехав в гости к родителям жены, мы рассказали им, что могила существует и что теперь с такой надписью её никто не тронет. Отец жены мог гордиться своим отцом, честно воевавшим за свою родину. Некоторые старики в селе останавливали меня и говорили, что Миколай Теш был их родственником. Один из них, девяностопятилетний Якуб Робатецкий, рассказал, как вёз Теша на сборный пункт в августе 1939-го, а затем ездил за ним после войны в Польшу. Однако к тому времени границу закрыли, и он вернулся ни с чем. Повадал много интересных историй, касающихся поручика и его самого. Он воевал в 20-м году. На прощание подарил мне фотографию, где он лежит с пулемётом под Варшавой.

Волею судьбы я оказался в городе Сташув, где по дороге на населённый пункт Рытвяны в сентябре 1939 года прорывался из окружения 6-й полк Стрельцов Подхаланских. В Сташуве я познакомился с интересными людьми, которые помогли мне в поиске информации о деде моей жены. Среди них были люди разных возрастов и социальных групп. Вышек Крушевский работал инженером на электростанции

в городке Поланиц. Помогая мне, он сокрушался, что ему не удастся найти ответ на волнующий его вопрос: почему его родной дядя сам пошёл в гестапо и погиб в застенках этого учреждения? Пан Ян Бахминский – представитель настоящей польской интеллигенции, его предки учились в университетах Санкт-Петербурга, Вены. Родственники пана Бахминского состояли в последнем иммиграционном правительстве в Лондоне. Сам Ян Бахминский добровольцем пошел на защиту Польши в сентябре 1939 года. Воевал в армии «Краков». В октябре 1939-го попал в плен к советским войскам. Раненного в ногу, Яна пожалел молодой капитан из Ленинграда и отпустил. Бахминский был родом из города Стебник, его отец работал там начальником железнодорожного вокзала. Позже семья переехала в Краков.

...Я родился в Ленинграде, моя жена – в Стебнике. Этот город расположен в Дрогобычском районе Львовской области. У пана Бахминского имелась возможность непосредственного доступа к различного рода информации, хранящейся в архивах. Его сын Евгений в начале девяностых годов 20-го века работал в мэрии города Кракова. Сам Ян Бахминский до пенсии занимал ряд руководящих должностей на производстве, затем преподавал частным образом математику и английский язык. Совершенно случайно я познакомился с участником битвы под Монте Кассино. Его звали Юзефом. В Сташуве этот пан занимался ремонтом телефонов. Я показал ему групповую фотографию солдат 6-го полка Стрельцов Подхаланских, ветеран узнал на ней своего шурина... Юзеф сказал, что шурин живет рядом, в небольшой деревушке. Мы съездили к его родственнику. Из рассказа старого солдата я узнал еще несколько неизвестных подробностей о боях 6-го ПСП. После боя под Томашовом-Любельским 24 сентября командир 6-го ПСП, Мечислав Добжаньский, отдал приказ о роспуске полка. Полковое знамя спрятали в старом пне, сейчас оно находится в музее Войска Польского. По дороге на Рытвяны стоит памятный знак – на сером валуне установлена мраморная плита: «В этом месте 10-го сентября бойцы 6-го полка Стрельцов Подхаланских пошли на прорыв». Недалеко от города Санок, в местечке Быковцах есть памятник солдатам того же полка. Памятные знаки, посвященные 6-му полку Стрельцов Подхаланских, находятся в местечке Осек на берегу Вислы, где в 1939 году с боями переправлялась армия «Краков», в городе Самбор и в селе Дубляны. В городе Самбор памятник открыли 15 августа 2007 года, а в Дублянах – 29 июня 2008 года.

15 августа 2007 года нас с женой пригласили на открытие памятника солдатам 6-го ПСП в городе Самборе. В годы 2-й Речи Посполитой в Самборе был расквартирован 6-й полк Стрельцов Подхаланских. В этом полку служили два деда моей жены и другие её родственники. Кто-то из них принимал участие в штурме Монте Кассино, кто-то закончил свой жизненный путь в советском плену, кто-то в доме для инвалидов войны. Я выступил на открытии памятника. Поблагодарил тех, кто нас пригласил, а также всех тех, кто был причастен к этому событию. 29 июня 2008 года в селе Дубляны, в пятнадцати километрах на юго-восток от Самбора, установили памятный знак, увековечивший подвиг солдат этого полка, которые в конце сентября 1939 года приняли здесь неравный бой с фашистскими захватчиками. Мы с женой присутствовали на открытии.

Олег ЦУРКАН

Фогум

Рассказ

10 июля 2011 года в акватории Куйбышевского водохранилища затонул речной круизный двухпалубный дизель-электроход «Булгария». На борту теплохода находился 201 человек, 122 из них, в том числе 28 детей, погибли.

РИА НОВОСТИ.

*...Прокуратор ладони обмоет,
Оглядев разношёрстную рать.
Эта рать, обезумевши, взвоет
Кровожадно и злобно: «Распять!»*

*И, не зная, какой катастрофой
Обернутся деяния те,
Рать Россию введёт на Голгофу
И распнёт, как Христа, на кресте...*

А. Росков «Пророчество»

*Одолела нас Хазария,
Люди добрые. Боюсь,
Утонула не «Булгария» –
Утонула наша Русь.*

Д. Нечаенко «Россия-утопленница (заплачка)»

Колдуя над ужином, жена выпроводила Клима из кухни, отправив его к детям проверять выполнение уроков. Клим скучал, поэтому, особенно не сопротивляясь, послушно вошёл в комнату мальчишек-близнецов.

Ребята сидели за компьютером и азартно резались в какую-то компьютерную игру. На экране монитора что-то непрерывно взрывалось, грохотало, издавало вопли проклятия и, заглушаемое автоматными очередями, громко и мучительно умирало. Клим приглушил в колонках звук и строго поинтересовался выполнением домашнего задания. Нисколько не отвлекаясь от игры, близнецы дружно ответили, что уроки сделали ещё днём, а теперь отдыхают. Ленясь проверять сыновей, Клим наказал им долго за компьютером не сидеть, а сам направился в спальню. Выходя из детской, он краем глаза увидел, как ребята потянулись к регулятору громкости, и в ту же секунду детская снова взорвалась адскими звуками кровавой бойни.

В спальне, разлѣгшись на кровати, Клим включил телевизор, пощёлкал пультом, переключая с одного телеканала на другой, но не найдя для себя ничего интересного, выключил телевизор и с досадой бросил пульт на подушку жены. Потом он потянулся к стоявшей у кровати тумбочке, взял с неё ноутбук, удобно устроился на мягких подушках и, положив ноутбук на колени, открыл компьютер. Войдя в Интернет, он первым делом проверил электронную почту. В электронном почтовом ящике лежало приглашение обсудить на форуме неизвестного Климу литературного журнала письмо женщины, потерявшей в каком-то кораблекрушении на Волге пятилетнего сына. Приглашение удивило Клима. Его получение он посчитал ошибкой. В Интернете Клим если и читал литературу, то исключительно технического характера. Что же до литературных журналов, то они его никогда не интересовали. Увлечение беллетристикой он считал уделом домохозяек, а часы, проведѣнные за чтением художественной литературы, – пустой тратой времени. А тут ему мало того, что предлагали ознакомиться с безрадостными новостями, так ещё и высказаться по их поводу. «Нет, братцы. Это без меня», – решил Клим. Он не любил плохих новостей, и портить себе настроение перед сном не собирался. Ему и без катастроф хватало стрессов. Занимаясь обслуживанием холодильного оборудования, Клим как раз сегодня получил нагоняй за сбой холодильного агрегата в одном из популярных супермаркетов города. Начальник Клима, занимаясь всю жизнь исключительно управленческой деятельностью, совсем не разбирался в технике, откровенно её побаивался, отсюда и вникать в тонкости Климовой специальности не имел никакого желания. Поэтому, как Клим не доказывал, что его вины в неполадке нет, начальник всё равно пригрозил навсегда лишиться Клима премиальных. Наказанному без вины Климу стало настолько обидно, что в момент выговора он даже не нашѣлся, что ответить. Только по дороге домой он смог мысленно сформулировать свои доводы так, чтобы, лишѣнные технических терминов, они стали доступны пониманию начальника. Уже дома Клим попытался поделиться своими переживаниями с женой, но занятая одновременно приготовлением ужина и просмотром популярного детектива, та лишь отмахнулась от его причитаний – не до тебя.

Размышляя о неприятностях на работе, Клим машинально нажал кнопку мыши и оказался на форуме.

– Ох, ничего себе! – поразился Клим количеству участвующих в обсуждении письма людей. На роду на форуме действительно набралось порядочно. Всякий, кто прочитал письмо, стремился прокомментировать его. Кто-то ограничивался односложными фразами типа «Вау, кошмар!», кто-то выражал соболезнования матери погибшего ребёнка, кто-то проклинал российскую власть, не указывая, впрочем, кого именно из её представителей.

Заинтригованный волнением на форуме, Клим прошёл по ссылке и обнаружил искомое письмо. Автором его значилась некая Мария Иванова. Сама оставшаяся на берегу, она описывала подробности кораблекрушения со слов спасшегося в катастрофе мужа. Она рассказывала, как муж пытался сквозь паникующую толпу добраться до ребёнка. Описывала события после гибели корабля, как поднимали утонувших, как наплевательски отнеслись власти к родственникам погибших людей. Писала, что вся прошедшая по центральным телеканалам информация ложна, что журналисты врут с первого до последнего слова, что в отношении к родственникам погибших больше показухи, чем действительного участия.

Уловив общий негодующе-обличительный тон письма, Клим поверхностно просмотрел его и вернулся на форум. Не стремясь забивать голову лишней информацией, он даже не запомнил названия затонувшего корабля.

А между тем на форуме страсти разгорались нешуточные. Виновниками интернет-горячки были двое сцепившихся пользователей, зарегистрированных под псевдонимами Цвета и LedyVlom. Суть скандала заключалась в том, что LedyVlom предлагал не доверять никаким, так называемым, свидетельствам очевидцев, что на самом деле никакой матери не существует, а опубликованное письмо скорее всего провокация оппозиционных сил перед очередными президентскими выборами в России. Цвета обвиняла LedyVlom в цинизме и не понимала, как можно оставаться равнодушным к горю матери, потерявшей ребёнка.

– Вас послушать, так всё, что не происходит перед выборами – провокация! – возмущалась Цвета. – Хладнокровие, с каким вы отказываете страдающей матери в сочувствии – просто ужасает! Вас бы поместить в затопленные трюмы и посмотреть, с каким спокойствием там внутри вы отнесётесь к собственной гибели!

– Милая Цвета, – спокойно отвечал LedyVlom, – только давайте без восклицательных знаков. В подобных ситуациях эмоции только вредят. А люди, опубликовавшие письмо, как раз на наши эмоции и рассчитывают. Кому-то выгодно воспользоваться несчастным случаем на Волге, чтобы дестабилизировать обстановку в стране.

– Речь идёт не о выборах, не о политике и не о скрытых течениях предвыборной гонки! – писала Цвета. – Речь, прежде всего, идёт о вашем личном отношении к горю чужого человека. А вы вместо того, чтобы посочувствовать матери, как-то поддержать её, может быть, помочь ей найти управу на владельцев судна, проявивших преступную халатность, а также на тех чиновников, кто уклонился от своей прямой обязанности помогать родственникам пострадавших, вместо всего этого вас несёт в дебри политических интриг, за которыми вы уже и людей-то не видите. Для вас, что несчастная мать, что её бедный ребёнок, что остальные погибшие – лишь подставные фигуры в чьей-то политической игре! В компьютерной политической игре! А вы – игрок, который спокойно относится к своим и чужим потерям! А погибли не персонажи очередной тупой стрелялки, а живые люди! ДЕТИ ПОГИБЛИ! Понимаете? ДЕТИ!

– Ой, да при чём тут дети? Зачем вся эта говорильня? – писал с ленцой, словно отмахивался от надоевшей мухи, LedyVlom. – Я призываю всех задуматься, кому эта катастрофа выгодна в первую очередь? Зачем именно сейчас понадобилось столько жертв, да ещё таких жертв? Кто или что за этим стоит? В своих поисках мы не должны останавливаться только на владельцах судна. Задумайтесь, Цвета, может, Россию трясёт от войн и катастроф не по случайному совпадению обстоятельств, а по чьей-то злой воле?

– Не надо в чьей-то преступной халатности искать политический подтекст! – писала Цвета. – Этот бред оставьте для остросюжетных фильмов! Дети, реальные дети для вас просто статисты из криминальной хроники! Ваша духовная глухота поразительна!

– Не глухота, милая моя, а логическое мышление. В письме вашей, так называемой, матери слишком уж много накладок и нестыковок. Да и стилистически оно слишком выверено. Убитая горем мамаша подмечает и засиженные мухами пирожки, и грязь под ногтями у медперсонала, и запах спиртного от спасателей, да и прочие мелочи, каковые в её состоянии просто невозможно заметить. Оправданием её повышенному вниманию к бытовым неурядицам приехавших на Волгу родственников погибших я нахожу либо в чрезмерной брезгливости автора (чрезмерной настолько, что брезгливость эта перевешивает

даже её горе!), либо в заказном характере материала. Мне кажется, второе более вероятно.

– Мне интересно, – не сдавалась Цвета, – как вы с исполинской колокольни своего высокомерия можете судить о состоянии убитой горем матери? Вам же невозможно при вашем железном характере вжиться в чужую роль! Тем более в роль женщины, потерявшей ребёнка! Или я не права?

LedyVlom никак не отреагировал на последнее замечание Цветы. Вместо него ей ответили многочисленными посетителями форума. Никто из комментаторов не заступился за трезвый рационализм LedyVlom. Все, как один, осудили его холодный цинизм, его оторванность от жизни, когда за статистическими данными о числе погибших не видят настоящих человеческих судеб. Некоторые посетители форума, подобно Цвете, пытались вызвать LedyVlom на словесный поединок, другие просто отписывались в его адрес замечаниями оскорбительного толка. Число посетителей форума, поддерживающих Цвету, столь стремительно росло, что Клима стало даже слегка подташнивать от их правильных речей. Когда все друг с другом согласны, зачем тогда форум? Тихо умилялись бы общему согласию, да и дело с концом. Лично Клима письмо матери нисколько не тронуло. Сколько их, матерей этих по России живут. И как на каждый чих не наздравствуешься, так на каждую беду не напричитаешься. К тому же его, как и LedyVlom, брало сильное сомнение, что убитая горем мать будет искать утешения, скажем, не в стакане с водкой, а в суетно-пёстром пространстве Интернета. Клим как-то присутствовал на похоронах одного из своих родственников и очень хорошо запомнил, как вела себя вдова. На глаза её ежесекундно наворачивались слёзы, руки дрожали и не слушались. Она глядела вокруг непонимающим взглядом и, поддерживаемая под руки роднёй, не отдавала отчёта в своих действиях. Представить, чтобы в таком состоянии человек был способен формулировать мысли, укладывая их в связный рассказ, Климу казалось совершенно невозможным делом.

Клим решил вмешаться в перебранку Цветы и LedyVlom. Чтобы зайти на форум, он зарегистрировался на сайте литературного журнала, назвавшись PontiPi. На самом деле он сначала хотел написать «Понтовое Пи». «Понтовое» на языке дворовой шпаны означало «счастливое», «удачливое». «Пи» – символизировало в понимании Клима бесконечность. Счастливая бесконечность, вот какой потаённый смысл несло выдуманное имя Клима. Однако, опасаясь, что на форуме не поймут его местечкового жаргона, Клим написал выдуманный псевдоним латинскими буквами, оставляя посетителям форума возможность самим догадаться о скрытом значении его нового имени. Втайне он честолюбиво надеялся, что на форуме найдётся человек, который оценит тонкий юмор Клима и восхитится изяществом его самоиронии.

– Во всём согласен с LedyVlom, – быстро написал Клим. – Что до Цветы, то она слишком впечатлительна. Вы, LV, с ней аккуратней, а то девушка так и норовит свалиться в обморок.

– Я надеюсь, плечи у нас с вами достаточно крепкие, чтобы не дать мамзели грохнуться наземь, – ответил Климу LedyVlom. – Или вы, PontiPi, предлагаете добить её?

– Зачем же стараться, – поспешил ответить Клим, обрадованный тем, что LedyVlom сразу обратил на него внимание. – Девушка сама себя прикончит. Эмоции у неё через край хлещут. А ещё претендует на роль объективного критика!

– Вы правы, – согласился с Климом LedyVlom. – Точной, выверенной критики в словах Цветы мало. Зато полно критиканства – желания, во что бы то ни стало выразить своё мнение, раньше других навешать ярлыков, заклеить позором, чтобы на фоне общей мрази самой выглядеть чистенькой святошей.

– Точно, – поддакнул Клим. – Интернет так и кишит подобными злопыхателями. Всё им не то, всё им не это.

– Ponti, оставьте ваши понты для девочек, – огрызнулась Цвета, а Клим с удовлетворением отметил, как Цвета быстро разобралась с его псевдонимом. Не простым человеком оказалась Цвета и уж точно не библиотечной молью, раз знала, что такое «понты» – жаргонное словечко, означающее показательные действия, направленные на достижение максимального эмоционального эффекта. – Строите вместе с LedyVlom этиких аристократов, рассуждаете с ленцой о человеческих жертвах, и ничто вас не трогает! Ни до чего вам нет дела!

– Но если меня действительно не трогает бардак в России, почему я должен комплексовать по этому поводу? – спросил LedyVlom. – Россия и бардак – те самые исторические курица и яйцо, которые неизвестно кто раньше появился и кто кого породил.

– Ха! LV, вы – гений! – в восторге написал Клим. – Ни убавить, ни прибавить. По большому счёту меня тоже достали уже все эти российские трагедии. И дня не проходит, чтобы что-нибудь не случилось. Российские новостные программы, как фильтр российской жизни. Они через себя эту жизнь пропускают, но всю застрявшую грязь опрокидывают почему-то не в мусор, а на наши головы.

– Ну уж прямо и грязь, – пожурил Клима LedyVlom. – А как же президент и премьер? Этот двуглавый российский орёл? Ведь на российском телевидении нет ни одной новостной программы, половина эфирного времени которой не была бы посвящена их деятельности.

– Честно говоря, эти двое тоже поднадоели, – откровенно признался Клима. – Всё болтают и болтают. Горбатый таким же был. Тоже приелся быстро.

– Вот видите, Цвета, что народ говорит, – написал LedyVlom. – Всё ему потихоньку приедаётся: и президенты, и премьеры, и трагедии, и комедии – всё. Тогда какой смысл, Цвета, исходить слюной у монитора? Что толку зря переживать, если ничегошеньки от этого не изменится? Раз ваша горящая мамаша заметила засиженные мухами пирожки, значит, она тоже незаметно для себя привыкла к горю, изо дня в день льющемуся на головы россиян, и потому её собственное горе не так уж теперь для неё и глубоко. Вообще, глубокие чувства в наше плоскомониторное время – небывалая редкость. Это раньше были люди, уход из жизни которых вызывал ощущение горькой потери, ничем невозполнимой утраты. А сейчас? Скажите, Цвета, давно ли вы сами испытывали чувство безысходного горя от смерти постороннего человека? Я, например, ничего подобного давненько уже не испытывал. Все эти певцы, актёры, знаменитости, просто случайные люди – все они мрут, да и хрен с ними! Потому что в российском обществе давно уже царствует культ виртуальной смерти. Смерть везде: в детских мультфильмах и передачах, в ток-шоу и мыльных операх, в художественном и документальном кино. Вы телевизор смотрите? С утра до вечера по телевидению только и крутят что детективные сериалы. И чем заумнее в сериале убийство, тем сериал популярнее. Авторы из кожи вон лезут, чтобы хитрее убить свою жертву. В погоне за новизной в убийстве чего только сейчас не придумывают! Ладно, чёрт с ними с сериалами! А российские новости? И дня не проходит, чтобы на телезрителей не вылили кровавый ушат новостей! А так как телевидение в России освещает не правду, а взгляд власти на правду, то и всё, что показывают российские каналы, нельзя назвать иначе, как государственной политикой! И значит, это государство добивается от россиян привыкания к чужому горю!

– Я вам про Ивана, а вы мне про болвана, – написала в ответ Цвета. – Я твержу о вас лично, ковыряю в трухлявой, как пень, душе вашей, а вы с маниакальной настойчивостью талдычите мне о несовершенстве государственного устройства России. Я не понимаю, чего вы всё время между мной и собой государство суёте?

– А как же нам обойтись без государства, Цветик? В России сегодня без президентского указа никто лишний раз не пошевелится. Изо дня в день, вдалбливая народу про великие деяния российских правителей, его приучают к мысли, что Россией правит не социально-экономическая и политическая система, а лично глава государства или правительства. Поэтому, если вы хотите, чтобы кто-то в России реально помог пострадавшим, для этого надо, чтобы ему лично приказали президент с премьером. А президент на гибель теплохода отреагировал? Отреагировал. Премьер распоряжения отдал? Отдал. Значит, всё, Цвета, можете спать спокойно. Пока президент и премьер отдают распоряжения, Россия не пропадёт. А наши с вами эмоции нефункциональны и никому и ничем не помогут. Так что, Цвета, понапрасну себя не изводите и душой за Россию не болейте – это в конце концов вредно. Язву желудка в два счёта нажать можно.

– Если бы только язву, – согласно выбил Клима. – Нервный стресс к инсультам приводит и к инфарктам. Я уже не говорю про импотенцию. Это само собой.

– Ну, поскольку Цвета женщина, то ей за импотенцию переживать не надо, – благодушно написал LedyVlom. – Потому-то и страдания за Россию ей ничем не аукнутся.

– Ой, не зря вы скатились к генитальной теме! Ой, не зря! – отозвалась Цвета. – Мне, впрочем, до ваших телесных способностей дела нет. Не желая вникать в эту дрянь, вам, парниши, я, однако, скажу. Не знаю, как насчёт вашей физической формы, но морально вы уже импотенты! А вам, LV, не надо строить из себя разочарованного во всём Печорина. Как нравственный калека вы ушли далеко вперёд своего литературного прототипа! Только в отличие от него вы не страдаете, а своим нравственным уродством любуетесь! И призываете любоваться им себе подобных!

– «Себе подобных» – это про меня? – в конце вопроса Клима припечатал смайлик с иронично поднятой левой бровью.

– Видимо, про вас, – вместо Цветы ответил LedyVlom. – Остальные на форуме в мою сторону только слюной брызжут. Истеричный хоровод какой-то! Будто соревнуются, кто нашей бабе Цвете слаще подмажет. Кстати, про импотенцию. А с чего это Цвета взяла, что мы с вами, PP, мужчины? Может, мы удачно прикидываемся! Вот вы, PP, мужчина или женщина?

– Я вообще-то PontiPi, – охотно поддержал игру Клима. – А вы, LV, какого пола?

– Обычного. Других ещё не выдумали, – и, обращаясь к Цвете, LedyVlom продолжил. – Вот видите, Цвета, как быстро мы разобрались, кто есть кто. Видите, как легко мы узнали правду. Так и с вашей пострадавшей мамашей. Идите, Цвета, догадайтесь, кто напечатал всю её брехню, она или кто другой! Может, это вообще какие-нибудь толстые журналюги в Москве сидят и перед президентскими выборами в России страдания Девы Марии выдумывают!

– Да как вы не понимаете, что всё равно, кто написал это злосчастное письмо! – жирным шрифтом напечатала Цвета. – Всё равно! Лакмусовая бумага тоже кем-то создана, но кем – совершенно не важно. И не важно, из чего она сама состоит, какого она цвета и прочее. Важна единственная вещь – её реакция на препарат в пробирке! Воспринимайте письмо пострадавшей женщины как лакмусовую бумагу духовной чёрствости общества. А препаратом в пробирке будет служить наша духовность! Наш русский дух! Понимаете?!

– О! – тут же отозвался Клим. – Здесь русский дух? Здесь чем-то пахнет?

В интонации Климовых вопросов легко угадывалось равнодушное презрение, на что форум разразился бурей негодующих откликов. В чём только не обвиняли Клина и LedyVlom, какими карами небесными не запугивали, какие проклятия на их головы не обрушивали. Клим и не ожидал, что на форуме окажется столько желающих затеять драку. Не рискуя первым вступать в неравный бой с поклонниками Цветы, он наблюдал за реакцией LedyVlom на поднятую ими заваруху. А тот словно специально растравливал аудиторию форума, игнорируя всех, кроме Клина и Цветы. И Клим невольно почувствовал злорадное удовлетворение оттого, что LedyVlom выделил именно его, а не кого-то другого. Климу приятно льстило, что в общем потоке мнений LedyVlom обращал внимание только на него и Цвету. Хотя по большому счёту главную роль в чужой игре Клим сильно не упивался. Его, если честно, разгоревшиеся на форуме страсти трогали мало. И своё словоблудие, и разглагольствования LedyVlom, и мужественное противостояние им Цветы он воспринимал как развлечение не занятых делами людей, своеобразный отдых от повседневных забот. Может, поэтому ни своим высказываниям, ни Цветиным, ни тем более болтовне LedyVlom он не придавал особого значения и в глубине души не понимал Цветы, столь рьяно защищавшей свои взгляды на жизнь.

– Чем пахнет? – переспросил LedyVlom и ответил. – Дымом от костров новой инквизиции. Дайте, PP, таким, как Цвета, придти к власти и запольхает над Россией огненный смерч новой веры. Потому что такие, как она, единолично, по своему разумению жаждут судить и миловать окружающих. Вы же посмотрите, PP, Цвета совсем не желает меня понимать. Что бы я не писал, она с фанатичным упорством отвергает, даже толком не разобравшись. Видимо, это кровь в ней говорит, потому что авторитаризм у русских в генетический код вписан. Ведь в России всегда наравне с Богом поклонялись обожествлённому истукану – самодержавию, власти как таковой. Ради неё и сыновей-наследников трона убивали, и царственных мужей в казематах резали, и ноздри бунтарям рвали. Ради неё миллионами инакомыслящих урановые шахты да сибирские болота унавоживали. Вот и нас с Вами, PP, Цвета во враги записала. В России всегда так, всегда здесь предпочитали разъединяющее «кто не за нас, тот против нас» евангельскому «кто не против нас, тот с нами». И всегда Россия себе врагов находила: не Германия, так Америка; не афганцы, так чеченцы; не сосед, так в интернете собеседник. А раньше, помню, один враг был – мировой капитализм. Плечом к плечу на него шли. О! К месту легенду одну вспомнил, – написал LedyVlom. – В ней мужику одному дали зубы дракона посеять, а из них войско выросло и на него попёрло. Он камнем в войско запустил, солдаты и начали друг друга убивать. Это о России легенда. Это её граждане из клыков коммунацкого дракона проросли. Это в неё камнем демократии запустили и люди, озверев, друг дружку резать начали. Сосед на соседа пошёл. Народ на народ. А девочка Цвета, надев на нос розовые очки, видеть резни, не хочет. Слезы по утопленным младенцам льёт, но гордиться государством-драконом, государством-убийцей не перестаёт.

– Да, горжусь! – тотчас ответила Цвета. – Потому что о России думаю прежде всего, как о себе самой! Это я – Россия! Это со мной все беды происходят! Судьба Родины – это моя судьба! Всё, что с Россией случается, я через свою душу пропускаю! Вы же, LV, относитесь к тем равнодушным, кои о чём угодно будут болтать, лишь бы развлечься! И не важно: о России ли речь, о хоккее или о котлетах. Одно радует – не на ваше пустословие и не на вас обопрётся Россия, когда придёт её время твёрдо стать на ноги! А на меня! На плечи таких, как я! Потому что где есть один равнодушный, там рядышком всегда сподвижник найдётся! А такие продуманные, как вы, никого кроме подстрекателей вокруг себя не соберёте! И дружба ваша разобьётся о первое же препятствие! Потому что хрупок лёд корысти! Мой вам совет, читайте на форуме не только себя. Посмотрите, сколько людей вас осуждают, скольким вы своей брехнёй противны!

– PP, вы слышали? Вот же несёт бабу. Тогда, Шлёма, поддержите и мой макинтош, я тоже похезаю! – написал LedyVlom. – Дорогая моя девушка, чтобы Россия поднялась, ей не ваши хилые плечики нужны, а великая идея! Кто там из мудрецов сказал, что русские – народ соборный и ради идеи шар земной перевернут? Была такая идея, гуманизм вселенский. Да пока к цели шли, выдумали пытки, доносительство, лагеря, водородную бомбу и ещё много того, на чём в один прекрасный день сами же и подорвались. Да так подорвались, что и саму идею в клочья разнесло. Вот русский народ без идеи-то и остался!

– А модернизация? – поспешил подсказать Клим.

– Что вы, PP, какая модернизация? Народу хрень с нерусским названием подсовывают и пытаются внушить людям, что она – тот самый рычаг, которым Россию с головы на ноги поставят. Смешно даже. Вообще, романтик у власти – вещь чрезвычайно забавная! Если президент сам увлечён своими нанотехнологиями, то думает, что и остальные его увлечением проникнутся. Типичное заблуждение дилетанта. Кто, скажите мне, PP, за модернизацию на амбразуру бросится или под пулями в атаку пойдёт? Никто! Народ с упрёком смотрит на забавника-президента и ждёт, когда настоящий-то барин придёт. Чтоб мироедов батогамы хлестал. Чтоб суров, но справедлив был.

– Крамольные вещи пишите, – с уважением отозвался Клим. – Только боюсь, как бы батогамы вашу спину не зацепили.

– Вот, PP, – с удовлетворением отметил LedyVlom. – Раз боитесь за меня, значит, такая возможность в России по-прежнему остаётся. А Цвета пишет «демократия», «демократия». А вот и нет в России никакой демократии! А есть камень из легенды, который общество разъединил и показал, кто есть кто на самом деле. Каждого в отдельности показал! Вне марширующей колонны! Ибо что сам дракон, что зубы его, суть одна – драконова. И ничего россиян не исправит! Нет в России той силы, чтобы изменила духовную направленность народа. Как семьдесят лет русских пинали под зад, так они до сих пор обречённо и бредут. Вот сейчас вроде бы в модернизацию повернули... А зачем? На кой ляд она им сдалась?! Эй, русские, не нужно вам это! Не в ту сторону вы бредёте!

– Ну-ка, ну-ка, – написала Цвета. – Надоумьте неразумных.

– Да пожалуйста, – охотно согласился LedyVlom. – Знаете, Цвета, как в Европе парки устраивают? Там сначала на месте, где должен быть парк просто, засеивают траву. Люди ходят, тропинки протаптывают, а потом по этим тропинкам архитекторы проводят парковые аллеи. И уже вдоль этих аллей сажают деревья и цветочки. Так и с российскими законами надлежит сделать. Не слизывать их слепо с иноземной Конституции, а насаживать новые законы вдоль традиций и обычаев своего народа, вдоль этих веками натоптанных ходок. А президент с премьером всё пыжатся, всё стараются поверх сарафана на старушку Россию деловой костюм натянуть. А старость уважать надо, а не насиловать. Горбачёв такие вещи понимал. И когда молодая Америка уважительно протянула одряхлевшей России финансовые костыли, Горбачёв от помощи молодого американского государства не отказался. Да и как иначе? Молодёжь должна помогать старикам.

– А когда старушка помрёт, молодёжи в награду за старание и уважение останутся жилплощадь старушки и её имущество? – ещё не понимая, куда клонит LedyVlom, но, чувствуя в его словах какой-то подвох, спросил Клим.

– А как иначе? Добрые дела должны хорошо оплачиваться. Поэтому, как и в любой русской сказке, и в истории с Горбачёвым был бы счастливый конец, если бы не грянуло проклятое ГКЧП, а потом не появились все эти ельцины, путины и иже с ними. На кой чёрт они были нужны? Так хорошо было бы с Горбачёвым. Как шерочка с машерочкой зашагали бы Россия и Америка неспешным шагом в светлое будущее, цивилизованно решая вопросы совместного проживания. Михаил Сергеич получил бы за что-нибудь ещё одну Нобелевку, окружению его тоже какие-нибудь медальки раздали, да и народ не стал бы судорожно сваливать за границу. Потому что за границей была бы уже сама Россия. Как Аляска. И никто бы не мешал России доживать свой век. Я думаю, американскому президенту хватило бы великодушия разрешать русским и дальше лобызать иконы да спаивать своих медведей. Если бы со времён Горбачёва Россия жила под Америкой, россияне давно бы уже обрели душевный покой и не рвали глотку на форумах, защищая бездарных правителей-коррупционеров!

– Вау! – не сдержался Клим. – Сильно сказано! Это в чей же огород камень?

– Вообще-то я метил в Цвету, – честно ответил LedyVlom. – Но попал, видимо, гораздо выше. Ну да была, не была! Эй, Цвета, вы дачу Путина в Сочи видели? По телевизору показывали. Издалека, правда, но и с большого расстояния понятно, что дачка – сооружение совсем не хилое. И по размерам, и по убранству Эрмитажу ничем не уступит. Это Владимир Владимирович, наверное, президентскую зарплату

потихонечку откладывал, откладывал, а когда деньжат немножко поднакопилось, то и построил «теремок» на гектарах сочинской земли. А вокруг тут же «сиротские домики» всего руководства России выросли. Такие же «скромные».

– Слушайте, LV, – всё больше восторгаясь собеседником, написал Клим. – А вы не боитесь в колодец российской власти плевать?

– А я и не плюю, – спокойно отвечал LedyVlom. – Так, пару раз «ау!» крикнул, да и только. И мне бы хотелось, чтобы Цвета это моё «ау!» услышала и поняла, что не нужны России ни Путин с Медведевым, ни остальные прочие реформаторы. И не нужно поверх российского лаптя натягивать нанотехнологичный модернизированный тужур. Ничего кроме хромоты этими тщеславными потугами не добиться. Потому что кончится всё тем, что перед лицом мировой общественности россияне предстанут этаким уродом: и русского в них ничего не будет, и до среднего европейца они не дотянут. И как бы российские власти россиян за уши ни тянули, как бы на скорую руку ни ломали русской самобытности – быстро россияне не изменятся. Уж слишком мешает русским их вековая ментальность. Слишком уж их мировоззрение инертно. А всё потому, что чрезвычайно массивна и глубиной залегания недосыгаема основа российского менталитета – тысячелетний пласт русской культуры. И может, поэтому в России сейчас столько катастроф и происходит, что разнонаправленные политические силы расшатали этот духовный пласт русского народа. Как из-за бурлящей где-то на глубине магмы на поверхности земли образуются обжигающие фонтаны гейзеров, так, может, и теперешние катастрофы – это свидетельство происходящих в глубине российской духовности необратимых катастрофических подвижек, а сами катастрофы – суть извержения высвободившейся ментальной энергии народа.

– Ой, как-то это для меня тяжеловато, – честно признался Клим. – Проще, пожалуйста. К чему вы клоните, LV?

– Я и говорю, – пояснил LedyVlom. – Духовный пласт русского народа сдвинулся от традиционно русских духовных ценностей в неизвестном направлении. С одной стороны, что-то там пыжата Путин с Медведевым, куда-то в модернизацию волокут страну. С другой, – деятели русской культуры бредят Европой и потому лепят свои творения на европейский манер. С третьей, – есть огромный народ, который живёт, как и жил, своей жизнью, и подражает западным образцам только до тех пор, пока работает телевизор. А как только телевидение гаснет и затыкается неугомонное радио, народ возвращается к привычному своему бытию с чтением детям перед сном сказок Пушкина, пением в гостях «Хас-Булата», хождением с соседями по грибы и общим, неистребимым никакими лихолетьями ожиданием неведомого чуда. Вот от действия этих разнонаправленных сил гигантский пласт русской культуры неимоверно растягивается, на глазах сплющиваясь до толщины денежной купюры. И если сейчас у этой купюры ещё высокий номинал, то с последующим истончением он будет всё меньше и меньше. А купюры мелкого достоинства при современной глобальной инфляции первыми выходят из оборота. И значит, чтобы не исчезнуть совсем, истончение культурного пласта необходимо прекратить. А для этого нужно пресечь действие разнонаправленных сил, расшатывающих менталитет русского человека и вызывающих ту лавину катастроф, что захлестнули Россию. Вот почему России, чтобы уберечься от постигших её несчастий, надо немедленно отказаться как от мечтаний о цивилизованном лоне Европы, так и от модернизаций, возрожденческих идей и прочей фантастической дребедени. Всех реформаторов долой! А то получается, что президент с премьером что-то там модернизируют, но гибнут от этого не их родственники, а простые российские граждане.

– Ну, долой, так долой, – не стал возражать Клим. – А что взамен? – наивно поинтересовался он.

– То, что приводит русских в неопишуемый восторг – христианское смирение! – тут же ответил LedyVlom. – Покорное непротивление силе. А кто у нас сейчас самый сильный? Правильно, тот, кто и раньше, – Америка. Проникновение её в российскую действительность началось ещё при Горбачёве. Но из-за бывших партаппаратчиков, всех этих радетелей российской государственности да разошедшихся бандюганов прибрать к рукам российскую экономику великой заокеанской державе не удалось. Хорошо хоть в российской культуре у неё получилось зацепиться. А уж с этой-то стартовой площадки стало возможным и дальнейшее проникновение Америки в глубь российского менталитета. И Россия, хочешь – нет, начала меняться. Пока ещё коряво, шатко, валко, но постепенно цивилизация приходит и на этот участок суши. Обратите внимание, во всех новостных программах, на всех центральных теле- и радиоканалах высших государственных сановников России называют на американский манер – только по имени и фамилии, пренебрегая традиционным для России уважительным обращением по имени и отчеству. Вроде бы мелочь, но и эволюция проявляет себя в мелочах. Сначала в мелочах. А когда мелочи

накопятся – бац! Вот вам и новый образ!

– Ага, – отозвалась Цвета, – значит, по-вашему, вся та мразь, что забила информационное пространство России, и есть её новый образ? Американизированный?

– Новый – не значит окончательно сформированный. То, что мы с вами видим, – это не влияние великой американской культуры на русскую, а результат взаимодействия нескольких разносторонних сил, о которых я писал выше. Американский вектор здесь, конечно, тоже присутствует, но не преобладает. Может быть, именно поэтому меняющаяся русская культура на переходных этапах своего эволюционного развития и принимает столь уродливые формы. Паниковать по этому поводу, однако, не стоит. Россиянам надо просто покорно перетерпеть. Пусть российские балерины и дальше славятся не танцем, а эпатажным поведением. Пусть русская литература продолжает вырождаться в легко усвояемый продукт массового потребления. Пусть вместо шедевров кинематографа телеэкран рябит от слащавых рож телемух-шоуменов. Пусть! Ведь по большому счёту всё это временные явления. Естественные мутации при взаимодействии чужеродных культур. А чтобы скорее пройти все стадии эволюционного изменения, надо отвести всё лишнее и, сконцентрировавшись лишь на достижении уровня американской цивилизации, без лишнего эмоционального напряжения пропустить её сквозь себя. Напитаться Америкой, чтобы неизбежное её проникновение в Россию не носило болезненного характера.

– LV, вы убиваете меня своей логикой, – простодушно написал Клим. – А ведь действительно, взять хотя бы совместное американо-российское освоение Североатлантического шельфа. Чем не пример того, что Америка уже добралась до российской жилы! Или перелицовка Российской армии на американский лад!

– То ли ещё будет! – живо отозвался LedyVlom. – Я и говорю, раз уж проникновение Америки в Россию неизбежно – а оно неизбежно, потому что в Америке грядёт сильнейший экономический кризис, а второй Великой депрессии американцы не допустят – то и не надо сопротивляться. Не надо расшатывать ветхую российскую государственность! Пусть Россия и дальше живёт по законам предков. И когда тихо, мирно, как дерьмо в отстойной яме, она перегниёт, из посеянных сейчас в её питательную среду семян уже совершенно естественным образом прорастут молодые побеги обновлённого американского государства. И лучше так, чем как-нибудь по-другому. Вспомните про вторжение Америки на Ближний Восток. Ради этой цели американцы не погнушались подорвать свои башни-близнецы с тремя тысячами человек! Поэтому не надо ждать, чтобы они выдумали какого-нибудь российского Бен Ладена, чтобы оправдать своё военное вторжение на российскую территорию. А то, что такой вариант возможен, у меня нет никаких сомнений. В американских и европейских средствах массовой информации любые события в России подаются только в негативном ключе. Из Путина в Америке вообще злого идола сделали. А это значит, что американское и европейское общество готовят к мысли, что Россия – враг. Это чтобы никто не удивлялся, когда в один прекрасный день натовским военным на кончиках своих штыков понадобится принести в Россию «настоящую демократию». Американцы разрушением башен-близнецов наглядно показали всему миру, что во избежание кризиса они на что угодно пойдут. Поэтому повторяю – не надо сопротивляться неизбежному. Тем более что и сами россияне потихонечку американизируются. Многие из них и так уже больше верят в чудодейственность американского доллара, нежели в святость православных икон. Осталось лишь слегка дожать, чтобы вера их переросла в культ.

– Вон оно куда вас занесло! – написала Цвета. – Начали от печки, а закончили околицей! Рановато вы, однако, на российских костях в бесовский припляс пустились. Народ российский ещё жив! И пока живой, вправе сам выбирать свою судьбу. И выбирает! И реформы, и президента, и всех остальных прочих народных избранников! И, значит, выбор народа не за какой-то там тухлой американизацией, а всё-таки за поиском своего собственного места в ряду равновеликих держав!

– Что за чушь вы там несёте? – брезгливо отписался LedyVlom. – Ваши избранники не народные, а инаРодные. Откуда он взялся, президент ваш? Кто о Медведеве слышал до его инаугурации? Он что, много лет участвовал в политической жизни страны? Долго шёл через взлёты и падения к вершине политического Олимпа? Нет. То же и с Путиным. Всплыл ниоткуда и стал царём в одну ночь! Его Ельцин у руля поставил, он – Медведева. Так и будут они дальше друг друга тасовать. А российский народ будет причастен к их политическому шулерству лишь отчасти. Спросят, например, какого-нибудь мужика: «Вот вы лично причастны к выбору президента?» И когда он ответит: «Конечно!», уточнят: «А как?». «А вот так, – ответит мужик и полезет правой рукой чесать через голову левое ухо, – окольным хэндэхохом!»

– Поразительное неуважение русского народа! – написала в сердцах Цвета. – Поразительное! И вы, LV, – просто гениальный всезнайка! И духовность зацепили, и нашего президента облаяли, и народу

пинка дали! Прямо божок языческий! Всё вам под силу! Во все сферы проникли! Удивляюсь я после всего вами написанного, как вы ещё по-русски говорите. Ведь в каждом вашем слове отвращение ко всему русскому! Всё, что есть у нас – всё вам не по нраву. И власть, и культура, и быт – всё! Тогда будьте последовательны, отрекитесь и от языка тоже! Станьте другим. Американцем, например. Окунитесь в свою мечту с головой. Забудьте этот «проклятый» русский язык. Это ведь он – носитель национального самосознания. В нём и душа русского народа, его прошлое, настоящее и, поверьте мне, его будущее, которого вы, как я понимаю, преобразованной России не желаете. Отрекитесь от языка!

– Испугали мышку стогом, – спокойно написал LedyVlom. Казалось, ничто не может вывести его из равновесия. – К вашему, Цвета, сведению, я уже два года проживаю не в какой-нибудь российской Тмугаракани, а в СОЕДИНЁННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ! Моему ребёнку пять лет. Русского языка он не знает, и я надеюсь, не узнает никогда. Потому что не хочу я, чтобы с языком он добровольно принял на себя вековое русское проклятие, коим зовётся расхлябанность разума, но которую вы, русские, холите и лелеете и называете душой. Жаль, мне самому русского языка забыть нельзя. Видимо, в определённом возрасте язык становится клеймом сознания и я, без возможности освободиться, заклею вашу русскостью навеки.

– А-а, так вот откуда ваша желчь на всё русское, – Цвета прилепила к фразе смеющийся смайлик, – от американских гамбургеров! И высокомерие ваше замешано на майонезе дяди Сэма! Ну раз для вас всё русское в себе – проклятие, то и мучайтесь на здоровье. Вас, конечно, могло бы спасти самоуважение, но ведь оно зиждется на гордости, а чем вам гордиться? Изворотливостью? Может, для Америки она и благо, но у нас в России эта черта характера повсеместно презираема. Так что даже хорошо, что таких, как вы, вымывает за океан – здесь чище будет. Что же до ваших слов об отсутствии в России силы, способной изменить духовную направленность народа, то я вам отвечу, что направленности этой вам с высоты вашего равнодушия не узреть никогда. Как не дано вам понять, что направленности этой никто менять не собирается, потому что сила, способная это сделать, – та самая великая русская культура, которую вы столь красочно изобразили в милом вашему американскому сердцу образе – денежной купюре. Купюра, смысл существования которой – оборот, азартная свистопляска с красочным названием «шоу»! Так вот, звёздно-полосатый мой оппонент, русская культура – не змеиное шуршание американского шоудоллара! И не сувенирная лавка у подножия застывших пирамид! Она – бушующий огонь в нашей крови! И не изменить она нас должна, а укрепить и возвысить, и вознести. Правда, пламя её пока затоптано пошляками, но, поверьте мне, в России ещё достаточно совестливых людей, чей душевный порыв в своё время напитает расцвет российского государства яркими красками возрождения. А вам там, за бугром, только всполохи от нашего огня достанутся. Потому что глаза ваши застит стеклянная призма равнодушной пресыщенности, которая даже Божью искру разложит на световой спектр, но понять красоту и природу которой будет не в состоянии... Жаль вас!

– Себя пожалейте! – Климю показалось, что LedyVlom первый раз за всё время разговора занервничал. – Божью искру девушка увидит... Где?! В лесных пожарах, что над Россией бушуют?! Или, может, небесный свет из телевизора польётся?! Тогда подскажите, по какому каналу! Посмотрю обязательно!

– Конечно, посмотрите, – впервые согласилась с LedyVlom Цвета. – Потому что если бы такие, как вы, не смотрели телевизор, то и эпатажные балерины, и популярные шоумены, и низкопробные литераторы – все остались бы без работы. Однако благодаря вам этого никогда не произойдёт. Потому что вы и вам подобные со свинячьей неразборчивостью перемальваете подряд все помои, что подают вам средства массовой информации. И, нахлебавшись, пытаетесь убедить окружающих в том, что всё, от чего вас при неумеренном вашем обжорстве тошнит, и есть великая русская культура. И откровенно делитесь со всеми мнением о мерзости этой культуры и горечи вызванной ею изжоги. Впрочем, мне удивительно не это. Меня беспокоит, почему в среде русских людей так много сейчас тех, кто с лёгкостью отрекается от своей Родины? Почему, глядя на растерзанное тело России, многие русские, подобно вам, LV, стремятся сделать большее своей родной стране, стремятся добить её? Почему, поставленные перед выбором, они спасают Варавву, разбойничий образ жизни, а её, возлюбившую их, принимающую на себя их грехи, они своими руками толкают к кресту, на котором цивилизованные поработители без капли сочувствия распнут её, а после гибели будут алчно делить между собой её одежды?

– Так, Цвета, может, всё дело как раз в этих её одеждах? – после знака вопроса LedyVlom прилепил ироничный смайлик. – Кстати, здесь, на Западе никто и не скрывает, что от России им нужны только её ресурсы. Ну и стабильность, конечно. Кому ж охота нефть под пулями добывать.

Цвета долго ничего не отвечала, а потом всё-таки написала.

– Презираю вас. И общаться с вами у меня нет больше никакого желания. Прощайте.

LedyVlom явно не ожидал такого поворота дела. Он сначала пристыдил Цвету за дезертирство. Потом милостиво обещал больше не дразнить её. Потом, извиняясь за излишнюю прямоту, клялся впредь быть более сдержанным в оценках российской действительности. Однако на все его призывы продолжить разговор Цвета отвечала гробовым молчанием. Вместо неё LedyVlom пытались задирать свидетели их с Цветой поединка. Но высказывания нападающих лишь копировали слова Цветы и часто облачались в столь примитивную форму, что отвечать их авторам ни LedyVlom, ни Климу не приходило на ум.

– Смотрите, PP, – написал LedyVlom, – смотрите, сколько вокруг нас с вами «совестливых» людей, всех тех, на кого Цвета возлагает большие надежды. И как же мелковат этот контингент! Как истеричен и недалёк! Вы со мной согласны?

Климу стало не по себе. Он испугался, что после ухода Цветы LedyVlom вздумается взять его в собеседники, а Климу заумных бесед вести не умел и как поддерживать дальнейший разговор, просто не представлял.

– Согласен, – наобум написал он в ответ. – Русские, что вы хотите. Один талант на миллион рождается, а потом на шее этого таланта вся страна ездит. И, главное, при жизни травят его, гноят, а после смерти гордятся. Но не столько гением гордятся, сколько тем, как травили. – И чтобы дальше не углубляться в рассуждения, Климу благоразумно решил сменить тему разговора. – То ли дело в Штатах! Вы, кстати, в Америке где живёте?

– Город-герой Нью-Йорк, – охотно ответил LedyVlom. – А вы откуда будете?

После Нью-Йорка писать про свой родной город Климу застыдил. Так провинциал тушует перед жителем столицы. Но, тяжело вздохнув, Климу всё-таки выбил:

– Кишинёв. Республика Молдова.

– Молдова? – не понял LedyVlom. – Это где-то на юге? Таджики, чучмеки, чурки всякие. Там что ли?

– Не совсем, – пояснил Климу. – На юге, да. Но мы западнее. Между Украиной и Румынией.

– Ошметок бывшего Совка? Интересно. Ну, давай, рассказывай, что за страна такая – Молдова, – предложил LedyVlom.

– Да какая там страна, – неохотно написал Климу, – так, страничка. Непровернутая страничка русско-румынского бестолкового словаря, – пояснил он. – Так и колеблемся, не зная, куда нас перевернёт: то ли к России, то ли к Румынии. Хочу свалить отсюда. Сейчас бегаю, готовлю документы для отъезда в Канаду. Посмотрим, получится, нет.

– Смотрю, Родину свою ты не жалуешь, – LedyVlom прикрепил плачущий смайлик. – Ну и правильно. Дуй в Канаду, соседями будем. Подальше от всех этих варваров. Пускай они сами своих детей, как котят, топят.

– Дай-то Бог, – бодро напечатал Климу. – Главное, чтобы с документами никакой лажи не случилось. И денег чтоб хватило. Квартиру продам, дачу. Сначала думал, может, на работе зарплату поднимут, чтоб подкупить, но у меня неприятности случились. Так что чувствую, не видать мне повышения зарплаты как своих ушей.

Климу ждал, что LedyVlom ради приличия поинтересуется, что же у Климы стряслось, но тот лишь написал:

– Бывает. Все от кого-то зависим. Жизнь такая.

В это время в комнату вошла жена. Оказалось, она уже и детей уложила, и душ приняла. Погасив центральный свет, она включила телевизор и, устроившись рядом с Климом на мягких подушках, обложилась тюбиками с парфюмерными кремами и занялась вечерним туалетом. По телевизору показывали какой-то американский боевик, в котором главный герой, чернокожий американец, с особой жестокостью уничтожал терзавших Америку русских мафиози. Глядя то в телевизор, то на экран монитора, Климу отвлекался от разговора с LedyVlom. К тому же его раздражало присутствие под боком жены, которая в любой момент могла прочесть его с LedyVlom переписку. А Климу не выносил, когда жена лезла в его дела. Поэтому, придержав ноутбук, Климу отодвинулся от жены на самый край кровати и развернулся так, чтобы краем глаза видеть, заглядывает жена в компьютер или нет.

– Приглуши звук, – попросил он супругу, – а то я отвлекаюсь.

Но жена будто и не слышала, как ни в чём не бывало, продолжала заниматься своим туалетом.

– Слушайте, LV. А если не секрет, кем вы работаете в Нью-Йорке? – поинтересовался Климу.

LedyVlom долго ничего не писал, видимо, раздумывая, отвечать на этот вопрос или нет, но потом всё-таки выбил:

– В гипермаркете. Системным администратором. И сейчас я, между прочим, работаю. Якобы... – LedyVlom прикрепил смеющийся смайлик.

– В гипермаркете?! Системным администратором?! – обрадованно застучал по кнопкам клавиатуры Клим. – Вот это удача! Что называется, на ловца и зверь бежит! Я тут в Кишинёве тоже в системе супермаркетов работаю. Числюсь электриком, но меня заставляют и ремонтом всякого оборудования заниматься. Недавно начальники мои ездили в Италию, купили там холодильное оборудование. Хлам, как понимаете. Но гендиректору это фуфло как новое подсунули. А холодильники, естественно, поработали-поработали, да и стали потихоньку медным тазом накрываться. То одно из строя выйдет, то другое. И, главное, технической документации на них нет. Ни одной принципиальной схемы. Притом что электроникой они напичканы по самое не горюй. Я как белка в колесе кручусь, верчусь, своим умом додумываю, что да как схимичить, чтобы этот металллом хоть немного проработал, и всё равно виноватым остаюсь. Дескать, это мой недочёт, что оборудование из строя выходит. Дескать, меня никто не контролирует, вот я техническое обслуживание спустя рукава и провожу. А какое там техобслуживание, если у меня под руками всё сыпется? В тех холодильниках только внешность яркая, а внутри как копнёшь – трухлявое всё!

– Не повезло, – только и ответил LedyVlom. – У меня на работе таких проблем не бывает.

– Ещё как не повезло! – не унимался Клим. – Я уже и в Интернете пытался хоть какую-то информацию накопать – всё бесполезно. И за помощью обратиться не к кому. Послушайте, LV, может, у ваших американских технарей в гипермаркете есть описание моего хлама? Не могли бы вы отсканировать у них нужные мне материалы и переслать мне?

– Нет! Ни в коем случае! – жёстко окоротил Клим LedyVlom. – Здесь это не принято! Что значит, я, работник одного отдела, приду к персоналу другого отдела, да ещё не просто так, а за технической документацией для иностранного гражданина?! Бред какой-то. Здесь подобные вещи совершенно невозможны.

Тем временем, пока Клим жаловался LedyVlom, пока тот отказывал ему, форум кипел от возмущённых реплик посетителей. Они требовали от модератора пресечь вольную, не по теме, переписку LedyVlom с Климом. Раздражение форумчан выросло настолько, что Климу в определённый момент показалось, что в общей перепалке он уловил непонятное, с тонким присвистом шипение, будто в огромном баллоне с сжатым воздухом образовалась течь, и тот тихо травил, ежесекундно угрожая взрывом. Возможно, нечто похожее почувствовал и LedyVlom и, раззадоренный нарастающим возмущением посетителей форума, назвал им неожиданно предложил:

– А ты, PP, поищи документацию на свой хлам в англоязычном Интернете. В Европе и Америке богатые технические библиотеки. В них удалённо через Интернет легко можно найти любую информацию. Это не ваша бумажная нищета, тут, главное, английский язык хорошо знать. Ты английским владеешь?

– Нет, – честно признался Клим. – Уже месяц на курсы французского хожу, но и в нём пока, кроме алфавита и дифтонгов, ещё ничего не вызубрил.

– Плохо, – заключил LedyVlom. – Тогда ищи того, кто бы знал английский. Другого выхода у тебя нет.

– А вы, LV, не могли бы мне в этом помочь? – затаив дыхание от возможности снова нарваться на отказ, написал Клим. – А-то, чувствую, крышка мне. А?

– Нет, ну что вы за народ такой! – возмутился LedyVlom. – Чуть дашь слабинку, чуть кому посочувствуешь – сразу начинаете что-то клянчить! Хоть не общайся с вами совсем!

– Не обижайтесь, – принялся оправдываться Клим. – Просто меня прессуют на работе, спасу нет. А если без работы останусь – мне хана! В Кишинёве такая безработица, что хоть бери топор и выходи на улицу людей грабить. Тогда прощай Канада, прощайте надежды!

– Вот только не надо мне в жилетку плакаться, – грубо отрезал LedyVlom. – Всем сейчас тяжело!

Клим ждал, что LedyVlom напишет ещё что-нибудь, но тот затаился, словно размышлял, продолжать беседу или уйти с форума.

– Мне бы хоть пару страничек, – просительно заныл Клим. – Я бы вам черкнул точные данные своего металллома: название, модель, год выпуска, всё такое. А вы, если бы где-то что-то узнали, написали бы мне или хотя бы ссылок накидали, чтоб я сам разобрался. Вы уж простите меня, просто действительно дошёл до черты, а вы, как та соломинка, надежду во мне возродили.

LedyVlom, раздумывая, по-прежнему молчал. На форуме его молчание оценили по-своему и тут же принялись смеяться над Климом, как над собачонкой, обманутой собственным хозяином.

– Короче, – наконец написал LedyVlom. – Делаем так. Поищу я для тебя что-нибудь. Но ничего не

обещаю. Получится – получится, нет – нет. Данные, да, оставь. На всякий случай. Чтоб я дураком себя не выставил и не мычал, когда меня на каком-нибудь форуме начнут по делу расспрашивать.

Клим чуть не подскочил от восторга. Вот это да! Вот это удача! И так неожиданно! Кто бы мог подумать, что какое-то утонувшее корыто поможет ему решить его проблему! Клим быстро отпечатал LedyVlom запрашиваемые им параметры, которые из-за дряхлеющей несколько месяцев головойки, казалось, отпечатались в его мозгу навсегда. Потом они договорились, как будут связываться, причём LedyVlom наотрез отказался давать адрес своего почтового ящика.

– Я сам тебя найду, если нарою что-то, – непреклонно заявил он. – А-то как бы Цвета через мои координаты на меня порчу не навела. Эти русские такие: если им плохо, то и всем вокруг плохо должно быть. Слышите, русские?! Хотя, что с вами разговаривать. Всё, PP, я ухожу. С тобой мы, может, ещё свяжемся, а остальным нытикам я говорю: «Прощайте!» Больше мне здесь делать нечего. Давай, PP, до созвона!

После ухода с форума LedyVlom Клим подумал, что и ему пора выключать компьютер и ложиться спать. Всё-таки завтра на работу. Поэтому, подражая LedyVlom, он тоже попрощался с посетителями форума:

– Всем пока! Всем спасибо и без обид! На всякий случай, если письмо – правда, мои соблезновения родственникам погибших. LV, умоляю, не забудьте про мою просьбу! Вопрос жизни и смерти! Салют!

Клим вышел из Интернета, выключил ноутбук, захлопнул крышку компьютера и положил его обратно на тумбочку. Потом медленно поднялся с кровати, сходил в ванную, умылся, почистил зубы. Вернувшись в спальню и укладываясь на своей половине, он спросил у жены:

– Телевизор выключаешь?

– Нет, – лаконично ответила та.

Зная, что жена без телевизора не уснёт, Клим не стал спорить. Пожелав супруге спокойной ночи, он отвернулся на другой бок и, укутавшись с головой одеялом, попытался уснуть.

Сначала ему ничего не снилось. В глазах мелькали неуловимые искры, вспыхивали и гасли мириады неразличимых звёзд, но чем больше он увязал во сне, тем быстрее успокаивалась вакханалия красок, тем прозрачнее и яснее становилось пространство вокруг Клим. В этом пространстве Клим обнаружил скрытые течения, вместе с которыми его уносило дальше в глубь сна. Сил сопротивляться течениям Клим не находил. Он чувствовал себя тяжёлым, неповоротливым. Каждое движение совершалось им через силу, с натугой. И эта непривычная неповоротливость тяготила Клим. Он томился в своём неуклюжем теле, ставшем вдруг чужим, неудобным. Климу хотелось вырваться из разочаровавшего тела, сбросить его с себя, как змея сбрасывает опостылевшую шкуру. Но избавление было невозможно, потому что само понятие рывка, резкого движения теряло всякий смысл в непреодолимо плотном пространстве сна. И всё же Клим не терял надежду и, преодолевая вязкое сопротивление окружающего его пространства, с чудовищной медлительностью поворачивал тяжёлой, словно налитой чугуном, головой в поисках лазейки от сковавшего его паралича. Однако пронесшийся мимо прозрачный поток материи, сплошной серо-голубой массой устремляясь вперёд, никаких разрывов не обнаруживал и покинуть себя не давал. Тогда Клим подумал, что надо бы уснуть ещё глубже, так, чтобы совсем ничего не видеть, ни к чему не стремиться и чтобы крепкое и долгое забытье прекратилось лишь под утро по требовательному зову ненавистного будильника. И в тот же момент Клим заметил проплывающие мимо него белые листы бумаги. Медленно поворачиваясь в уносящемся потоке, они позволяли разглядеть себя. Клим решил не обращать на них внимания. Он старался ни о чём не думать, потому что завтра с раннего утра на работу, а там снова скандалы, снова ругань и бесполезное многочасовое ковыряние во внутренностях выработавших свой ресурс холодильных агрегатов. Но неожиданно на одном листе мелькнула электронная схема какого-то устройства. И на всех листах, оказывается, были напечатаны какие-то схемы. Клима осенило вдруг, что эти листы и есть так необходимая ему техническая документация. Преодолевая плотное сопротивление несущегося потока, Клим протянул тяжёлые, непослушные руки к листам. Поднеся листы к самому носу, он напрягал зрение и сквозь застывшую глаза сонную поволоку попытался прочесть схемы. Но в приближении схемы таяли, исчезали с листов, прочесть их никак не удавалось. К тому же в ушах звенело от волнами нарастающего шума. Шум нервировал Клима, отвлекал от чтения схем. А так хотелось побыть в тишине, заняться наконец любимым делом, найти причину неисправности. Но шум нарастал, увеличивался. Клим оторвал взгляд от листов и увидел по правую руку от себя замершего в ожидании LedyVlom.

– Мы ждём твоего решения, прокуратор, – почтительно и твёрдо произнёс первосвященник и простёр руку, сжимающую Климовы листы, в сторону арестованной девушки.

«Ах, да! – вспомнил вдруг Клим. – Надо же определиться с подсудимой!» Клим никак не мог вспом-

нить во сне, кто эта девушка и в чём её обвиняли, но спросить первосвященника не посмел. «А собственно почему девушка? – рассеянно подумал Клим. – Вроде должен быть мужчина». Растерявшись, Клим неуверенно посмотрел на LedyVlom и стал медленно поворачиваться к девушке, чтобы рассмотреть её. Девушка стояла у него за спиной по левую от него руку. Клим двинул своё неповоротливое тело к ней. Тело подчинилось с трудом, нехотя. Медленно, страшно медленно Клим отворачивался от первосвященника в сторону подсудимой. Сначала глаз самым краем зацепился за белые в складках одежды девушки, потом увидел верёвочный пояс, подпоясавший тонкую девичью талию, гордо распрямлённые плечи. «Цвета?» Климу, во что бы то ни стало, потребовалось взглянуть девушке в глаза, увидеть их свет, глубину. Стеснённый вязкостью пространства, Клим очень медленно поворачивался к Цвете. И также медленно и неуклонно Цвета отворачивалась от него в противоположную сторону. «Цвета!» – вглядываясь в фигуру подсудимой, позвал Клим. Но чем сильнее он вглядывался, тем прозрачнее становилась девушка, словно таяла под его пристальным, изучающим взглядом. Клим попытался приблизиться, но с каждым его шагом фигура девушки становилась ещё более прозрачной, пока не исчезла совсем. От её исчезновения пространство вокруг Клима очистилось, сбросив липкость сна, обрела реальность. Клим отчётливо увидел перед собой огромное, простёршееся до горизонта поле. Широкое. Бескрайнее. И каждая травинка, каждый цветок, сколь далеко бы он ни находился, приветливо клонился то к Климу, то от него. Поле манило его, приглашало уткнуться в мягкий шёлк своих трав, вдыхать их пряный аромат, подставив лицо нежному ветерку, нежиться под тёплым покрывалом солнечного света. Поле звало к себе, хотело поведать ему свою тайну, довериться ему. Климу только и оставалось, что, забыв о прошлом, сделать шаг ему навстречу и, подобно Цвете, раствориться в душистом аромате полевых трав. И не думать о том, что завтра на работу, что завтра Клима снова ждут скандалы и унижения. Сейчас, в этот волшебный миг нужно было оставить позади все заботы и, отдавшись манящему зову поля, раствориться в счастливой бесконечности, так нелепо и бестолково запихнутой Климом в его глупый псевдоним.

А поле ждало.

И дышало.

Томно.

Глубоко.

И травы колыхались в такт его дыхания, шумели. И этот шум, наполнив всё пространство Климова сна, походил на шуршание листов в руках LedyVlom. Тех листов, которые, возможно, и являлись заветной документацией и которые так необходимо было прочесть Климу. Сердце Клима похолодело от ужаса, когда он вдруг подумал, что LedyVlom может избавиться от ненужной ему документации и Клим никогда больше не сможет с ней ознакомиться.

Клим хотел резко повернуться к LedyVlom и крикнуть ему, чтобы он не выбрасывал документацию, но вязкое пространство сна погасило его порыв, не дав движению набрать скорость и силу. Медленно, очень медленно Клим стал оборачиваться назад к LedyVlom, и так же медленно исчезало открывшееся ему поле, а на его месте возникал силуэт арестованной девушки. Но до неё Климу уже не было никакого дела. Он увидел LedyVlom, листающего документацию, и протянул к нему руку. «Твоё решение, прокуратор?!» – напомнил Климу о его долге первосвященник. «Да делайте вы что хотите!» – в сердцах подумал Клим, но сказать это сквозь небывалую тяжесть сна не сумел. Но LedyVlom и так его понял. «Да будет по сказанному», – почтительно поклонился первосвященник. Он сделал шаг в сторону, и Клим наконец увидел источник того шума, что отвлек его от чтения электронных схем. Оказалось, Клим стоит с LedyVlom на балконе высокого здания, а прямо под ними ревёт и беснуется оголтелая взьерошенная толпа. Клим разглядел каждый оскаленный рот, каждый сжатый кулак. Различил, о чём кричат люди в толпе, что требуют. Он недоумённо посмотрел на LedyVlom, а тот ещё раз поклонился и широким движением с силой швырнул кипу белых листов прямо в толпу, в самую людскую гущу. Кипа взметнулась вверх и, шурша белой бесшумной бомбой, взорвалась над толпой. В ту же секунду листья вспыхнули ярким пламенем и, мгновенно сгорев, просыпались чёрным пеплом на головы людей. Толпа содрогнулась, взвыла ошпаренным зверем и, обезумев от ярости, бросилась на Клима. Перевалив через ограждения, грязным селевым потоком она ринулась к балкону и, казалось, вот-вот перехлестнёт через парапет. Клим в панике попятился назад, но плотное пространство сна непреодолимым препятствием встало на его пути. Клим беспомощно барахтался на одном месте, перебирал руками и ногами, но с места не сходил. В ужасе Клим закричал и проснулся.

Ничего не понимая, он оглядел комнату. По телевизору в ночных новостях показывали очередной конфликт на Ближнем Востоке. На экране беснующаяся толпа металась от здания к зданию, поджигала

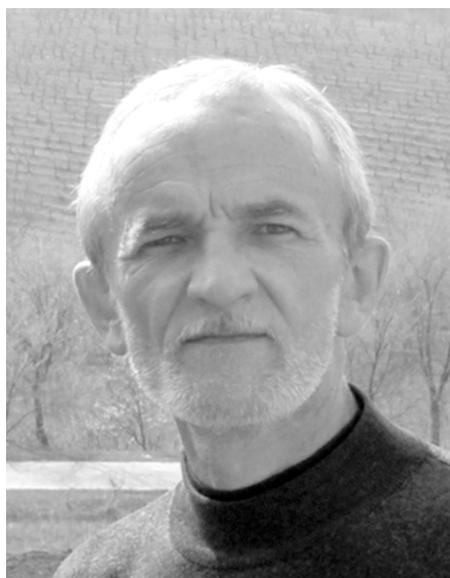
машины, громила витрины магазинов и кафе. Комнату наполняли звуки бьющегося стекла, свист, гортанные выкрики на незнакомом языке.

– Просил же убавить звук! – громко, сквозь сон, выговорил жене Клим. – Только о себе и думаешь! Гаси шарманку!

Но жена не ответила. Уснув, она тихо спала на своей половине. Повернувшись к ней, Клим пошарил по одеялу и, найдя пульт, с ненавистью выключил телевизор. Положив пульт на тумбочку, Клим снова устроился на боку и, зажмурив глаза, попытался уснуть. Но сон не шёл. Подобно тяжёлой капле смолы, сползающей по шершавому древесному стволу, родилась и текла в мозгу Клима мысль о Цвете. Но, неясная, она томила непонятным смыслом, возбуждая в душе горькое ощущение неразгаданной тайны. Клим посильнее зажмурился и постарался вызвать образ открывшегося ему поля. Но вместо бескрайних просторов ему привиделась вдруг чёрная непроницаемая бездна. Густая тьма её поглощала все мысли, все чувства. Мрак не давал ни отблеска, ни эха. Однако Клим не испугался этой тьмы. Откуда-то он знал, что именно из её чёрных глубин должен прийти ответ от LedyVlom. И Климу так не терпелось получить тот долгожданный ответ, что он сам, по собственной воле стал погружаться в беспросветную тьму и всё кричать, всё звать LedyVlom. Но тьма, прожорливо поглощая его, безответно молчала.

Сергей ЗУБОВ

Родился в 1953 году в г. Кишинёве. По образованию – юрист. Длительное время работал на Крайнем севере. Стихи пишет с 1969 года. Хобби – резьба по дереву и кости. Ранее не публиковался.

Плевун-профессионал

Он плевал всегда и во всех,
Он плевал в потолок от безделья,
Он на горе людское плевал,
И поплевывал он на веселье;
В фотографии бывших друзей
С наслаждением слюну выпуская,
В спины мимо идущих людей
Он плевал, желчи яд добавляя.
А как смачно он в руку плевал,
В ту, что в помощи скорбно нуждалась!
Скольким в души успел наплевать,
В Доблесть, в Честь и в почтенную Старость!
Огляделся однажды вокруг;
Незаплеванных мест не осталось.
Грустно стало ему; жизнь прошла,
На исходе слюна, но не ярость.
И почти отойдя в мир иной,
Когда к зеркалу морду приставил
Ему кто-то, он тут же плевков
В отраженье тот час же направил.
Он попал, и большое пятно,
Как вонючая лужа, – расплылось.
И творимое, им же дерьмо
На круги, на своя – возвратилось.

Июнь 2003 г.

* * *

Как тяжелы грехи мои, я знаю сам,
С себя за них вины я не снимаю,
И если вслух не каюсь громко я,
Лишь потому, что тех молитв не знаю.
С годами тяжелеет на душе,
Но не прошу у Бога снисхождения,
И пусть Господь отпустит все грехи,
Мне у себя не получить прощенья.

Июль 2010 г.

* * *

Я в паспорт не заглядывал давно,
Мне возраст мой и без того известен,
И вздох тут был бы просто неуместен,
Но времена другие наступили –
В троллейбусе мне место уступили...

Декабрь 2007 г.

В одном лесу всем весело жилось

В одном лесу всем весело жилось,
Пока в нем Заподло не завелось.
То ягоды потопчет, то грибы,
А то зверье оставит без воды.
Бывало, гнезда все перевернет
И паутину ловчую порвет.
Терпенье лопнуло у жителей лесных,
Подались кто куда из мест родных.
Там, где певуний трель была слышна,
Повисла гробовая тишина.
И сразу стало скучно Заподло,
Привыкло Заподло творить лишь зло.
Без этого не жизнь, а просто мука!
Огромный лес, ни шороха, ни звука.
Когда же белый свет ему постыл,
Подлячий слух звук-шорох уловил.
И снова жизнь забила в Западло.
Бежит оно скорее сделать зло.
От предвкушенья всё внутри дрожит,
Сквозь бурелом на этот звук летит.
Влетает на поляну – там палатка.
И храп оттуда, спит там кто-то сладко.
Набрало воздуха побольше Заподло
И свистнуло – верхушки древ снесло!
Прислушалось в палатке – тот же храп,
Тогда оно ногой об землю – хряп да хряп!

Всё закачалось, заходило ходуном
 Палатку завязав морским узлом.
 И просияло Заподло – какая радость,
 Что удалось кому-то сделать гадость.
 Но радоваться долго не пришлось.
 Сопенье из палатки донеслось.
 Опешило с досады Заподло
 И на клочки себя разорвало.
 Палатка же в лесу так и стоит.
 А в ней «ДОФОНАРЯМНЕ» сладко спит.

У нас в стране гуляет Заподло,
 Оно немало горя принесло.
 Но не поднять со дна нам якоря,
 Пока нам Западло – до фонаря!

Январь 2009 г.

* * *

К соседу в гости «белочка» зашла,
 Предпочитал он водке суррогаты,
 И «Родиной» представившись, она
 Его спросила: – Любишь ли меня ты?
 Готов ради меня ты бросить пить,
 По бабам шляться, матерно ругаться,
 Вонючим табаком себя губить,
 А, коль придется, с жизнью распрощаться? –
 Сосед, налив стакан свой до краев,
 Ответил ей, безудержно икая:
 – Как пионер я завсегда готов,
 Зачем мне жизнь тогда нужна такая?

Июль 2008 г.

Подруге дней моих...

О няне Пушкин вспоминал,
 Когда скребли по сердцу кошки,
 Он с нею даже выпивал
 И все просил: «Налейте кружку,
 Пусть сердцу станет веселей».
 Но он погиб – невольник чести.
 Урок потомкам на века.
 Но как без няни? Как без кружки?
 Скребут же кошки, черт возьми!
 Я знаю то, что я не Пушкин,
 Не Тициан, не Фаберже,
 Но знаю я секрет той кружки,
 Что нам нужна на вираже,
 Приходит Муза, с нею кошки.
 Весной скребут они сильней.
 Скажи мне няня: «Где же кружка,
 Пусть сердцу станет веселей!»
 Кто бы налил сейчас и мне?

Апрель 2004 г.

* * *

Всю жизнь куда-то я бежал,
 Всю жизнь к чему-то я стремился,
 Во всем искал свой идеал,
 Чего-то все же я добился,
 А вот когда остановился,
 То, как ни странно, очутился
 На том же месте, где стоял...

Январь 2011 г.

Олег БЕСКРОВНЫЙ

Родился в 1947 году в г. Одессе в семье военнослужащего-фронтовика. В 1958 году поступил в Суворовское военное училище. Дальше – Военная Академия, служба в Вооруженных силах СССР в Средней Азии, России, Германии, Закавказье и Украине. Работал в условиях Чрезвычайного Положения (локальные войны), вводимого в республиках Закавказья в период развала Союза (Абхазия, Карабах, Тбилиси, Баку, Южная Осетия). В 1999 году в Москве был издан поэтический сборник «Зазеркалье». Украинскими композиторами и исполнителями песен Геннадием Володько и Александром Бабенко были написаны более 50 песен, включенных в альбомы, посвященные Великой Отечественной войне, войне в Афганистане. Член Крымского республиканского творческого союза «Крымская Ассоциация Писателей». Член Международной ассоциации писателей маринистов и баталистов.

Отзвенело

Отзвенело, улетело
лето в осень, в листопады,
в боль щемящую утраты
буйства солнечного дня.
Снова долгими ночами
перемешанные карты
не сложившихся пасьянсов
у потухшего огня.

Только тленье, только тени
стали карточным узором.
Я гадаю, ведь поклонник
той несбывшейся мечты.
И отчаянье с терпеньем
о любви мне пели хором,
перезвоном колокольным,
как предвестником беды.

Ночь горенья, ночь похмелья –
стал листом я серебристым,
золотистым, опаленным
и гонимым ветром прочь.
Унесенный в захолустье,
в отживающую вечность,
отраженьем благозвучным –
не могу себе помочь.

Я искал свободу долго.
Приобрел в закатах красных,
там, где путь начертан млечный,
лишь оттенок волшебства.
Только мысли-хороводы
и мечты дождем напрасным...
Не спасает безупречность,
ее новая листва.

Отзвенело, улетело
лето в осень, в листопады,
где березовые рощи,
как предвестники зимы.
Я опять ищу в пасьянсах
знаки близкого рассвета
и следы бубновой дамы
на границе дня и тьмы.

Шансон

Что бы взять на острове из песен?
Если бы не он, пошел ко дну.
Без мелодий здесь мир очень тесен.
Прозевал без песен я весну.
Прозевал и лето – все в походе.
Череду из волн гасил вином.
И бутылки-письма где-то бродят,
и надежды вновь укрыты сном.

Саксофоны, скрипки и гитары,
как молитва, – в глубине души.
Бригантины – песни остов старый
тащит парус из мирской глуши.
И опять я к острову прибился.
Чайки здесь, как детство и мечта.
И приснилось: я опять влюбился,
и прибора белая черта.

А любовь мне машет за чертою.
В пене мне привиделась фата.
Вышел в море снова за мечтою –
в мир иной открыты ворота.
Я пою и складываю строчки.
Наполняет ветер парус мой,
пляшут волны – запятые, точки.
Мои песни – это мир иной.

Вечный зов

– Я спешу, тороплюсь, я бегу...
Вам не скучно на темной дороге? –

Кто во власти несбывшихся долгих лет очнулся на странном пороге, где по осени в стилом лугу, как бродяга, проснувшийся в стоге от призывного рева быка, разъяренного близостью брата; где трава поседевшая смята не копытами – чувством утраты первозданной любви на века; за мечты, где судьбою расплата, – тот откликнется сразу на зов.

Оглядевшись, мы ищем, откуда прилетел он, навеванный чудом. Власть его, как за прошлое ссуда, где ты ждал, не снимая оков. И мы ищем, что скрыто, под спудом.

– Ты еще собираешь венки,
и блестят ли цветов его краски? –

Карнавал в зажигательной пляске:
Кто ты есть грациозная маска?
Я цветы расстилаю у ног
в ожидании счастья и ласки,
веря с первого взгляда в любовь,
в то, что можно понять человека,
сердце, что зазвучало, как дека...
Было ль, не было – разве помеха,
что от зова волнуется кровь,
счастье льется игристым смехом.

Растворяется в сумерках бриг,
как в вуали лесной паутины.
Снова шлюпка, где я без причины;
обнаженная ярость пучины,
укрошенная призраком вмиг.
И Бегущая – детства картина –
по волнам, как предутренний сон.

Пусть зовет и бежит к потерпевшим,
кто с собой не в ладах, не сумевшим
разглядеть за восходом плещи
и души затянущийся стон.

Только луг этот – памятью вешней,
в ожиданье – несбывшимся полн:
мне поведали грустно и просто –
в океане есть солнечный остров,
где у рифов, отточенных остро,
среди пенистых видели волн
бригантины заброшенной остов.

Но не верю им – чувства в остроге,
и бездушные формы – всем лгут.
Слышишь сердца биенье в тревоге,
голос моря, протяжный и долгий:
– Вам не скучно на темной дороге?
Я спешу, тороплюсь, я бегу... –

Возвращение лета

Возвращается лето осенью
паутинками, листьев золотом.
Не грусти, что деревьев проседи
уменьшаются по утрам.
И не прячься за ночи стальные,
за туманы, что дышат холодом.
Нарядись лучше в платье длинное
из кленового серебра.

Разлетаются птицы стаями,
унося в своих клиньях пение.
Но мечта во мне не растаяла –
Бабье лето стучит в окно.
Пусть дожди обойдут, развеются,
ты пойми мое нетерпение:
это вертятся годы в мельнице,
скоро кончится в ней зерно.

Возвращается лето осенью,
напоследок рассыпав красками.
Я багрянцем в тетрадке прописью
написал «Любовь» в октябре.
Лист кружит над тобой задумчиво,
опускается в руки ласково.
Ну, не будь такой неуступчивой,
пробудись ото сна скорей.

И не листья, не бабье лето
виноваты, что блекнут краски,
что Любовь, уносясь в карете,
не снимает последней маски.
Ждать не надо, когда метели
в хрупкий лед превратят наряды,
унесут снега в параллели
ожиданья любви награды.

Сергей РАТМИРОВ

Родился в 1967 году в г. Тирасполе. В 1983 году начал литературную деятельность. В 1990 году окончил филологический факультет Тираспольского педагогического института им. Т. Г. Шевченко, работает преподавателем, кандидат филологических наук (специальность – русская литература). Автор книги «Сто бесед о вечности» (2004), публиковался в альманахах «Спутник» (Москва), «Поэзия» (Москва), «Литературное Приднестровье», «Взаимность», журналах «Русская словесность», «Новый Енисейский литератор» (Красноярск), газетах «Российский писатель», «Приднестровье» и др. Член Международного сообщества писательских союзов (МСПС), руководитель старейшего литературного объединения в Молдавии «Взаимность».

Поэтам

Вы в мир пришли без опозданий,
Имея драгоценный дар словес.
Уже не будет оправданий,
Когда землёй прикроете его.

И станет стыдно за сказанье
Давным-давно прочитанных дорог,
Где лик испортило кривлянье,
И сам себя винить уже не мог.

* * *

В куполах разлетелась душа
И услышан святой Благовест,
Шелестела бугристо листва,
Когда взяли на плечи мы крест.

Понеслась эта песнь на поля,
Через блики и тени сквозь лес,
Там, где пенится Волги волна,
И разливы виднеются рек.

Озарились, как встарь, города,
В алтарях зажигается свет,
Поклоняются лику Христа,
Забывая о перечне лет.

Неужель наступила пора,
Когда Русь осознала свой грех,
И вовеки вернулась мольба,
Возрождая былой разноцвет.

В куполах собиралась душа
И услышан Святой Благовест,
Шелестела игриво листва,
Когда взяли на плечи мы крест.

* * *

Звучит мелодия дудуки.
Жизнь совершается с листа,
И веришь, что кому-то нужен,
Что всё проходит неспроста.

Звучит мелодия дудуки,
Но слышу важные слова,
И нет отчаянья и скуки,
Полна Неведомым душа.

Звучит мелодия дудуки,
Как будто древняя мольба,
Уже не чувствую разлуки,
Вся суть вещей изменена.

Звучит мелодия дудуки,
Ведет в земную жизнь Христа,
И я так чувствую разлуку,
Как будто было всё вчера.

* * *

Мгновенье в пригоршню собрав,
Уйду в невысказанный сон,
Чтоб якорь совести подняв,
Услышать Вечный Разговор.

И там, в безмолвии пустыни,
Родится новая душа,
И мне Неведомый всё скажет,
Что было завтра и вчера.

Сие не грёзы сновиденья,
Но сновиденческая явь,
Когда Господь сжимает время,
В мгновенном вечное обняв.

* * *

Никогда, никогда не забуду
Этих дней бесконечных чреду,
Когда были повенчаны с ветром,
Надевая на север узду.

Никогда, никогда не забуду,
Когда сели с тобой на звезду,
Посылая приветствие югу,
Обнимая ночную луну.

Никогда, никогда не забуду,
Когда звали мы Веру-сестру,
Поклоняясь свершённому чуду,
Что случилось на нашем веку...

И обняла в приволье Надежда,
Облекая наш смысл в Красоту,
И в раздолье душа распевала
Бесконечное вечно Люблю.

* * *

Звёзды. Тихое мерцанье.
Стая воронов в пути.
Вечер. Робкое свиданье
Звука с звуком впереди.
Месяц. Грустное прощанье
Дня, угасшего в степи.
Лада. Хрупкое создание,
Отблеск Неба на Земли.
Голос. Нет очарованья:
Белый голубь заключён в ночи.
Дева. Сладкое мечтанье:
Всё – в безудержной Любви.

* * *

Во дни бессмысленных метаний
Ко Свету мы стоим спиной,
Испытывая боль свиданий
С опустошающейся тьмой.

Я прихожу к тебе, мой Пушкин!
Возьму твой пожелтевший том,
Найду любимую страницу,
Стряхну очарований грусть.

И буду долго я молиться,
Узнав, что Словом возрожден,
Припав к Евангельским криницам,
Тобой любовью напоен...

Свободой больше не покинут.
Таков высокий твой глагол!

* * *

Высокое звучанье Слова
Моей судьбе приносит Бог,
И, сотворивши вновь и снова,
Вплетаюсь в чудотворный стих.

Желанную обрёл Свободу,
Любовью обнажая мысль,
Когда соединившись в Горнем,
Познал, что значит наша жизнь.

Александр БЫВШЕВ

Родился в 1972 году в посёлке Кромы Орловской области. Окончил факультет иностранных языков Орловского государственного педагогического института. Преподаватель иностранного языка. Автор двух поэтических сборников: «С думой о России» (1998 г.) и «Солнечный зайчик» (2007 г.). Финалист конкурса юмористической поэзии «Пошла писать губерния» (2006 г., «Литературная газета»), победитель конкурса стихов журнала «Эрфольг» (2010 г.), лауреат конкурса им. Н.А.Некрасова (2011 г.), финалист конкурса политической сатиры «Политпиит» (2011 г., «Литературная газета»), победитель творческого конкурса журнала «Юность» (2011 г.), победитель конкурса «Время Поэтов» (2011 г., Липецк) и лауреат всероссийского литературного фестиваля-конкурса «Хрустальный Родник-2012» (3-е место).

Табак

Затих свист пуль и вой снарядов,
И грохот полутонных «дур».
Товарищ мой прокашлял рядом:
«Кажись, ребята, перекур».

И каждый вынул из кисета
Свой драгоценный самосад.
Короткий отдых до рассвета,
А завтра – вновь крошечный ад.

Мы затянулись горьким дымом,
Пахучим и до слёз родным,
Таким сейчас необходимым
Нам, молодым бойцам седым...

Прервал молчанье бас майора:
«Не одолеть им нас никак.
Мы прикурить дадим им скоро. –
Их дело всё равно табак».

* * *

Я вижу тот бой – был он словно вчера.
Деталь ясно помню любую.
Покинув окопы, мы с криком «ура!»
В атаку пошли штыковую.

И сердце гудело в груди как набат.
И мысль – дотянуть бы до леса...
Вдруг вспышка... Удар... Боль в ноге... Медсанбат.
И голос врача: «Будем резать».

Хотел я потрогать колено – о,нет!..
Да лучше б я мёртвым остался!
Кивнул мне печально безрукий сосед:
«Что, тоже, брат, отвоевался?..»

Закрыв я глаза. Чуть намокла щека.
Взгрустнулось о жинке и сыне...
И снился мне сон, как пляшу гопака
Я нашим весною в Берлине.

1941 год

Ещё закрутим по одной.
Пусть горький дым стоит стеною.
Мы все прокурены войной,
И дышит всё вокруг войною.

Любому станет здесь невмочь:
«Драконы», «Тигры» и «Пантеры»...
Преследует и день и ночь
Нас запах пороха и серы.

Родной спаситель, самосад!
О, как на фронте ты сгодился!
Нас жизнь в такой швырнула ад,
Какой и дьяволу не снился.

Слезит глаза нам едкий дым.
За дзотом даль в золе и пепле...
Нет, всё равно мы победит,
Хоть и сгорим все в этом пекле!

Ветеран

Он носил осколок возле сердца –
В память о проклятой той войне.
Никуда от прошлого не деться.
Продолжал он воевать во сне.

Вот опять упрямо лезут фрицы,
А вокруг клубами вьётся дым.
Злобой перекошенные лица.
Ничего, сейчас мы вам дадим!

Боль в груди – и в землю он уткнулся,
Пулю сражённый наповал...
Ветеран наутро не проснулся.
За окошком ветер бушевал.

Старец весь в отметилах металла
Ратный путь прошёл здесь до конца.
В воинстве небесном больше стало
В эту ночь на одного бойца.

Пуля

Ну что ты свищешь, дура пуля,
Свинцовожгучая пчела?
Того, кого ты ищешь в поле,
Твоя сестра вчера нашла.

За молодыми всё летаешь.
Поди, намаялась в пути.
Ещё своё ты наверстаешь...
А я уже не твой, прости.

* * *

«Любимая, прощаюсь я с тобой.
Осталось напоследок мне побриться.
Нас на рассвете ждёт неравный бой.
Пушкой умрём, но не пропустим фрица...»

Легли костями за мост все двадцать два.
О том не раз писали краеведы...
А его дочку назвала вдова
Викторией – в честь будущей Победы.

* * *

Враги сожгли родную хату.

Михаил Исаковский

Вёрст не одну прошёл с боями тыщу.
И, забинтованной качая головой,
Вернулся он к родному пепелищу
С простой холщовой сумкой вещевой.

Где ладная его стояла хата,
Теперь лежали пепел и зола.
И за четыре года у солдата
Слеза впервые по щеке сползла.

Он на войне мужские чувства прятал,
Хоть помнил каждый день жену и мать.
И сам бойцам командовал: «Ребята,
Что скисли вы? А ну – не унывать!»

Сидел солдат у отчего порога
И вдаль глазами влажными глядел.
И было горя до безумья много,
И впереди всех ждало столько дел...

Чернели обгоревшие берёзы...
И, обойдя сожжённое село,
Себе он приказал: «Отставить слёзы!
Мы возродимся всем смертям назло!..»

Забытым русским героям

*Мёртвого имя назвать –
всё равно что вернуть его к жизни.*

Древняя восточная мудрость

Наша память о них всё короче.
Знает маятник дело своё...
К Богу их обращённые очи
Исклевало давно вороньё.

Прах рассеян ветрами по свету,
Умножая безвестных число.
Сколько подвигов кануло в Лету
И курганов быльём поросло!

Зло у нас каждый век с урожаем.
Веру павших героев храни!
Мы забвением их убиваем.
Вспомним всех, чтоб воскресли они!

В день памяти и скорби

Подойду в День Скорби нашей
Молча к Вечному огню.
Перед памятью всех павших
Низко голову склоню.

И вздохну в бессилье горько,
Слёз горячих не тая,
Как подумаю, во сколько
Обошлась им жизнь моя!

Русский солдат

Отпилили парню руку.
Двести грамм – и весь наркоз.
Принял он такую муку,
Стиснув зубы, и без слёз.

Всё стерпел, молчал упрямо.
Лишь когда застрял металл,
Вскрикнул: «Как мне больно, мама!..»
И сознание потерял.

И не стал потом он охать,
Обнаружив в полумгле
Свою правую... по локоть,
Что лежала на земле.

Сплюнул красною слюною
И шепнул, с трудом дыша:
«Ничего, я и с одною...
Мне сподручно... Я ж левша...»

Андрей ВРАДИЙ

Родился 1930 году в селе Липняшка Кировоградской области. Окончил Днепропетровский железнодорожный институт. Работал в Коми. В Молдове проживает с 1961 года. Писать начал со школьной скамьи.

Друг Серёжка

Сегодня утром почта полевая,
Собрав все откровения ребят,
Умчалась в тыл, на Бога уповая,
(Порой на фронте и слова бомбят).

Тем более слова те не простые:
В них – боль сердец и откровенья душ...
Скорей по адресам, чтоб не остыли,
Пока сквозь стужи зимние пройдут.

Серёжка друг и фотку небольшую
В тот треугольничек сумел вложить.
Мол, сколько дней с собой её ношу я –
Снимались с Витькой – он-то не дожил...

Поздравил маму с днем её рожденья,
А вот про Витьку написать не смог.
Все думаю, ну просто наважденье:
Как с вестью той переступить порог?..

И слушал я Серёжку, и дивился:
Откуда мудрость та, не по годам?..
А он, как бы в предчувствии томился,
Что путь его – по Витькиным следам.

...Еще звучал в ушах тот голос звонкий,
Еще письмо спешило за Урал,
А в штабе уж писали похоронку,
И наш костёр прощальный догорал.

Серёжка, друг, даст Бог, дождусь победы,
За твой помин я чарку пригублю,
Я за тебя стерплю любые беды,
Отплачу, отдружу и отлюблю.

У погоста

Мы – в обороне, окоп во весь рост,
нет у нас старших;
А за спиною старинный погост
прадедов наших.

То – не Москва: отдавали её,
пусть только дважды;
Что-то в погостах безмерно своё –
чувствует каждый.

...Пятеро нас, и годков нам на всех
сотня к обедне.
А за спиною алеет рассвет,
может, последний?..

И сквозь столетия предков черты
в алом рассвете
Нам указуют: у этой черты
вам быть в ответе!

...Тихо роняет нам дуб-великан
росы ли, слёзы?
Тускло мерцают сквозь белый туман
судьбы ли, звезды?..

Мы не ушли, не отдали погост
на поруганье,
Став у последней черты во весь рост
в схватке с врагами.

Пять раз «Прощайте!» срывалось с губ,
пять – не иначе!
...Тяжко над братской могилою дуб
стонет и плачет.

Нецелован

Ещё сегодня утром он был жив,
Ещё сегодня утром он смеялся.
По-дружески на плечи положив
Мне руку, он застенчиво признался:

Я никогда ещё девчат не целовал
И лишь тайком любил, боясь признаться –
Какой я воин?.. Так он мне сказал.
Но я – то знал, как может он сражаться.

...А «мессеры» кружили вороньем,
Высматривая верную добычу.
И мы на дне окопа с ним вдвоем
Простились перед боем, как обычно.

И вот – ракета. И рванул отряд
Навстречу пулям и судьбе навстречу.
И каждый верил, что не всех подряд
Смерть приберёт, вот так вот, с первой встречи.

И каждый верил в чудо бытия,
Что будто с ним вовек неразделимо.
Что пуля-дура, даже пусть твоя,
Всё ж пролетит куда-то мимо, мимо...

Но, видно, «дурой» та была вдвойне,
Что, вопреки судьбы предначертанью,
Случается такое на войне,
Нашла бойца тревожной светлой ранью.

И, взором угасающим, на мир,
На, в вечность убегающее, время
Смотрел боец, а буйный жизни пир
Всё уходил в густеющую темень.

...Вновь годы-четки тихо тереблю:
Да, жизнью я совсем не избалован,
И всё ж живу, дружу, грущу, люблю,
А ты так и остался нецелован.

Малые потери

Окончен скоротечный малый бой,
Атаки немцев яростно отбиты,
Спасен тоннель, прикрыв его собой,
Все пятеро защитников убиты.

Мы, к завершенью боя запоздав,
Своих друзей погибших хоронили.
И все, по кругу фляжку передав,
Суровое молчание хранили.

Лишь командир радистке диктовал,
Мол, выполнен приказ и малой кровью
Да имена погибших называл.
И голос был пронизан жгучей болью.

А там, в штабах – незаблемый закон,
Суровый, строгий, как и всё на фронте.
И завтра уж на все на пять сторон,
Неся печаль, умчатся похоронки.

С потерей «малой» согласясь едва ль,
Всё ж приняли её – несём доньине...
Порою, взглядом я пронзая даль,
Всё думаю: а как же их родные?..

В отчаянье теряю мысли нить:
Чем горе материнское измерить,
Как сиротам, любимым объяснить,
Что были «малыми» безмерные потери?..

Память

Давно воронки все в полины,
Давно притихла в сердце боль,
Лишь память жгучая не стынет
И всё тревожит исподволь.

Неужто вновь крылом вороньим
Война закроет небосклон
И строчки новых похоронных
Пойдут будить утихший стон?

И вновь над детской колыбелью
Нависнет ужас страшным сном,
Кроваво-росною капелью
Земля умоется весной?..

Не дам, чтоб зарева пожараиш
Мне заменили свет зари,
Чтоб на могиле, где товарищ,
Бесились в пляске дикари.

Хочу, чтоб небо было чистым,
Чтоб шум веселья не утих.
Я в этом чаянье неистов,
Равно, как тысячи других.

Суровой памятью едины
И гневом праведным сильны,
Мы защитим земли седины
От грозной поступи войны.

Кирилл КАТЮШИН

35 лет. Родился в г. Ворошиловграде (Луганск), Украина. Постоянно проживает в Бухаресте. Учился на факультете экологического права и в Кулинарной Академии в Бухаресте. Любимые поэты – В.Маяковский и Ф.Лорка. Любимые писатели – Э.-Э. Шмитт, Х. Мураками и Ф.Достоевский. В периодической печати не публиковался.

Рубиновые глаза души

Иногда душа извивается змеей,
Тревожной, с рубиновыми глазами.
Может, вы её видите другой?
Но суть не меняется, знаете сами.

Бывает, парит душа над землёй,
Но пока ещё под небесами
Птицей. Совсем не важно какой,
Но тоже с рубиновыми глазами.

А случается, что, борясь с тоской,
Теряется душа в житейском хламе,
Может, птицей, а может, змеей,
Но всё же с рубиновыми глазами.

ОДИНОЧЕСТВО

Наша утренняя собранность злостью
Отражается в глазах прохожих,
Живём, разделённые пропастью,
В мирах своих непохожих.

Пугает так одиночество,
Душевное наше нутро,
Но в путь – всегда одиночками
Захлопнулись двери в метро.

И вот на пути неизведанном,
До времени, до поры,
Мы вроде бы вечно молоды,
А может, всегда стары?

Не верим своему отражению,
Но свято – в немые пророчества.
Из-за плеча соседа в метро
Смотрит на нас одиночество.

К.А.Р.андаши

Оранжевый, зелёный, красный,
На ромб ложится круг,
В неясности фигуры этой
Мечты моих подруг.

Друзей уверенности злые –
Пунктиром по краям,
И чьи-то мысли золотые,
Но чьи – не знаю сам.

И вот, штрихами расцветая
При свете дня, в ночной тиши,
Рисуют, отдыха не зная,
Души моей карандаши.

НЕ ВЫРВАТЬСЯ

Я наизнанку вывернул сомненья
И рассчитал движение вперёд.
Но, кажется, не вырваться отсюда,
И, кажется, уже который год.

А шёпот неизвестности, холодный
Меня по кругу скользкому ведёт.
Мне кажется, не вырваться отсюда,
И, кажется, уже который год.

Вот смотрит зеркало, уставшими глазами,
И долгий этот взгляд меня грызёт.
Мне кажется, не вырваться отсюда,
И, кажется, уже который год.

Я утро хмурое глотаю с чаем,
Рассматриваю дней водоворот.
Я знаю, мне не вырваться отсюда,
Ну а за годом... новый год придёт.

Александр НЕУЛИЧНЫЙ

Пишет стихи с 2005 года под псевдонимом Александр Неуличный. В настоящее время проживает в г. Самара. Публиковался мало, и в основном это был рядовой самиздат местного уровня на поэтических дуэлях не участвовал по личным соображениям.

* * *

Бледных рук твоих линии,
До одури сжимал.
Раз нежный,
Ну что ж,
Отрывай меня кусок!
Не жалко.
Бронзой выплунь,
Коль слишком много.

Шорохом листьев себя,
Пёстрым выставив,
Выстрелишь. Грохнусь,
Глаза закрыв.
Не крикливо, тихо так
Внутри струной натянутый
Вида не подав,
Не услышишь даже.

Пулей слов свинцом,
Губами минор тихий
В голос,
Пару птиц выпустишь,
Красочно размалёванных,
Мне, в распахнутый живот:
«Держи, вот,
Не отпуская».

Так и проваляюсь листвою.
Птицами яркими
Изнеженный,
А после дождём
В жаркие сутки
Звонкой нотой разрыдаюсь
Под твоим окном.

* * *

Кровоточит тихо рифма,
Когда подносишь ствол к виску.
Всё кажется таким привычным,
Кроме того, что я умру.

Слова излишни, всё без слёз,
Лишь пуля, множество народу.
Всё кажется таким привычным,

Кроме того, что я умру.
Кроме того, что это вас заденет.

* * *

Точёный мозг из кляксы картонной,
Жёваной бумаги протрацию лепит.
Грязной подземкой выводит выходы,
Белой улицей – телевизионные полосы.

Солнце выгорело в ярко-жёлтый,
В размытой яме оно блёкнет.
Простодушие умиляется красным,
Неисправное пустозвонит в колокол.

Хмурое тело у кирпичного дома
Дождливой памятью подъезда виснет.
Скрипичным ключом лезет в голову,
Беззубой улыбкой глаза цепляет.

* * *

По карнизам стучала ночь
Крупными звёздами неба.
Срывалась с высоты градом,
Погибала в открытых колодцах.
И сгущала краски,
В лужах себя мешая.
Наступала ночь, покоя не давая.

Вышел ей навстречу, вытянул руки,
Сослепу споткнувшись,
Попрощался с днём.
Темнотой залиты старые туловища
Городских неприметных домов.

Разбавляя суетливость жизни,
Треплет полы моего пальто
С запада холодный дикий ветер,
Шепча, что одиночество, совсем другое,
Ведь одиночество всегда одно.

И в сумерках, в промозглом парке,
Как будто в шутку, стою и жду чего-то,
А кроме гула ветра, никого.
Между аллей и скорченных деревьев
Цепляются обрывки человека.

Роза АБРАМЯН

Родилась 21 декабря 1934 года в Азербайджане в семье военнослужащего. В Москве получила медицинское образование. Двадцать три года проработала в Молдавском НИИ онкологии. Первая публикация – в 1962 году в газете «Советский патриот». Свои рассказы, сказки и стихи публиковала в газетах «Вечерний Кишинев», «Кишиневские новости», «Молодежь Молдавии», «Семья», «Ноев ковчег».

Был тихий зимний вечер

Был тихий зимний вечер. Падали легкие снежинки, бережно укрывая землю. В уютной теплой комнате в кресле у окна сидела пожилая женщина, а рядом на скамеечке примостился мальчик. Они только что нарядили елку, и она стояла такая красивая, сверкающая, издающая неповторимый хвойный аромат.

– Бабуля, а правда, Рождество – самый торжественный праздник? Я люблю и Новый год, но он совсем, совсем другой – много веселья, шума, гостей и бессонная ночь.

– Ты прав, да, Рождество – оно особенное. Это какое-то умиротворение, располагающее к размышлению, – немного рассеянно сказала женщина.

– Бабуля, ты еще в прошлом году рассказала мне о том, что такое Рождество и почему люди ходят в церковь. А ты, бабуля, почему в церковь не ходишь, не молишься, или ты не веришь в существование Бога?

Женщина, немного помолчав, ответила:

– Я верю в Высший Разум, в Гениального Творца, сумевшего, всё осмыслив и рассчитав, создать Вселенную. Люди нарекли его Богом, поклоняются ему, ходят в церковь, молятся и обращаются к нему с просьбами, порой неосуществимыми. А я давно для себя решила, что мне не нужны посредники. Я разговариваю с Ним иногда вслух, а иногда – мысленно. Думаю, Он меня слышит, так как возможности его беспредельны.

– Так почему же на свете столько несправедливости и горя, если Он все может? – спросил мальчик.

– На этот вопрос никто не знает ответа. Да и люди не всегда правы.

– Бабуля, а я тоже могу поговорить с Ним, хотя бы мысленно?

– Поговорить, конечно, можешь, если есть о чем.

– Я подумаю, – ответил мальчик.

– Засиделись мы с тобой, – сказала женщина, – уже и спать пора, пойдем!

Мальчику долго не спалось, но все-таки он встал рано утром и начал писать. Думал, писал, зачеркивал, перечитывал и снова писал.

За завтраком у праздничного стола собралась вся семья. Все поздравляли друг друга, обменивались подарками.

Потом женщина вновь села в кресло у окна. Под лучами солнца ветки деревьев стали будто серебряными, а ели и сосны наклонили свои лапы под тяжестью сверкающего снега. А землю укрыло сказочным белым покрывалом.

– Бабуля, а я это сделал, – сказал мальчик.

– Что, мой дорогой?

– Я обратился к Нему, написал стихи и назвал это молитвой. Сейчас я их тебе прочту, только тебе.

Думаю, ты поймешь меня.

Я прошу Тебя – УСЛЫШЬ!

Ты, кто высоко в Раю,

Ты, кто, говорят, уснул,
Ты, кто, говорят, забыл,
О том, ЧТО создал...
Я прошу Тебя – ПРИДИ!
Ты, что видишь все на свете,
Ты, кто ЖИЗНЬ всем подарил,
Ты, кто нас всех создал...
Я прошу Тебя ПОМОЧЬ,
Ты, кто знает правду,
Ты, кто громче всех молчит,
Ты, кто создал ЗЕМЛЮ...

Женщина обняла мальчика и поцеловала.

– Ты все правильно и хорошо написал, хотя еще не силен в поэзии. Спасибо тебе за доверие. Конечно, Он тебя услышит и поймет, и, возможно, что-нибудь изменится к лучшему. Хотя роптать – грех.

– Я что-то не так написал? – огорчился мальчик.

– Когда станешь взрослым, многое обдумаешь и переосмыслишь. Тогда напишешь Ему снова, – обняв, она утешила мальчика.

Потом они долго сидели молча, и каждый думал о своем и торжественном дне Рождества Христова...

Валентин КОРОВАЕВ

Родился 7 сентября 1937 года. В 1941-м с семьей был эвакуирован в Среднюю Азию в с. Кандагач. В 1945 году его мать, Миллер Софью Михайловну, по специальности врача, перевели на работу в Молдавию в г. Бендеры. Окончил 10 классов, КСХИ, мехфак. Работал главным инженером колхоза, совхоза, главным механиком СМУ, заместителем начальника управления комплектации Молдавии. С 60 лет на пенсии.

Память

Давно отгремели раскаты войны 1941-45 годов. Мало в живых осталось её участников. Закрою глаза, и в памяти упорно воскрешаются события лета того года. В то время я с родителями жил в г. Бендеры. Отчим – инвалид войны, оставившей его без ноги, а мама – врач санэпидемстанции. Мы – дети 4-8 лет, играли, разжигая костры, бросая в них патроны, снаряды, мины. Много времени проводили на станции, встречая прибывающие с запада эшелоны с победителями. Такой радости на лицах и в глазах победителей, как тогда, я больше никогда не видел. На станцию мы всегда приходили с пустыми консервными банками, в них складывали еду, которую нам давали повара солдатских кухонь. Они спасали нас от голода. Одновременно с прибывающими мы видели и уходящие эшелоны с бывшими пленными немцами. На вагонах этих эшелонов были кумачовые плакаты с текстами: «Слава СССР, мы едем домой». Такие события не забываются.

Журавель

Посвящено моему дорогому тестю Журавлю Федору Евтихиевичу.

*«Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей».*
(Расул Гамзатов «Журавли»)

Проходят годы, десятилетия. А мне кажется, что это было вчера. И в сердце незаживающая боль утраты. Это произошло 9 мая 1972 года в День Победы. Мы с моим тестем Журавлём Ф. Е. сидели за столом и отмечали праздник Победы – самый дорогой праздник наших народов. В полном смысле дорогой, так как достался он нам очень дорогой ценой потерь. Это праздник моего тестя, к которому он шагал все годы войны в инженерных войсках. Был ранен, контужен, тонул, но вернулся живым, с руками, ногами, но с очень большой болью в глазах. Вернулся и посвятил свою жизнь строительству мемориальных объектов. Молдова благодаря и его труду еще совсем недавно была цветущим садом. Работал телевизор, разговаривали. И вдруг что-то необъяснимое случилось с моим тестем. С экрана телевизора зазвучала песня Р. Гамзатова «Журавли». И когда прозвучали слова «...И в том, что есть промежуток малый, быть может, это место для меня», тесть заплакал. Ведь он – журавель. Он услышал зов своих товарищей, которых потерял на войне и которых не всегда успевали хоронить, и они превращались в белых журавлей. Он, видимо, почувствовал, что скоро займет свое место в журавлином строю. Он очень хотел пожить еще, но судьба неумолима. Мы похоронили его в 1973 году.

А мне все кажется, что он не умер, а превратился в белого журавля. И вот теперь я каждый год встречаюсь с ним два раза. Весной и осенью он пролетает в своем журавлином строю и громким курлыканьем посылает на землю приветствие нам, живущим в этой жизни, и как бы говорит: «Люди, сделайте всё, чтобы не было больше войн! Берегите мир на нашей хрупкой, но такой красивой планете!»

Победа

Сегодня мы спокойно вспоминаем
Прошедших лет ужасную войну.
Воспоминания уже душу не терзают
И не приносят больше седину.

Погибшим возданы все почести земные,
В гранит и бронзу горе заковав,
Пусть не вернуться времена лихие,
И пусть не будет вытоптаных трав.

Такая человеческая сущность –
Спокойней через время боль воспринимать.
Войны нечеловеческую бурность
Со временем спокойно осознать.

Но есть еще большое дело –
Потомкам передать войны наказ:
Чтобы в умах у них огнем горело
Героев память – как приказ.

Горит огонь у мавзолеев
Героев огненных побед;
Пусть будет он всегда лелеян
Всеми, миру давшими обет.

Паралимпийцы

Обычные люди с физической болью,
Во всем остальном, как я и как ты,
И в жизни живут человеческой ролью,
И в жизни у них людские мечты.

Как все, принимают участие в спорте,
Как все, играют, считают, поют,
Как все, бывают на море, курорте,
Как все, создают домашний уют.

Как все, желают работать, учиться,
Как все, желают миры открывать,
Как все, умеют смеяться и злиться,
Умеют дружить и не предавать.

Летчик Мересьев – пример героизма,
Оставшись без ног, воевал и летал,
Служил беззаветно родимой отчизне,
За это парад о нем песни слагал.

Конечно, здоровому в жизни полегче,
Конечно, здоровому все нипочем,
Но радость победы от трудностей крепче,
И в жизни трудягу героем зовем.

И я посвящаю боль сердца и песню
Всем вам, не сломленным невзгодой судьбы,
Пусть жизнь ваша будет дальше чудесней,
Наполненной радостью смелой борьбы.

Баллада о вине

Давным-давно, и нам то неизвестно,
Когда гроздь винограда привлекла людей,
Когда впервые человек безвестный
Сорвал с куста плод солнечных лучей.

Сорвал, попробовал и очень удивился,
Насколько ягода вкусна, сладка на вкус,
Что долго виноград в траве таился,
Что долго обходил вниманьем куст.

Собрал тот человек гроздей корзину,
Чтоб про запас хватало что поесть,
Но жизни той суровую годину
Первопроходец не сумел учесть.

Заботы жизни закрутили,
Заставили забыть запас,
И ягоды на землю сок пролили,
И получился почти квас.

Конечно, человек про грозди вспоминал,
Пришел покушать ягод вновь,
То, что увидел, тихо молвил,
Что пролилась из ягод кровь.

И в порче ягод обвинил
Себя тот человек безвестный,
Что зря он ягоды добыл,
Что зря нашел тех ягод место.

Вином назвал он ягодную кровь –
От человеческого слова «виноватый»,
Сыскал напиток человечества любовь
И виноградом стал народ богатый.

Ирина КОРОТЧЕНКОВА

проект осуществляется при поддержке компании Orange

Чудо в океане

Недавно, побывав на родине, в Молдове, я возвращалась в Корею, где мы с мужем живем уже пять лет. Еще в Шереметьево я заметила группу людей, проходивших регистрацию вместе со мной. Было видно, летят они в Корею вместе, причем впервые. Так получилось, что в самолете я сидела в окружении именно этой группы, в составе которой были российские журналисты, представители различных средств массовой информации. Десятичасовой полет проходил, как всегда, долго, и за несколько часов до приземления в Сеуле мы разговорились. Оказалось, российские

журналисты были приглашены в Корею конгломератом Lotte, которому принадлежат отели, торговые центры, курорты, поля для гольфа и многое другое. Представители Lotte решили поближе познакомиться с журналистами со всеми видами деятельности своей империи, как ее здесь называют. Самое интересное, что россияне понятия не имели, что конкретно их ждет в Корее. А насчет своей недельной программы они сказали что-то вроде: «Мы проведем несколько дней в Сеуле, а потом полетим на какой-то остров».

– Вы наверняка полетите на остров Чеджу, ведь это жемчужина Кореи, ее Гавайи! Это необычайно красивый остров с многовековой историей, окутанный легендами о древних божествах, потомки которых основали королевство Тамна, впоследствии переименованное в Чеджу. Неужели вы ничего о нем не слышали? – изумилась я.

– Нет, мы не в курсе! – подтвердили мои попутчики.

– Ну тогда я расскажу вам немного об этом необыкновенном острове и надеюсь, когда вы туда попадете, то посмотрите на все окружающее другими глазами.

* * *

Говорят, в древних буддийских манускриптах написано, что через Корейский полуостров проходит энергетический разлом и особенно он силен на острове Чеджу-до («до» по-корейски означает остров). При-чем энергия этого разлома – положительная, лечебная. Может быть, поэтому всегда, когда я бываю на этом острове, меня не покидает чувство восторга и умиротворения одновременно, или, попросту сказать, счастья. Чеджу-до кажется маленьким, особенно на карте мира – всего 47 километров с севера на юг и 82 – с запада на восток. Однако это самый большой остров Кореи и самый дальний, омываемый с востока Тихим океаном, а с юга и запада – Восточно-Китайским и Южным морями.

Сам остров Чеджу – это огромная базальтовая скала, образовавшаяся два миллиона лет назад, о чем до сих пор напоминает спящий уже тысячу лет вулкан Халла-сан («сан» по-корейски – гора), возвышающийся в самом центре острова и видимый из любой его точки. Если гора Халла не прячется в облаках, значит, будет хороший, ясный день. Каждое утро, просыпаясь в нашем любимом маленьком отеле, по-домашнему уютном, расположенном в ста метрах от горного ущелья с каскадом из трех водопадов, я первым делом смотрю в окно: не прячется ли Халла-сан в облаках?! И если нет, то знаю, что пляжная погода нам обеспечена.

Древняя легенда гласит, что основательницей острова и первой женщиной была божественная Бабушка Солмундэ, необычайно большая и сильная. Ей понадобилось только семь раз взмахнуть лопатой, чтобы насыпать самую высокую гору Кореи – Халла-сан. Бабушка была такой огромной, что запросто могла спрятать эту гору под своей юбкой. Из грязи, падающей с ее порванной во время тяжелой работы юбки, и образовались 368 вторичных конических вулканов-орымов, которые усеяли весь остров, имеющий вулканический ландшафт и лавовое побережье.

Субтропический климат, ущелья и водопады, песчаные пляжи, пещеры, королевские пальмы, мандалариновые сады, поля для гольфа, парки, музеи, плантации зеленого чая – это все Чеджу-до, и здесь, глядя на всю эту красоту, я чувствую себя по-настоящему счастливой.

В древние времена остров назывался Сам-да-до, что в переводе с корейского означает Остров триединств. Это – триединство ветров, камней и женщин. Ветра, дующие с океана, здесь бывают сильными, особенно когда приходят осенние и зимние тайфуны. Камни – повсюду. Островитяне живут в домах, построенных из камней, ими выкладывают дорожки, украшают сады, парки и строят ограды. «Он и на камне выживет!» – говорят корейцы о выносливом и непритязательном человеке. А женщины острова

всегда играли главную роль в жизни островитян. Здесь веками царил матриархальный уклад, и именно женщины руководили хозяйством, решали, как обрабатывать поля и когда собирать урожай, именно они кормили семью, в то время как мужчины занимались домашним хозяйством, нянчили детей и готовили пищу. И до сих пор жители острова радуются рождению девочки больше, чем мальчика, а в семье женщина по-прежнему занимает главенствующую роль.

Только здесь, на Чеджу, на пляже, в любую погоду мы встречаем удивительных женщин-ныряльщиц – хеньё. Еще с древних времен именно они обеспечивали пропитание своим семьям, ныряя на глубину до 20 метров и задерживая дыхание до двух минут. Профессия ныряльщицы – наследственная, она передавалась от матерей к дочерям, которые уже к 8-9 годам обучались этому ремеслу. Хеньё выходят на промысел в течение всего года, даже зимой, собирают моллюсков, морские водоросли, ловят осьминогов и трепангов. Часть морепродуктов хеньё продают прямо на пляже, где у каждой есть свой стол под зонтиком и пара стульев. За умеренную плату они предлагают отведать свежие, еще шевелящиеся дары моря, сдобренные лишь острым соусом кочуджан. Жаль только, что сейчас уже не увидишь среди хеньё молодых девушек, которые предпочитают учиться в университетах на деньги, заработанные тяжелым трудом их мам и бабушек. Из года в год, прилетая на Чеджу, мы встречаем на пляже хеньё, которые ныряют, добывают, а затем продают морепродукты, и все они – пожилые женщины, вернее, старушки. Их маленький бизнес если и не процветает, то и не умирает, так как всегда находятся желающие отведать свежие дары моря, особенно среди корейцев-мужчин, которые знают, как это для них полезно.

* * *

На Чеджу-до мы, как правило, прилетаем в сентябре, когда купальный сезон уже закрыт и можно спокойно поплавать в необычайно прозрачной голубой воде Тихого океана под изумленными взглядами корейцев, которые осенью уже не купаются. Для них вроде бы уже холодно, хотя вода еще очень теплая и солнце шпарит, как летом. Но корейцы – народ законопослушный. Раз купальный сезон закрыт, значит, можно только пройтись по пляжу с фотокамерой и сфотографировать странных русских, которые не только умеют плавать, но даже заплывают далеко от берега, а затем жарятся на горячем песке, покрываясь загаром, который так непопулярен в Корее. В это время года нас уже не беспокоят спасатели, обычно бдительно следящие за купающимися и не позволяющие отдаляться от берега. Кстати, они, как и большинство корейцев, не умеют плавать, а только бегают по берегу, дуют в свистки и отчаянно машут руками, если кто отважится заплыть подальше.

В один из солнечных сентябрьских дней мы с супругом как всегда отдыхали на нашем любимом пляже Джунгмун, расположенном в самой южной части острова. Океан был спокойный, песок горячий, а пейзаж с затерявшимися в океане островами и нависшими над пляжем лавовыми утесами, обрамленными королевскими пальмами, радовал глаз. Мой муж не любитель долго плавать, а вот я, в отличие от него, могу плескаться в океане часами. В тот раз я плавала одна, мой благоверный стоял на берегу и следил, чтобы со мной ничего не случилось. Следил, да не уследил.

Я никогда не боялась заплывать далеко. Акулы в этом регионе не водятся, а многочисленная морская живность пловцов не тревожит. Осьминоги, моллюски, рыбы, морские ежи – все живут в мире и согласии в акватории пляжа и прибрежных камнях. Ныряльщицы хеньё заплывают гораздо дальше меня. Их оранжевые буйки-тайваки, к которым они привязывают сетку для морской живности, разбросаны по поверхности океана далеко от берега. Я всегда мечтала подплыть к одной из хеньё и понаблюдать, как она ныряет на большую глубину, добывая рапанов, трепангов и прочие дары океана. Но мечта моя и не сбылась, так как мне не хотелось смущать хеньё своим любопытством во время их нелегкой работы. А после небольшого происшествия эта охота и вовсе отпала.

Ярким, еще по-летнему жарким сентябрьским утром я плыла в чистой голубой воде спокойного, словно озеро, океана, пытаясь поближе подобраться к ныряльщицам. Знала, мне ничто не угрожает – акул здесь нет, к тому же мой супруг как верный страж стоял на берегу и бдительно следил за мной, прикрываясь ладонью от бывшего в глаза солнца. Но все изменилось в один момент. Вокруг моей талии и бедер начал вращаться белый шар размером чуть меньше футбольного. Он был плотным, гладким и холодным, а его поверхность, касавшаяся моих бедер при вращении, напоминала на ощупь кожу дельфина. Вращался шар с огромной скоростью, на что не способен ни один земной объект таких размеров, если учитывать сопротивление воды. Сказать, что я испугалась, это ничего не сказать. Пожалуй, я не была так напугана никогда в жизни. Вода вокруг меня бурлила от вращения шара. Он вращался так быстро, что почти превращался в белый круг, опоясывающий мои бедра и живот и касающийся их время

от времени своей гладкой поверхностью. Кое-как я взяла себя в руки и размашистым кролем поплыла к берегу. Я плыла очень быстро, может, разбила какие-то рекорды, но шар не отставал, несмотря на мою приличную скорость. Время от времени, опуская голову в воду, я ясно видела стремительно вращающийся вокруг меня белый шар и чувствовала его касания. Так мы с ним и плыли: он делал свою работу, а я, в полуобморочном состоянии, теряя последние силы, приближалась к берегу, изредка поглядывая на своего преследователя. И только когда мои ноги коснулись песка, шар наконец отстал. Как он исчез, я не заметила, так как к тому времени совсем обессилела. Почти на четвереньках я выползла на берег и плюхнулась на песок у кромки воды.

– Ну ты даешь! – услышала я изумленный голос подошедшего супруга. – Я тут стоял и любовался, как быстро и красиво ты плыла! Даже не думал, что ты так умеешь.

– !!! – был мой ответ.

Не знаю, поверил ли муж в мой рассказ о странном шаре. Он – прагматик, ученый, и не верит ни в какие летающие или плавающие объекты необъяснимого происхождения. Однако такой напуганной он меня точно никогда не видел. И, надеюсь, не увидит, так как с тех пор я никогда далеко не заплываю.

* * *

Осенью пляж Джунгмун практически пуст. Я люблю гулять у кромки воды, собирая необычные ракушки ярко-красного и оранжевого цвета. Если повезет, нахожу зеленую раковину моллюска галлиотиса или морского ушка. Они – большая редкость и поэтому особенно ценятся. В конце пляжа, под лавовым уте-сом, у разбросанных временем и океаном черных камней я останавливаюсь и наблюдаю за хеньё, которая выходит из моря, облаченная, как и все ныряльщицы, в гидрокостюм. Хеньё снимает маску, ласты и начинает разбирать свой улов. Я вижу, это совсем старенькая бабушка, ей наверняка далеко за восемьдесят. Мне очень хочется ее сфотографировать, но ныряльщицы этого не любят – начинают кричать и махать руками. Хеньё закидывает за спину тайвак, подхватывает сетку с дарами моря и неспешно уходит по мокрому от накатывающихся волн песку. Она идет к своей кафешке, где попытается продать свой улов редким в это время года туристам. Я смотрю ей вслед и отваживаюсь сделать снимок этой старенькой труженицы, устало бредущей по пляжу. У меня сжимается сердце, и я тихо говорю ей вслед: «Да хранит тебя и нелегкий твой труд, бабушка хеньё, твой Бог. Может, буддийский, может, шаманский, а может, тот шар в океане, который мне встретился однажды».

Com.

Tiraj 1000 (3500) ex.

Î.S. Firma editorial-poligrafică «Tipografia Centrală»

MD-2068, Chişinău, str. Florilor, 1

Tel. 43-03-60, 49-31-46